

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 2
(апрель–июнь)

2020

**CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK**

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 2
(APRIL–JUNE)

2020

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№2(22) (апрель – июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»
№2(22) (April – June)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова – доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;

П.П. Яковлев – доктор экономических наук;

А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2020

Содержание:

Владимир ВАСИЛЬЕВ. На повороте нового «осевого времени»: кризис 2020 г. и макроциклы американской истории	6
Петр ЯКОВЛЕВ. Эффект COVID-19: Испания перед вызовами коронакризиса	22
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Перспективы неолиберализма	38
Антон КРУТИКОВ. «Дайте спокойно пожить». Украинское Учредительное собрание 1917–1918 гг.	55

1945–2020: К 75-летию Ялтинской конференции

Владимир ПЕЧАТНОВ. Ялтинские решения: была ли альтернатива для Запада?	71
Сергей ЮРЧЕНКО. Советская делегация на Ялтинской конференции 1945 г.: слагаемые успеха	84
Сьюзен БАТЛЕР. Рузвельт и Сталин: встреча в Ялте	101
Марк АЛМОНД. Черчилль и дипломатия саммитов: Модели военного времени для поддержания послевоенного мира	107
Жак ОГАР. 75 лет спустя: что стало с принципами Ялты?	124
Алексей АЛЕКСАНДРОВ. Крымская конференция и Нюрнбергский процесс: уроки истории	128
Алексей ТИМОФЕЕВ. «Большая сделка» Ялтинской конференции и ее осуществление на местах: случай Югославии. Приграничное повстанчество 1945–1948 гг.	133

Authors	147
----------------------	-----

Abstracts and Keywords	148
-------------------------------------	-----

Contents:

Vladimir VASILIEV. At the Turn of a New Axial Age: The Crisis of 2020 and Macro Cycles in American History	6
Petr YAKOVLEV. Effect of Covid-19: Spain Faces the Challenge of Corona Crisis	22
Vladimir KONDRATEV. Prospects for Neoliberalism	38
Anton KRUTIKOV. “Let us Live in Peace”. The Ukrainian Constituent Assembly 1917–1918	55
 1945–2020: For the 75th Anniversary of the Yalta Conference	
Vladimir PECHATNOV. Yalta Decisions: Was There an Alternative for the West?	71
Sergey YURCHENKO. The Soviet Delegation at the 1945 Yalta Conference: Components of Success	84
Susan BUTLER. Roosevelt and Stalin at Yalta	101
Mark ALMOND. Churchill and Summit Diplomacy: Wartime Models for Keeping Post-War Peace	107
Jacques HOGARD. 75 Years Later, What Has Become of the Principles of Yalta?	124
Aleksey ALEKSANDROV. Crimean Conference and Nuremberg Trials: Lessons from History	128
Alexey TIMOFEEV. The “Grand Bargain” of the Yalta Conference and its Implementation on the Ground: the Case of Yugoslavia. Border Insurgency 1945–1948	133
Authors	147
Abstracts and Keywords	148

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-6-21

УДК 94 (73); 32

Владимир Васильев

На повороте нового «осевого времени»: кризис 2020 г. и макроциклы американской истории

Аннотация. Обосновываются правомерность и прогностическая адекватность рассмотрения истории США через призму политических циклов последовательной смены либеральных и консервативных волн, получивших хрестоматийное признание в американской исторической науке после работы А. Шлезингера-мл. «Циклы американской истории» (1986). В настоящее время в американской истории насчитывают 8 политических циклов продолжительностью 30–33 года. В конце XX в. американские аналитики стали активно развивать теорию исторических макроциклов продолжительностью 80 лет. Со времени своего создания США пережили три цикла подобного рода, а в настоящее время происходит переход к четвертому подобному макроциклу. Переход протекает в форме острейших потрясений и кризисов в американском обществе, сопоставимых по значимости и последствиям с Американской войной за независимость 1775–1783 гг., Гражданской войной 1861–1865 г. и участием США во Второй мировой войне в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: политические циклы, циклы американской истории, исторические макроциклы, А. Шлезингер-мл., теория поколений, кризис 2020 г., У. Штраус и Н. Хоу, С. Бэннон, новое «осевое время».

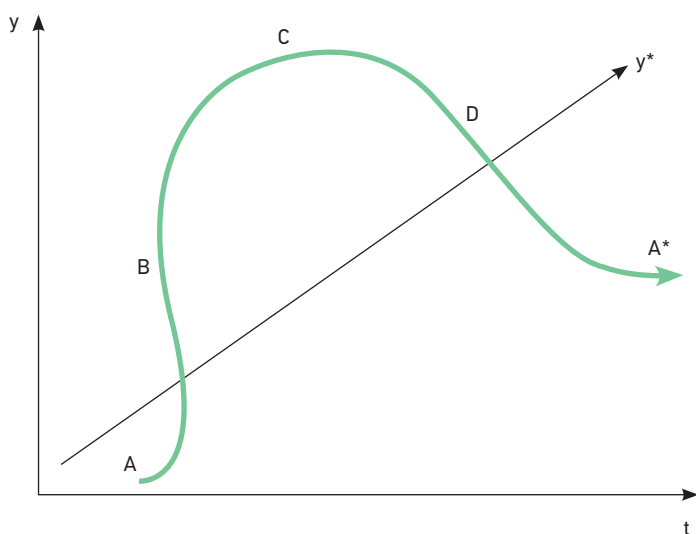
Периодизация как американской истории в целом, так и ее различных этапов является устоявшимся методом изучения и прогнозирования прошлых и будущих временных интервалов исторического развития США, начиная с периода становления американской республики в последней четверти XVIII в. Начало формализации этой методологии понимания фундаментальных движущих сил и импульсов американских исторических процессов было положено трудами видных американских историков Артура Шлезингера-ст. (1888–1965) и его сына Артура Шлезингера-мл. (1917–2007). В законченном виде теория исторических циклов Шлезингеров нашла свое воплощение в работе А. Шлезингера-мл. «Циклы американской истории», увидевшей свет в 1986 г.

Следует заметить, что в сфере общественных наук теории и модели циклов первоначально активно разрабатывались и применялись в экономической науке с начала XIX в. В их разработку большой вклад внесли, в числе прочих, такие видные экономисты и социологи, как Клеман Жюгляр (1819–1905), Карл Маркс (1818–1883), Уильям

Сведения об авторе: ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

Джеворнс (1835–1882), Джозеф Китчин (1861–1932), Николай Кондратьев (1892–1938), Йозеф Шумпетер (1883–1950), Саймон Кузнец (1901–1985).

В «сухом остатке», применительно к другим общественным наукам, прежде всего к истории и исторической политологии, теоретическая модель исторического и/или политического цикла может быть представлена в виде протяженной во времени синусоидальной кривой, приведенной на рис. 1.

Y^* — результирующий вектор тенденции развития общественной системы;

Y — цивилизационный вектор поступательного развития общественной системы;

t — временной хронологический порядок;

A — исходная область развития тенденции общественного процесса;

B — набирающая силу область тенденции общественного процесса;

C — наивысшая фаза действия тенденции общественного процесса;

D — исчерпание действия тенденции общественного процесса;

A^* — возвращение в исходную область тенденции, которая начинает проявлять себя как тенденция противоположного свойства.

Рис. 1. Общий вид циклического развития общественного феномена

Таким образом, фазы исторического развития находятся под влиянием двух факторов: во-первых, временного (периода, в течение которого действует данная тенденция общественного развития, во-вторых — фактора интенсивности ее проявления.

Если обратиться к теориям циклического развития экономики, то они отличаются друг от друга прежде всего продолжительностью экономического цикла. В частности, цикл К. Жюгляра имеет продолжительность от 7 до 11 лет, цикл К. Маркса — 10 лет, цикл Дж. Китчина — от 3 до 5 лет, цикл Н. Кондратьева — от 45 до 60 лет, цикл С. Кузнеца — от 15 до 25 лет [Bormotov, p. 6].

Принцип продолжительности циклов американской истории, развивавшийся Артур Шлезингером-мл., и стал краеугольным камнем теории циклического развития Америки. При этом ключевой экономический показатель — валовый внутренний продукт (ВВП) — трансформировался в показатель функционирования политической системы американского общества в рамках дихотомии «либеральная эпоха — консервативная эпоха».

Циклическая смена либеральных и консервативных периодов в истории США

Изучение американской истории через призму сменяющих друг друга эпох, которые династия историков Шлезингеров определила как ритмическую смену периодов либерализма и консерватизма, привело А. Шлезингера-мл. к выводу, что с момента официального провозглашения Американской республики в 1776 г. в историческом развитии американской политической системы четко прослеживаются циклы, равные 30–33 годам.

В работе «Циклы американской истории» А. Шлезингер-мл. очертил базовую, в его понимании, методологическую проблему: каким образом теоретическая модель, которая характеризует закономерность «тридцатилетних колебаний от общественной цели к частному интересу и обратно, стыкуется с политической историей Соединенных Штатов XX в.?» [Шлезингер, с. 53]. При этом американский историк подчеркнул, что «цикл — это не маятник, качающийся между неподвижными точками, а спираль, он допускает новое и потому избегает детерминизма» [Шлезингер, с.52]. Базовый цикл продолжительностью 30–33 года распадается на два подцикла — либеральный и консервативный, каждый по продолжительности равный примерно 15–16,5 года.

Американская история, обусловленная периодической сменой президентов и нахождения у власти двух основных «системообразующих» партий — Демократической и Республиканской, может быть четко привязана к процессу избирательных президентских циклов, имеющих закрепленную в Конституции США продолжительность в 4 года. Принципиально важно, что с момента первых президентских выборов в 1788 г. они с хронометрической точностью проводились каждые 4 года (в первый вторник после первого понедельника в ноябре каждого високосного года) при любой политической и социально-экономической «погоде» — во время гражданской и мировых войн, в периоды жесточайших социально-экономических кризисов и масштабных политических потрясений. Так продолжалось на протяжении 228 лет с момента избрания первого президента США Джорджа Вашингтона.

Это важнейшее обстоятельство способствовало кристаллизации временных параметров циклов политической истории США. «Концепция тридцатилетнего цикла объясняет наступление как эпох общественной целеустремленности — Теодор Рузвельт в 1901 г., Франклин Делано Рузвельт в 1933 г., Джон Фитцджеральд Кеннеди в 1961 г., — так и возникновение подъёмов волны консервативной реставрации — 20-е, 50-е, 80-е годы» [Шлезингер, с.56–57]. Модель 30–33-летних циклов смены либеральных и консервативных эпох прекрасно сработала в XX — XXI вв. Начало мощной

либеральной волне американской истории было положено в XX в. воцарением в Белом доме в 1901 г. вице-президента Т. Рузвельта (после убийства в сентябре 1901 г. президента Уильяма Маккинли), ознаменовавшим наступление реформаторских преобразований «прогрессивной эры». Через тридцать лет могучая либеральная волна в виде реформ и программ «Нового курса» привела к власти президента Ф. Рузвельта. Спустя еще тридцать лет — в 1960–1961 гг. — пробил, по выражению видного экономиста и общественного деятеля Джона Гэлбрейта, «час либерализма» [Galbraith, 1960] демократических администраций Джона Кеннеди — Линдона Джонсона, а еще спустя 30 лет волна либерализма обозначила себя в 1992–1993 гг. приходом к власти в лице президента Уильяма Клинтона и вице-президента Альберта Гора молодых политиков-демократов новой эпохи, начавшейся после окончания «холодной войны».

Консервативные политические контрреволюции по своему влиянию на американское общество и американскую политику были не менее, если не более сильными чем волны либерализма. Начало безраздельному господству Республиканской партии в 1921–1933 гг. было положено на президентских выборах 1920 г. безоговорочной победой Уоррена Гардинга. В 1952–1953 гг. приход к власти президента-республиканца Дуайта Эйзенхауэра и вице-президента Ричарда Никсона ознаменовал собой наступление классической эпохи «республиканской нормальности» 1950-х годов. Спустя 30 лет консервативная волна приняла форму правого реванша 1980-х годов, олицетворяемого современной «иконой» республиканцев — Рональдом Рейганом, а в середине второго десятилетия XXI в. обернулась «пришествием» Дональда Трампа и трампизма. Внутри- и внешнеполитический разворот последнего, возможно, вообще не имеет аналогов не только в новейшей, но и во всей американской политической истории.

В ретроспективном плане на парадигму 30–33-летней цикличности оказала воздействие Гражданская война в США 1861–1865 гг., которая увеличила продолжительность консервативного подцикла, последовавшего за ее окончанием и удлинила стартовавший в начале 1860-х годов цикл примерно на 10 лет, до начала 1900-х годов.

Период американского исторического развития с 1869 по 1901 г. принято называть «позолоченным веком» (Gilded Age). Именно в эти годы произошла трансформация общества из аграрного в индустриально-аграрное: США превратились в одну из ведущих промышленных стран мира — в условиях практически безраздельного господства консервативных политиков от Республиканской партии. Единственным президентом-демократом, избранным в «позолоченный век», был бывший губернатор штата Нью-Йорк Гровер Кливленд (1837–1908), который «был настолько консервативен, что республиканцев вполне устраивало его президентство» [The Age of Political Machines]; при этом он оказался единственным американским политиком, который руководил страной дважды (в 1885–1889 гг. и в 1893–1897 гг.), почему и вошел в историю США как 22-й и 24-й президент¹.

1 Многие достаточно авторитетные американские историки, такие как Стив Фрейзер и профессор Рутгерсовского университета Джеймс Ливингстон, в последние годы активно развивали мысль, что США времен Д. Трампа являются вторым изданием закономерностей и характерных черт «позолоченного века». См., в частности, [Fraser, 2018].

С самого возникновения США отчетливо прослеживается закономерность смены либеральных и консервативных периодов, составивших в итоге 8 законченных циклов в 30–33 года (первый цикл продолжался несколько меньше — около 25 лет). В таблице представлена ритмическая смена таких волн с 1776 по 2020 г.

Таблица

Восемь циклов исторического развития США в 1776–2020 гг.

№ цикла	Либеральный подцикл	Консервативный подцикл
1.	Движение за создание Конституции США, 1776–1788 гг.	
		Федерализм Александра Гамильтона, 1788–1800 гг.
2.	Период правления Т. Джефферсона и господства его идей, 1800–1812 гг.	
		Период отката от либерализма после американо-британской войны 1812 г., 1812–1829 гг.
3.	Демократия эпохи президента Эндрю Джексона, 1829–1841 гг.	
		Политическое доминирование рабовладельческого класса, 1841–1861 гг.
4.	Отмена рабства и период «реконструкции Юга», 1861–1869 гг.	
		«Позолоченный век», 1869–1901 гг.
5.	«Прогрессивная эра», 1901–1919 гг.	
		Республиканская политика возвращения к «нормальности» после окончания Первой мировой войны, 1920–1932 гг.
6.	«Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, 1932–1947 гг.	
		Эпоха классического республиканского консерватизма, 1948–1960 гг.
7.	Борьба за права и социально-экономические реформы 1960–1970-х годов, 1961–1978 гг.	
		Республиканская контрреформация Р. Рейгана – Джорджа Буша-ст., 1979–1992 гг.
8.	Период «новой демократии», либеральной модели глобализации и мирового доминирования США после окончания холодной войны, 1992–2016 гг.	
		«Америка превыше всего» Дональда Трампа, с конца 2016 г. по н. в.

Окончание холодной войны в начале 1990-х годов также оказало достаточно заметное «возмущающее» влияние на временную протяженность либеральных и консервативных подциклов. В 1992–2017 гг. в США наблюдались достаточно продолжительные

периоды «раздельного правления», при котором одна партия (демократы) контролировала Белый дом (администрация Уильяма (Билла) Клинтона в 1993–2001 гг. и администрация Барака Обамы 2009–2017), в то время как другая (республиканцы) контролировала обе палаты Конгресса США (1995–2001) или осуществляла достаточно эффективный контроль над Конгрессом, успешно блокируя практически все инициативы администрации Б. Обамы (2011–2017). В 2001–2009 гг. при республиканской администрации Джорджа Буша-мл. ситуация повторилась: в 2001–2003 гг. и в 2007–2009 гг. демократы в Конгрессе эффективно блокировали все инициативы республиканской администрации Дж. Буша-мл.

Поэтому период американской истории с 1993 по 2017 г. может быть охарактеризован как смена подпериодов *консервативного либерализма* на *либеральный консерватизм* и наоборот. Основное объяснение слабой демаркационной линии между либеральным и консервативным векторами связано с господством неолиберальной модели глобализации и доминированием США на мировой арене, чему следовали и демократические администрации У. Клинтона и Б. Обамы, и республиканская Дж. Буша-мл. Однако вполне возможно, что в XXI в. все большую «корректирующую» роль стала играть логика очередного наступающего макроцикла американской истории, теорию которого в 1990-е годы активно развивали Уильям Штраус (1947–2007) и Нил Хоу (1951).

Существуют ли макроциклы исторического развития США?

В своем анализе методологических основ циклического понимания этапов американского исторического развития А. Шлезингер-мл. указал, что «один... параметр циклического процесса заслуживает особого внимания. Ибо именно жизненный опыт поколения — вот что играет роль главной движущей силы политического цикла». При этом он выделил то обстоятельство, что «рост демократии ослабил внешние социальные атрибуты, унаследованные от феодализма, и сделал поколение категорией, удобной для того, чтобы сгруппировать людей, не обращая внимания на все прочие различия между ними. Возраст пришел на смену статусу в качестве индикатора положения в обществе». Смена поколений является важнейшим фактором исторического процесса — на это обстоятельство еще в XIX в. обратил внимание французский исследователь Алексис де Токвиль, который акцентировал важнейшую черту цивилизационного развития США, состоящую в том, что в Америке «каждое поколение — это новый народ» [Шлезингер, с.50].

Именно принцип смены поколений был положен в основу периодизации американского исторического процесса, разработанной Уильямом Штраусом и Нилом Хоу. Общая концепция макроциклов американской истории продолжительностью порядка 80 лет¹ была изложена ими в работах «Поколения» (1991 г.) и «Четвертый поворот» (1997 г.). Теория макроцикла в самом общем виде базировалась на представлении, что

1 Напрашивается аналогия с теорией длинных волн Н.Д. Кондратьева применительно к ритмическому развитию экономических систем.

на протяжении 80 лет происходит полная смена поколения, являющегося в исходный момент цикла носителем общественной исторической памяти.

В качестве точки отсчета исторического времени были выбраны 1780–1781 гг. Это было связано с тем, что США, провозгласившие независимость летом 1776 г. на фоне военного конфликта с Великобританией, тут же оказались вовлеченными в «полномасштабную» войну с британской метрополией, к которой впоследствии примкнули Франция и Испания. Война за независимость 1775–1783 гг. (или, как еще ее называют в США, Американская революционная война) и была исходным событием, сформировавшим основной пласт исторической памяти для первого поколения американских граждан, рожденных в независимой американской республике.

Война за независимость оказалась одной из самых кровопролитных войн, которые вели США на протяжении своей истории. По отрывочным данным, в ходе военных действий бывшие колонисты потеряли от 50 до 70 тыс. человек, что составляло примерно от 2,0% до 2,8% всего населения молодой американской республики на тот период. Около 8 тыс. человек были убиты, 25 тыс. ранены или стали инвалидами; еще не менее 17 тыс. человек скончались от ранений и вызванных ими болезней, в том числе от эпидемии оспы, бушевавшей почти всю войну на всем Северо-Американском континенте [Shy, pp. 249–250]. По количеству жертв эпидемия, начавшаяся в Бостоне, превзошла потери колонистов в ходе Войны за независимость. Достаточно сказать, что при общей численности населения молодой американской республики около 2,5 млн человек оспа «выкосила» от 80 тыс. до 100 тыс. человек, т.е. от 3,2 до 4,0% населения [Llewellyn, Thompson]. Затронула она и коренное индейское население: только на территории нынешнего штата Вашингтон на тихоокеанском побережье США в течение 7 лет от оспы погибло 11 тыс. индейцев, что обернулось сокращением численности коренного населения этого штата на 30% — с 37 тыс. до 26 тыс. человек. Как отметила историк Элизабет Фенн, хотя в анналы американской истории эти годы вошли как эпоха Войны за независимость США, которая «навсегда изменила глобальную политику» «для многих жителей Северной Америки именно эпидемия оспы стала определяющим знаковым событием, поскольку, наряду с войной, эта эпидемия явилась самым серьезным испытанием, до основания сотрясшим весь Северо-Американский континент в тот период» [Fenn, p. 9].

Примерно через 80 лет поколение американцев, основавших независимую Американскую республику и переживших ужасы эпидемии оспы, а также рожденных в этот период, полностью сошло с исторической сцены. Америка утратила поколенческую («живую») память о первых годах существования независимых США, что явилось важнейшим фактором, предопределившим политический и социально-экономический кризис рубежа 1850–1860-х годов, трансформировавшийся в Гражданскую войну 1861–1865 гг.

В ретроспективном плане Гражданская война оказалась самой кровопролитной в истории всех войн, которые когда-либо вели США. Общие потери противоборству-

ющих сторон — северян и южан — достигли не менее 750 тыс. человек, что составило 2,4% всего населения США, насчитывавшего 31,5 млн человек. В качестве верхней границы людских потерь предположительно называется даже более внушительная цифра — 850 тыс. человек [Hacker, p. 307]. Причем их большая часть (примерно 70%) пришлась на долю гражданского населения, поскольку, согласно официальной статистике министерства по делам ветеранов США, потери американских военнослужащих составили около 215 тыс. человек — 140,4 тыс. в армии северян и 74,5 тыс. в армии Конфедерации [Department of Veteran Affairs...]. Кроме того, повторились особенности Войны за независимость США, когда из каждых трех погибших военнослужащих двое скончались в результате «диареи, дизентерии, кори, брюшного тифа и малярии, а также других заболеваний» [Coker].

Американские историки в целом согласны в том, что Гражданская война, когда на карту было поставлено само существование США как федеративного государства, явилась сильнейшим «тектоническим» потрясением, когда-либо испытанным Америкой. Один из признанных специалистов по проблематике Гражданской войны, профессор Принстонского университета Джеймс Макферсон так охарактеризовал этот период в процессе развития США: «Гражданская война оказала бóльшее влияние на американское общество и политику, чем любое другое событие в истории страны. Это был также самый травмирующий опыт, пережитый каким-либо поколением американцев» [McPherson].

Уничтожение системы рабства в южных штатах, наделение четырех миллионов бывших рабов гражданскими правами, равными с остальной частью американского общества, подавление сепаратистских тенденций, утверждение идеологии и символов единого государства, начало процесса трансформации аграрной страны в индустриально-аграрную — все эти факторы способствовали народжению «новой» американской нации. До начала Гражданской войны страна считалась объединением достаточно автономных государств-штатов — после ее окончания американцы постепенно стали ощущать себя единой нацией.

Изменился и баланс сил в рамках обновленного государства. С момента принятия Конституции в 1787 г. и вплоть до 1861 г. рабовладельцы из штатов, образовавших в первой половине 1860-х годов Конфедерацию Юга, занимали должность президента США в течение 49 лет из 74, т.е. почти 2/3 времени. 23 спикера Палаты представителей из 36 за тот же период также происходили из южных рабовладельческих штатов, равно как и все 24 председателя Сената (вице-президенты США). После же Гражданской войны первым американским президентом-южанином стал — спустя 100 лет — избранный в 1964 г. Линдон Джонсон. В течение 50 лет после окончания Гражданской войны лишь один политик-южанин был спикером Палаты представителей, и только один раз за 100 лет после 1860 г. южанин стал председателем Сената (тот же Л. Джонсон в 1961 г.). «Новая» американская нация стала воспитываться на идеалах свободы и равных гражданских прав, в то время как «прежние» поколения американцев подспудно придерживались рабовладельческой философии.

Через примерно 80 лет сошли на нет поколения, принимавшие участие в братоубийственной Гражданской войне или пережившие ее ужасы. США оказались на историческом перепутье 1940–1941 гг. Официально декларируя принцип нейтралитета, администрация Ф.Д. Рузвельта начала активно готовиться к возможному вступлению во Вторую мировую войну с самого ее начала в сентябре 1939 г. В течение двух лет, вплоть до официального вступления США в войну в начале декабря 1941 г., по инициативе Рузвельта были осуществлены следующие мероприятия: 1) принята программа увеличения в два раза численности американского военно-морского флота; 2) США взяли на себя обязательства по защите военными средствами любой страны Северной, Центральной и Южной Америки в случае военного нападения на нее; 3) принят закон о военном призыве в мирное время мужчин в возрасте от 21 года до 35 лет (до вступления США в войну было призвано 1,2 млн человек); 4) заключена сделка о продаже Великобритании 50 устаревших американских эсминцев в обмен на аренду английских баз в Карибском бассейне; 5) отдан приказ кораблям ВМФ атаковать немецкие подводные лодки, преследующие гражданские суда, следующие вдоль Восточного побережья США; 6) в мае 1940 г. обнародована инициатива о ежегодном производстве 50 тыс. военных самолетов; 7) в марте 1941 г. принят закон о ленд-лизе, предусматривавший предоставление военной, медицинской, продовольственной и других видов помощи в различных экономических формах странам, оборона которых признавалась жизненно важной для США, главным образом Великобритании [Taylor, pp. 19, 22–23, 65–73; Orozco].

Потеряв в ходе военных действий в сражениях Второй мировой войны 405,4 тыс. военнослужащих, или немногим более 0,3% населения страны на тот период (не считая 671 тыс. раненых и оставшихся инвалидами) [Department of Veteran Affairs...], США вышли из войны возродившимися, словно птица Феникс, после социально-экономического краха времен Великой депрессии. Их ВВП увеличился в два раза по сравнению с 1939 г. — с 1,2 трлн долл. до 2,4 трлн долл. (в постоянных ценах 2012 г.); безработица, составлявшая в среднем 17% от численности рабочей силы в 1929–1939 гг. и грозившая опрокинуть устои капиталистической системы хозяйствования, практически исчезла; индекс промышленного производства вырос почти в три раза. США заняли доминирующие позиции в мировой экономике: на их долю приходилось порядка 30% мирового ВВП, примерно 50% мирового промышленного потенциала и почти 2/3 мировых запасов золота [Lilly, Cullen, Ball, p. 304]. Но самым главным научно-техническим достижением военного времени явилось создание ядерного оружия, монополия на обладание которым породила широко распространенные в американской правящей элите представления о том, что наступило «золотое время» *Rex Americana*. По совокупности всех этих факторов после окончания Второй мировой войны «американские лидеры были преисполнены твердым намерением превратить Соединенные Штаты в центр послевоенной мировой экономики» [The American Economy...].

В середине 1940-х годов, впервые в своей истории, США как страна и как нация опробовали для себя роль мирового гегемона, примеряя тогу властителей древней Римской империи и осознавая себя наследниками римских кесарей и по форме, и по

существо¹. В 2007 г. американский писатель Каллен Мерфи написал большую работу, в которой провел мысль, что США являются современной «инкарнацией» древней Римской империи. Он, в частности, указал на то, что «использование Рима в качестве точки отсчета для понимания закономерностей американского исторического развития не является чем-то совершенно новым. Американцы обращали свой взор на Древний Рим еще задолго до Американской революции. Однако в наши дни в центре внимания исследователей находится не столько Римская республика (как это было двести лет назад, когда Америка сама становилась республикой), сколько судьба Римской империи, которая пришла на смену республике» [Murphy, p. 6].

Эти исторические аналогии и параллели невольно заставляли искать эволюционный алгоритм американского общественного развития, в ракурсе долгосрочной исторической перспективы. По сути, речь шла о возможном коде цивилизационного развития США, который, как и в случае с Римской республикой, просуществовавшей 482 года, опирался бы на базовую парадигму временных пределов существования демократических политических систем.

Сбывшиеся пророчества

Действенность практически любых теорий циклического развития, тем более теорий, постулирующих существование длительных исторических циклов, проверяется верностью или неверностью сделанных на их основе прогностических оценок.

В самом общем виде сменяющие друг друга макроциклы исторического развития США продолжительностью примерно в 80 лет представлены на рис. 2.

Впервые пророчество об эпохальном «кризисе 2020 г.» было изложено У. Штраусом и Н. Хоу в их работе «Поколения», увидевшей свет в начале 1990-х годов. В ней они заявили: «Весьма трудно предсказать конкретную специфику ситуации, с которой Америка столкнется во время того, что мы называем «кризисом 2020 г.», включая указание конкретного года эпицентра этого кризиса. Но мы с уверенностью утверждаем на основании нашей теории циклического хода американской истории, что в конце 2010-х и в начале 2020-х годов соответствующие поколения американцев окажутся в эпицентре конstellляции «кризисной эпохи», с ее менталитетом, в результате чего общественная жизнь нации подвергнется быстрой и, возможно, революционной трансформации» [Strauss, Howe Generations... p. 15].

1 Американские исследователи всегда указывали на то, что многие положения американской Конституции были напрямую заимствованы из конституционного устройства Римской империи. В частности, как отметил аналитик Джейсон Дейли, «Конституция США во многом обязана Древнему Риму. Отцы-основатели США были хорошо знакомы с греческой и римской историей. Первые президенты — Томас Джефферсон и Джеймс Мэдисон — были знакомы с трудами древнеримского историка Полибия, который дал одно из самых ясных описаний конституции Римской республики, где представители различных фракций и социальных слоев создали систему сдержек и противовесов по отношению к власти элит и разгулу толпы. Неудивительно, что в первые годы существования Соединенных Штатов сравнения с древним Римом были обычным явлением» [Daley]

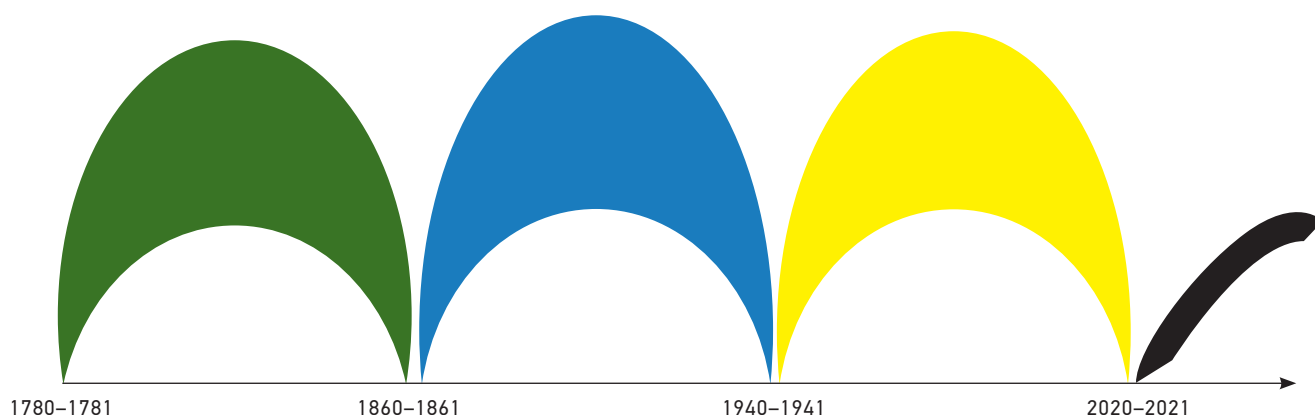

Рис. 2. Графическое представление концепции макроциклического развития США в 1776–2020 гг.

У. Штраус и Н. Хоу спрогнозировали характер общественной атмосферы, которая возникнет в США в ходе «кризиса 2020 г.», на основании своего понимания менталитета «сдающего историческую вахту» поколения, еще сохранившего память о Великой депрессии и Второй мировой войне. Его представители, предсказывали авторы книги, отреагируют на наступивший кризис совершенно «необычайным и непредсказуемым образом». Прежде всего, они в колоссальной степени преувеличат масштаб угрозы, с которой столкнется американское общество, придав ситуации «характер глобального кризиса». Фактор угрозы будет объявлен «врагом нации», и поэтому будет выдвинуто требование «нанести ему сокрушительное поражение, независимо от возможных экономических издержек и человеческих жертв». В конечном итоге, «к лучшему или к худшему, американцы будут в гораздо большей степени, по сравнению с другими эпохами, готовы пойти на риск национальной катастрофы для достижения того, что национальные лидеры этого периода сочтут справедливым выходом из обрушившихся на страну бедствий» [Strauss, Howe Generations... p. 375].

Кризис 2020 г., писали У. Штраус и Н. Хоу, будет иметь судьбоносное значение для дальнейшего развития американского общества, сопоставимое по масштабам и последствиям с «Американской революцией, Гражданской войной и периодом Великой депрессии и Второй мировой войны. Кризис 2020 г. явится поворотным пунктом в американской истории, когда на карту будет поставлено само существование Соединенных Штатов как государственного образования и дальнейшая судьба будущих поколений американцев» [Strauss, Howe Generations... p. 382]. Возможен ряд сценариев разрешения кризиса 2020 г., в том числе не исключен и «вариант апокалиптической трагедии» [ibidem]. При этом начало кризиса в 2020 г., вполне возможно, ознаменует вступление в полосу нарастающих кризисных потрясений, которые могут растянуться на целое десятилетие.

Спустя шесть лет У. Штраус и Н. Хоу уточнили свой прогноз события, способного стать «спусковым механизмом» кризисных пертурбаций 2020 г. В числе таких событий они указали на вероятность того, что федеральный «Центр по контролю и пре-

дотворачиванию заболеваний может объявить о начале пандемии нового заразного, передающегося от человека к человеку, вируса. Пандемия начнет распространяться в густонаселенных городских ареалах, увеличивая смертность. Конгресс примет систему мер обязательного карантина. Президент отдаст приказ частям Национальной гвардии блокировать районы распространения эпидемии. Мэры городов станут протестовать. Городские банды начнут перестрелки с добровольными дружинами по обеспечению правопорядка в пригородах. На президента будет оказано колоссальное давление с требованием ввести в стране военное положение» [Strauss, Howe *The Fourth Turning...* p. 273].

Синдром «кризиса 2020 г.» в конечном итоге обернется тем, что «прежний порядок общественной жизни будет разрушен до основания. Нация будет чувствовать себя так, словно основной диск, приводящий в движение все общество, лишился сил магнетизма, что приведет к слому прежнего социального контракта, аннулированию всех прежних договорных обязательств и данных ранее обещаний. Экономика опустится на самое дно, знаменуя начало долгого периода депрессии. На фоне невиданной слабости Америки внешние угрозы будут расти в геометрической прогрессии» [Strauss, Howe *The Fourth Turning...* p. 277].

Подобного рода прогнозы и пророчества, излагавшиеся в последнем десятилетии XX в. в эффектной манере голливудских сценариев, не могли не произвести впечатления на определенную часть политической элиты США.

В основе теории исторического макроцикла лежали представления о том, что макроцикл длительностью в 80 лет, в свою очередь, слагается из четырех стадий (разделенных поворотными пунктами), каждая длительностью примерно в 20 лет, что соответствует периоду формирования поколения с рождения его первых представителей и заканчивая их вступлением в пору зрелости, когда они начинают воспроизводить себя в новом поколении. Согласно взглядам У. Штрауса и Н. Хоу, в результате в рамках макроцикла происходит закономерная смена исторических «времен года»: весны, лета, осени и зимы.

«Историческая весна» применительно к третьему макроциклу американской истории, начавшемуся в 1940–1941 гг., характеризовалась мощным действием сил роста и развития. В период с 1945 г. по середину 1960-х годов общество достигло *вершин своего развития* в рамках данного исторического макроцикла. Отличительная черта этого периода — доминирование сильных институтов и слабость начал индивидуализма. Как реакция на «историческую весну» начинается период «исторического лета», который можно назвать «*пробуждением*» — формированием нового общественного сознания, отражающего систему ценностей поколения «исторической весны». Таким событием, пробудившим американское общественное сознание от «спячки», стало убийство 22 ноября 1963 г. президента Дж. Кеннеди. Последующий период, вплоть до начала 1980-х годов, прошел под знаком борьбы за «права человека» и права этнических меньшинств — то было время духовного обновления американского общества.

«Историческая осень» продолжалась с 1980-х до начала XXI в. Этот период можно назвать «освобождением от уз», когда резко увеличилось влияние сил индивидуализма и произошло ослабление американского институционализма. Конкретным воплощением «исторической осени» в американском обществе стала эпоха Р. Рейгана — Дж. Буша-ст., прошедшая под знаком разгосударствления и утверждения принципов *laissez-faire* («свободного рыночного хозяйства»).

В работе «Четвертый поворот» авторы делали прогноз относительно лейтмотива следующих 20–25 лет, вплоть до 2020 г. Период «исторической зимы» (открываемый «четвертым поворотом» в каждом макроцикле) именовался ими «кризисным» [Strauss, Howe *The Fourth Turning ...* p.3], и кризис действительно наступил в 2001 г.: биржевой крах на рынке информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в марте, теракты 11 сентября и «дно» экономического спада в ноябре. За ним последовали мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг., самый глубокий со времени окончания Второй мировой войны, и посткризисный период «секулярной стагнации» вплоть до избрания Д. Трампа в 2016 г. [Summers, 2016].

Теория макроисторических циклов и администрация Д. Трампа

С приходом к власти администрации Д. Трампа американские историки и политологи с удивлением и даже недоумением обнаружили, что ближайшее окружение президента, а возможно и он сам, не просто знакомы с основными положениями теории У. Штрауса и Н. Хоу, но и готовы использовать их в своей практической деятельности. Прежде всего выяснилось, что активным поборником теории макроциклической эволюции США является Стивен Бэннон, который с января по август 2017 г. занимал пост главного стратега Белого дома. Более того, стало известно, что совокупность взглядов У. Штрауса и Н. Хоу произвела настолько глубокое впечатление на С. Бэннона, что он трижды внимательно перечитал «Четвертый поворот». Этот их исторический манифест стал его настольной книгой, и Бэннон даже снял на его основе документальный фильм «Нулевое поколение» («*Generation Zero*»). По мнению многих американских аналитиков, интерес С. Бэннона «к пророчествам о кровавых катаклизмах свидетельствует об опасном стремлении усугубить катастрофичность событий, которые в конечном итоге могут изменить мировой порядок» [Greenberg].

Несмотря на уход С. Бэннона из администрации Д. Трампа, пророчества У. Штрауса и Н. Хоу были взяты в проработку ведомствами, отвечающими за обеспечение национальной безопасности США. В сентябре 2017 г. на этой основе по линии министерства обороны США был подготовлен доклад, содержащий прогноз возможного международного кризиса с использованием военных средств в 2020 г. В докладе говорилось: в работе У. Штрауса и Н. Хоу «Поколения» имеется предсказание о том, что «следующая мировая война может разразиться примерно или даже точно в 2020 г.»; в начале 1990-х годов «никто в правительстве или в академической среде не отнесся к их прогнозу всерьез»; однако в настоящее время [осенью 2017 г.] «спекулятивное предположение о том, что 2020 г. может стать началом следующей большой войны, уже не кажется таким невероятным» [Shook, Giordano, p. 2].

Авторы доклада Пентагона, основываясь на биопсихологических характеристиках политиков, пришедших в США к рулю государственной власти в январе 2017 г., прямо указали на то, что это поколение склонно воспринимать внешний мир как «распадающиеся международные институты, аморальных конкурентов, непорядочных соперников, демонических и бесчеловечных врагов» [Shook, Giordano, p. 17]. Все их мировоззрение пропитано ксенофобией, что и является питательной почвой для возникновения различного рода конфликтов и войн — от торговых и информационных до столкновений с применением военной силы. Разумеется, прогностическая оценка министерства обороны США не рассматривает 2020 г. как обязательно знаменующий начало масштабных военных действий — она лишь указывает на начало третьего десятилетия текущего столетия как на вероятный период втягивания США в большую войну. Этим, собственно говоря, и объясняется упор на резкое увеличение военных расходов США. С приходом к власти администрации Д. Трампа они возросли с 606 млрд долл. в 2017 фин. г. до 713 млрд долл. в 2020 фин. г., или почти на 18% [Defense Budget Materials... p. 1–4].

Реверсный разворот «осевого времени»?

Масштабные потрясения в американском обществе в 2020 г., связанные с одновременным наложением друг на друга разноплановых кризисов — идейного, политического, социального, экономического, кризиса либеральной модели глобализации и т. д., — заставили ряд американских историков и политологов говорить о возможном конце американской демократической системы¹. Количество кризисных потрясений неизбежно должно переходить в принципиально новое «историческое качество», которое вполне может соответствовать характеристикам «осевого времени», данным в середине прошлого столетия видным немецким философом Карлом Ясперсом (1883–1969), только, возможно, с противоположным знаком.

В эпоху «осевого времени», как указывал К. Ясперс, ставятся под сомнение «все принятые ранее воззрения, обычаи и условия» [Ясперс, с. 33]. Но смысл этого коренного пересмотра, его вектор, обусловлен концом *Мифологической эпохи*, то есть духовной трансформацией, в ходе которой на смену религиозно-мифологическому пришло рациональное понимание хода общественных процессов. «Осевое время» является своеобразными воротами в «мир, составляющий промежуточное звено между едва доступной нашему взору доисторией и той стадией истории, которая уже не допускает духовной стабильности; мир, который стал основой осевого времени, но обрел свою гибель в нем и из-за него» [Ясперс, с.43].

¹ См., в частности: [Keane, p. xiv]. В самый разгар мирового финансово-экономического кризиса австралийский политолог, профессор Сиднейского университета Джон Кин указывал, что «каждое изменение, каждый обычай и каждый институт демократии в том виде, в котором мы их знаем, являются конечными во времени. Демократия отнюдь не представляет собой вневременное выражение нашей судьбы. Она не является всем нам хорошо известной и привычной формой функционирования политической системы и вряд ли будет нашим спутником до последних дней существования человечества».

Возможно, мы присутствуем при своего рода конце рационального периода в историческом развитии, олицетворяемого прежде всего демократическими политическими системами. Употребляя расхожий штамп о «конце истории», можно говорить не о неудаче в создании демократических политических режимов в странах Африки, Азии и Латинской Америки, а о растущем «народном недовольстве политическими системами, олицетворяемыми давними демократиями Великобритании, Франции, Соединенных Штатов» [Mounk, p. 29]. Эта разочарованность и отход от базовых демократических ценностей в странах Запада, главным образом в США, возможно, отражает содержание начинающегося реверсного разворота «осевого времени» от вошедшей в плоть и кровь привычной рациональности к религиозно-мифологическому сознанию Прошлого — естественно, на совершенно иной, «внеисторической» спирали понимания религиозных мифов.

Литература

- Шлезингер А.* Циклы американской истории. М. 1992.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М. 1991.
- The Age of Political Machines // Politics in the Gilded Age. 20.01.2018. — URL: sageamericanhistory.net/gildedage/topics/gildedagepolitics.html (date of access: 25.05.2020).
- The American Economy during World War II // EH.net. — URL: eh.net/encyclopedia/the-american-economy-during-world-war-ii/ (date of access: 25.05.2020).
- Bormotov M.* Economic cycles: historical evidence, classification and explications // MPRA. Paper No. 19660. 27.12.2009. — URL: mpr.ub.uni-muenchen.de/19660/ (date of access: 25.05.2020).
- Coker R.* Historian revises estimate of Civil War dead // Discover-e. Binghamton Research. 21.09.2011. — URL: discovere.binghamton.edu/news/civilwar-3826.html (date of access: 25.05.2020).
- Daley J.* Lessons in the Decline of Democracy from the Ruined Roman Republic. A new book argues that violent rhetoric and disregard for political norms was the beginning of Rome's end // Smithsonian Magazine. 06.11.2018. — URL: smithsonianmag.com/history/lessons-decline-democracy-from-ruined-roman-republic-180970711/ (date of access: 25.05.2020).
- Defense Budget Materials. Fiscal Year 2021 // Under Secretary of Defense. — URL: comptroller.defense.gov/Budget-Materials/ (date of access: 25.05.2020).
- Department of Veteran Affairs. America's Wars // U.S. Department of Veterans Affairs. Nov. 2019. — URL: va.gov/opa/publications/factsheets/fs_americas_wars.pdf (date of access: 25.05.2020).
- Fenn E.* POX Americana: The Great Smallpox Epidemic of 1775–82. N.Y. 2001.
- Fraser S.* The Age of Acquiescence: The Life and Death of American Resistance to Organized Wealth and Power. New Haven. 2018.
- Galbraith J.* The Liberal Hour. Boston. 1960.
- Greenberg D.* The Crackpot Theories of Stephen Bannon's Favorite Authors // Politico magazine. 20.04.2017. — URL: politico.com/magazine/story/2017/04/20/stephen-bannon-fourth-turning-generation-theory-215053 (date of access: 25.05.2020).
- Hacker D.* A Census-Based Count of the Civil War Dead // Civil War History. December 2011. Vol. 57. No. 4. Pp. 307–348.
- Keane J.* The Life and Death of Democracy. N.Y. 2009.
- Lilly R., Cullen F., Ball R.* Criminological Theory: Context and Consequences. Seventh Edition. L.A. 2009.

- Llewellyn J., Thompson S.* American Revolutionary Trivia // Alpha History. 14.03.2015. — URL: alphahistory.com/americanrevolution/american-revolution-trivia/ (date of access: 25.05.2020).
- McPherson J.* Out of War, a New Nation // Prologue. Spring 2010. Vol. 42. No. 1. — URL: archives.gov/publications/prologue/2010/spring/newnation.html (date of access: 25.05.2020).
- Mounk Y.* The End of History Revisited // Journal of Democracy. January 2020. Vol. 31. No. Pp. 22–35.
- Murphy C.* Are We Rome?: The Fall of an Empire and the Fate of America. Boston. 2007.
- Orozco Ch.* American Preparation for World War II // Prezi. 05.02.2014. — URL: prezi.com/s5q0epbyfp7j/american-preparation-for-world-war (date of access: 25.05.2020).
- Shook J., Giordano J.* Macro-Social Trends and National Defense Scenarios: Forecasting Crises and Forging Responses using Generation Theory in a Bio-psychosocial Framework // NSI. September 2017. — URL: nsiteam.com/macro-social-trends-and-national-defense-scenarios/ (date of access: 25.05.2020).
- Shy J.* A People Numerous and Armed: Reflections on the Military Struggle for American Independence. N. Y. 1976.
- Strauss W., Howe N.* Generations. The History of America's Future, 1584 to 2060. N.Y. 1991.
- Strauss W., Howe N.* The Fourth Turning: The American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y. 1997.
- Summers L.* The Age of Secular Stagnation: What It Is and What to Do About It // Foreign Affairs March/April 2016. — URL: foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-02-15/age-secular-stagnation (date of access: 25.05.2020).
- Taylor S.* A Comparative Study of America's Entries into World War I and World War II. (2009). Electronic Theses and Dissertations. Paper 1860 // East Tennessee University. — URL: dc.etsu.edu/etd/1860/ (date of access: 25.05.2020).

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-22-37

УДК 323; 324; 338

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Эффект COVID-19: Испания перед вызовами коронакризиса

Аннотация. В статье анализируются сложные и противоречивые тенденции политического и социально-экономического развития Испании последнего времени, когда деструктивные эффекты пандемии COVID-19 переросли в коронакризис и неожиданно стали весомым фактором жизни испанского государства, главным вызовом правительству так называемой «Прогрессистской коалиции», пришедшей к власти в начале 2020 г. Образованное левыми и левоцентристскими силами новое руководство Испании начало свою деятельность с политической перезагрузки с прицелом на ускорение экономического роста и подъем жизненного уровня основной части населения. Но коронакризис нарушил эти планы, резко обострив социально-экономическую ситуацию в стране. В результате ключевой задачей первостепенной важности, стоящей перед правительством левых сил, является вывод страны из очередного кризиса и преодоление его негативных последствий.

Ключевые слова: Испания, всеобщие (парламентские) выборы, «Прогрессистская коалиция», политическая перезагрузка, экономические и социальные проблемы, пандемия COVID-19, выход из коронакризиса.

Шаткая победа левых сил

В 2015–2019 гг. испанцы пережили несколько напряженных и во многом драматичных избирательных кампаний, в ходе которых выявились серьезные тактические и стратегические ошибки, допущенные представителями традиционного национального истеблишмента. Только за один 2019 г. состоялись всеобщие выборы 28 апреля и 10 ноября, а также голосования в регионах и за депутатов Европейского парламента 26 мая. В результате изнурительного электорального марафона все основные партии понесли ощутимые потери. По сути, страна находилась в состоянии затянувшегося институционального кризиса (*политического паралича*, как оценивали ситуацию многочисленные эксперты [Santaeulalia]), что мешало проведению в жизнь назревших социально-экономических реформ. Более того, в обстановке сохранявшейся общественной дезориентации заметно оживились и перешли в наступление каталонские сепаратисты, подняли голову правые националисты, представленные партией «Вокс»

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, petr.yakovlev@yandex.ru.

(Vox), мощно прорвавшейся на общенациональную политическую сцену [Яковлев Испания после...].

Исполнявший обязанности председателя правительства социалист Педро Санчес по итогам всеобщих выборов 28 апреля, несмотря на неплохой результат и на оглушительный провал главного соперника — правоцентристской Народной партии, НП (Partido Popular — PP), не сумел получить достаточного количества голосов для формирования кабинета без приставки и.о. и в конечном счете пошел на проведение еще одних выборов — четвертых с 2015 г. Выдвинув привлекательную для рядовых испанцев программу мер в социальной области, П. Санчес явно рассчитывал закрепить и развить апрельский электоральный успех и добиться необходимого парламентского большинства. Однако политическая действительность обратила эти расчеты в просчеты.

Досрочные всеобщие парламентские выборы, состоявшиеся 10 ноября 2019 г., как и в апреле, принесли победу правящей Испанской социалистической рабочей партии (ИСПП — Partido Socialista Obrero Español / PSOE), стоящей на социал-демократических позициях. Однако по итогам ноябрьского голосования социалисты не только не увеличили свой парламентский корпус, но и потеряли три места (получив 120 мандатов вместо 123) в конгрессе депутатов — нижней, главной палате Генеральных кортесов (испанского парламента), тогда как консервативная Народная партия неожиданно для лидеров ИСПП и многих местных и международных наблюдателей расширила свое представительство с 66 до 89 парламентариев (табл. 1).

Таблица 1

Результаты всеобщих выборов в Испании (конгресс депутатов)

Партия	10.11.2019 г.		28.04.2019 г.	
	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов
Partido Socialista Obrero Español (PSOE)	28,0	120	28,68	123
Partido Popular (PP)	20,82	89	16,7	66
Vox	15,09	52	10,26	24
Podemos-IU	12,84	35	14,31	42
ERC-Sobiranistes	3,61	13	3,89	15
Ciudadanos (Cs)	6,79	10	15,86	57
JxCAT-JUNTS	2,19	8	1,91	7
PNV	1,57	6	1,51	6
EH Bildu	1,15	5	0,99	4
Más País	2,3	3	-	-
CUP-PR	1,01	2	-	-
CCa-PNC-NC	0,51	2	0,53	2
NA+	0,41	2	0,41	2

Партия	10.11.2019 г.		28.04.2019 г.	
	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов
BNG	0,5	1	-	-
PRC	0,28	1	0,2	1
¡Teruel Existe!	0,08	1	-	-
COMPROMIS 2019	-	-	0,66	1

Источник: Gobierno de España. Ministerio del Interior. – interior.gob.es/

Кроме того, в конгресс депутатов провели своих представителей следующие партии и коалиции: ультраправая «Вокс» (Vox); левое объединение «Унидас Подемос», УП (Unidas Podemos, или Podemos-IU); лево-националистическая партия Левые республиканцы Каталонии, ЛПК (Esquerra Republicana de Catalunya-Sobiranistes — ERC-Sobiranistes); центристская «Граждане» (Ciudadanos — Cs); сепаратистская «Вместе за Каталонию» (JxCAT-JUNTS); Баскская националистическая партия, БНП (Partido Nacionalista Vasco — PNV); баскская радикально-националистическая «Бильду» (EH Bildu); левая «Больше страны» (Más País); лево-националистическая «Кандидатура народного единства», КНЕ (Candidatura de Unidad Popular, CUP-PR); региональная левоцентристская коалиция «Канары-Новые Канары» (Coalición Canaria-Nueva Canarias, CCa-PNC-NC); консервативная «Больше Наварры» (Navarra Suma — NA+); левый Галисийский националистический блок, ГНБ (Bloque Nacionalista Gallego — BNG); либеральная Регионалистская партия Кантабрии, РПК (Partido Regionalista de Cantabria — PRC) и провинциальная организация без четкой политической позиции «Теруэль существует!» (¡Teruel Existe!).

В целом результаты ноябрьских выборов 2019 г. (по сравнению с итогами предыдущей всеобщей избирательной кампании) указали на ряд существенных подвижек на испанском политическом поле.

Во-первых, главные левые партии (ИСПП, «Унидас Подемос» и Левые республиканцы Каталонии) в общей сложности потеряли 12 мест в конгрессе (168 вместо 180 из общего числа 350). Это означало утрату абсолютного большинства (176 депутатов) и серьезно осложняло избрание П. Санчеса председателем правительства.

Во-вторых, резко усилились правые партии — Народная партия и «Вокс», получившие на 51 место больше, чем в апреле. При этом максимальное число депутатов (28) нарастила «Вокс», сделавшая заявку на лидерство в правом лагере.

В-третьих, ноябрьская избирательная кампания стала «политическим Ватерлоо» партии «Граждане», потерявшей 47 (!) мест и откатившейся с «почетного» третьего места по числу депутатских мандатов на достаточное скромное шестое. По мнению ряда экспертов, одной из причин такого фиаско явилась неудачная попытка партийного руководства балансировать между правыми и левыми. Похоже, что прежде выигрышная осторожная центристская позиция в условиях, когда избиратели ждали политической определенности и радикальных социально-экономических решений, утратила свою привлекательность [Garcés].

Таким образом, ноябрьские всеобщие выборы 2019 г., вопреки ожиданиям П. Санчеса и его сторонников, отнюдь не развязали тугие узлы испанской внутренней политики — напротив, загнали ее в тупик, когда ни одна партия в одиночку не могла сформировать правительство большинства.

В этой напряженной обстановке единственным выходом (и жестким политическим императивом) для ИСРП являлось скорейшее достижение договоренности с другими левыми силами о формировании коалиционного правительства. Подчеркнем, что в истории постфранкистской Испании такого прецедента не было, что отличает эту страну от многих других государств Европейского союза, где правительственные коалиции — неотъемлемая часть политической культуры. Подобного рода правительственные кабинеты в Испании последний раз существовали в годы Народного фронта и гражданской войны 1936–1939 гг. [История Испании, с. 517–573].

По итогам почти двухмесячных интенсивных переговоров с руководителями «Унидас Подемос», Левых республиканцев Каталонии и ряда региональных партий П. Санчесу 7 января 2020 г. удалось заручиться их поддержкой и получить минимальное преимущество при выдвижении в конгрессе депутатов своей кандидатуры на пост председателя правительства (167 голосов «за», 165 — «против» и 18 парламентариев воздержались) [Pedro...].

Главной ценой этой, скажем откровенно, не слишком убедительной победы явилось согласие ИСРП на формирование коалиционного правительства с участием представителей других политических сил и нескольких беспартийных деятелей, кандидатуры которых не вызвали негативной реакции договаривающихся сторон. Обстоятельством, априори ставившим «команду» П. Санчеса в политически уязвимое положение, стала полученная им фактическая поддержка ЛРК (партия воздержалась при голосовании в конгрессе и позволила лидеру социалистов избраться). Этот факт давал оппозиции повод упрекать ИСРП в «сотрудничестве с сепаратистами» и «предательстве национальных интересов» [Catá]. Подобного рода заявления (а их было множество) предвещали, что правление социалистов и их союзников будет сложным — как из-за значительного количества накопившихся проблем, так и по причине новой расстановки политических сил, отмеченной усилением позиций правых партий. Но в начале января 2020 г. никто в Испании даже в страшном сне еще не представлял, что ждет новое правительство и всю страну в самом ближайшем будущем.

Коалиционное правительство: стратегия реформ

После упорного торга за министерские портфели, в состав кабинета, члены которого принесли присягу в королевском дворце Сарсуэла 13 января, вошли 23 человека, включая председателя правительства П. Санчеса. Костяк исполнительной власти и главную опору лидеру социалистов составили 12 представителей ИСРП и ассоциированной с ней Социалистической партии Каталонии (Partido de los Socialistas de Catalunya — PSC). Среди министров-социалистов следует в первую очередь выделить «плавно перешедшую» из предыдущего кабинета и сохранившую пост первого вице-председа-

теля Кармен Кальву, четвертого вице-председателя и министра по вопросам экологии и демографии Тересу Риберу, министра юстиции Хуана Карлоса Кампо и министра финансов (и официального представителя правительства) Марию Хесус Монторо. Наряду с представителями ИСРП в состав кабинета министров вошли 5 членов «Унидас Подемос» и 6 беспартийных.

Одной из особенностей коалиционного правительства явилось рекордное количество заместителей председателя — четыре. Одним из них (а также министром по социальным правам) стал лидер «Унидас Подемос» Пабло Иглесиас, тогда как его супруга Ирене Монтеро заняла пост министра по вопросам равенства. Помимо этого, в состав кабинета вошли еще трое представителей «Унидас Подемос»: известный социолог Мануэль Кастельс (министерство по делам университетов), член компартии экономист Альберто Гарсон (министерство потребления) и Йоланда Диас (министерство труда). Как видим, в сферу ответственности левых политиков вошли отдельные ключевые социальные вопросы, что было встречено в штыки правой оппозицией и вызвало настороженность со стороны значительной части бизнес-сообщества. С их подачи в информационный оборот было запущено определение «социал-коммунистическое правительство» [Ayora].

Для поддержания политического баланса П. Санчес ввел в состав кабинета нескольких беспартийных министров, зарекомендовавших себя (и в Испании, и за ее пределами, в частности, в структурах Европейского союза) как опытные профессионалы. Так, ключевые посты третьего вице-председателя и министра экономики сохранила за собой Надиа Кальвиньо, в 2010–2018 гг. занимавшая ответственные должности в Европейской комиссии. (В 2019 г. Н. Кальвиньо рассматривалась в качестве возможного преемника Кристин Лагард во главе МВФ.) Свои посты в правительстве сохранили министр обороны Маргарита Роблес, министр внутренних дел Фернандо Гранде Мараска и министр науки и инноваций Педро Дуке. На чрезвычайно ответственный и чреватый общественно-политическими конфликтами пост министра социального обеспечения был назначен Хосе Луис Эскрива, в 2015–2019 гг. возглавлявший объединение независимых налоговых институтов Евросоюза. Новым лицом в правительстве стала также беспартийная Аранча Гонсалес Лайя, занявшая пост министра иностранных дел. До этого назначения она длительное время работала во Всемирной торговой организации (ВТО), а в 2013–2020 гг. возглавляла находящийся в Женеве Центр международной торговли (ЦМТ) при ООН [Gobierno de España].

Стратегические цели деятельности вновь сформированного испанского правительства предварительно были определены в электоральных программных документах ИСРП и «Унидас Подемос», а в окончательном виде согласованы и сформулированы в ходе переговоров о сотрудничестве между П. Санчесом и П. Иглесиасом. Концептуальные результаты этих принципиальных договоренностей были зафиксированы в соглашении, подписанном двумя лидерами 30 декабря 2019 г. и озаглавленном «Прогрессистская коалиция. Новое соглашение для Испании» [Coalición...]. В этом объемном документе (49 страниц и 11 тематических разделов) ставились основные задачи правительства в социально-экономической сфере, а также в области внутренней и внешней политики.

В том числе:

- консолидация восстановленного после мирового кризиса 2008–2009 гг. экономического роста и создание качественных рабочих мест; формирование «испанской инновационной экосистемы»;
- соблюдение социальных прав, обеспечение гендерного равенства, укрепление в целом демократических порядков и «демократической памяти», повышенное внимание развитию науки, культуры и спорта;
- эффективное противодействие распространению негативных последствий процесса климатических изменений;
- приоритетное развитие отраслей обрабатывающей промышленности, поддержка малого и среднего бизнеса, а также самозанятых;
- достижение справедливого налогового обложения, обеспечение бюджетного равновесия, оптимизация территориального устройства страны, совершенствование отношений между центром и регионами (автономными сообществами);
- активизация политико-дипломатических действий, направленных на усиление позиций Испании на мировой арене (прежде всего в рамках Европейского союза), содействие смягчению мировой напряженности и развитию сотрудничества на принципах многосторонности в международных делах.

Следует подчеркнуть, что за каждой задачей, сформулированной в указанном документе, ставшем своего рода «дорожной картой» деятельности коалиционного правительства, стояли конкретные проблемы испанской действительности, требовавшие своего решения. Часть этих проблем накопилась в период сложного посткризисного экономического восстановления и явно затянувшейся «политической паузы» 2015–2019 гг., мешавшей полноценной деятельности членов кабинета, которые пребывали в статусе «исполняющих обязанности». Ситуацию не спас и стремительно продавленный социалистами вотум недоверия председателю правительства «народников» Мариано Рахой и уход последнего с политической сцены. Сменивший его на премьерском посту в июне 2018 г. П. Санчес не обладал необходимой парламентской поддержкой для решительных действий (в частности, страна продолжала жить с бюджетом, принятым Народной партией). Совершенный лидером ИСРП резкий поворот в испанской политике не материализовался глубинными социально-экономическими изменениями [Яковлев Испания на крутом...].

Другие проблемы дали о себе знать в самое последнее время и во многом были связаны с факторами международного порядка. В частности, глубоко негативное воздействие на Испанию произвели следующие глобальные и региональные (европейские) тренды: торможение роста мировой экономики и торговли, надвигавшаяся угроза всемирной рецессии; неопротекционизм Д. Трампа и «торговые войны»; миграционный кризис, эффект Брекзита и общее ослабление международных позиций Европейского союза; сохранение и обострение военно-политической напряженности в географически близких и стратегически важных для Мадрида регионах (Северная Африка, Большой Ближний Восток); турбулентные события в странах Латинской Америки — важных партнерах транснационального испанского бизнеса; продолжение геополитического противостояния коллективного Запада с Российской Федерацией,

противоречащего реальным торгово-экономическим интересам Испании и т. д. [Яковлев Риски...].

Таким образом, перед первым за более чем 80 лет коалиционным правительством Испании с самого начала стояли сложные и многообразные вызовы, адекватный ответ на которые мог быть дан, на наш взгляд, только при двух условиях. Первое — внутренняя сплоченность членов коалиции, их последовательность в проведении намеченной линии в социально-экономической сфере, способность партнеров своевременно учитывать меняющуюся конъюнктуру и идти на необходимые компромиссы. Второе — осязаемое ослабление деструктивного влияния международной напряженности, снижение уровня взаимного недоверия между странами, проведение политики «наведения мостов» в двусторонних отношениях и укрепление механизмов многостороннего сотрудничества перед лицом общих угроз.

«Гордиев узел» социально-экономических проблем

В 2012–2018 гг. администрация М. Рахоя в русле антикризисной политики «жесткой экономии» и «бюджетного аскетизма» сумела (ценой больших финансовых и социальных жертв) переломить рецессию и придать импульс экономическому росту. Однако многие вопросы оставались нерешенными и по наследству перешли коалиционному правительству [Tamames, Rueda, p. 420–422].

Для их решения новой власти необходимо было сконструировать обновленную модель внутреннего общественного динамизма, поскольку начиная с 2015 г., когда был достигнут максимальный в посткризисный период прирост ВВП (3,4%), экономический рост Испании из года в год снижался. В 2019 г. он составил скромные 2%, явно недостаточные, чтобы «расшить» узкие места национальной экономики и сферы социальных отношений и выполнить обязательства, сформулированные в основополагающих документах «Прогрессивистской коалиции» (табл. 2).

Таблица 2

Динамика макроэкономических показателей Испании (изменение в %)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП	3,4	3,0	2,9	2,4	2,0	-9,4
Частное потребление	3,0	2,7	3,0	1,8	1,1	-10,7
Государственное потребление	2,1	1,0	1,0	1,9	2,3	5,8
Валовые капиталовложения	6,5	2,4	5,9	5,3	1,8	-20,7
Безработица (%)	22,1	19,6	17,2	15,3	14,1	18,9
Инфляция (% за год)	0,6	0,3	2,0	1,7	0,8	0,0
Стоимость рабочей силы	0,7	-1,1	-0,7	1,0	2,0	0,5
Производительность труда	1,4	0,2	0,0	-0,2	-0,3	-0,7
Госдолг (% ВВП)	99,4	99,2	98,6	97,6	96,5	115,6
Экспорт товаров и услуг	4,2	5,4	5,6	2,2	2,6	-19,8
Импорт товаров и услуг	5,9	2,6	6,6	3,3	1,2	-21,1

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Счет текущих операций (% ВВП)	1,0	3,2	2,7	1,9	2,0	3,2
Бюджетные доходы (% ВВП)	38,5	38,1	38,2	39,2	39,1	39,6
Бюджетные расходы (% ВВП)	43,7	42,4	41,2	41,7	41,9	49,7
Бюджетный результат (% ВВП)	-5,2	-4,3	-3,0	-2,5	-2,8	-10,1

Источник: European Commission. European Economic Forecast – Spring 2020. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. P. 91. (2019 г. – оценка, 2020 г. – прогноз).

Не вызывали большого энтузиазма в испанском политическом истеблишменте и некоторые другие критически важные макроэкономические показатели. В том числе: по отношению к ВВП медленно сокращался государственный долг, обслуживание которого дорого обходилось официальному Мадриду (в 2016–2019 гг. — от 2,3 до 2,8% ВВП); на сравнительно невысоком уровне находился прирост частного и государственного потребления; слабо росли доходы государства и сохранялся бюджетный дефицит; в 2018–2019 гг. заметно снизилась динамика внешней торговли; начала расти реальная стоимость рабочей силы, что отрицательно сказалось на конкурентоспособности испанских товаров и услуг; стагнировала производительность труда; по итогам 2019 г. вялый прирост продемонстрировали инвестиции в основной капитал — верный признак падения предпринимательской активности. Все это в комплексе свидетельствовало о понижательной траектории экономического развития Испании и угрожало «вползанием» страны в очередную рецессию.

Тугой узел трудноразрешимых проблем образовался в социальной сфере. Здесь наблюдалась концентрация нескольких особенно острых противоречий, начиная с увеличившегося за годы кризиса и посткризисного восстановления разрыва в доходах между различными слоями испанского общества. Например, по экспертным оценкам, в период 2007–2016 гг. доля «низших» 10% населения (самые малоимущие) в совокупном национальном доходе сократилась на 17%, тогда как данный показатель у 10% наиболее состоятельных граждан вырос на 5%. В результате, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), 33,5% испанцев имеют низкие и очень низкие доходы, и такое положение сохранилось после выхода страны из кризиса [¿Realidad...]. Помимо очевидных социальных издержек, стагнация доходов большей части населения имела и негативную макроэкономическую коннотацию, поскольку ограничивала потребительский спрос и не мотивировала бизнес наращивать инвестиции, расширять производство и предложение.

Тупиковый характер в посткризисный период приобрела пенсионная проблема. Здесь следует отметить ряд существенных обстоятельств. В 2008–2019 гг. количество выплачиваемых пенсий выросло с 8,4 до 9,7 млн (рост менее чем на 16%), тогда как ассигнования на выплату пенсий увеличились на 48%: с 98,0 до 144,8 млрд евро, или с 31,2 до 39,5% общего объема государственных расходов [Presupuestos...]. При этом в указанный период не только не увеличилось, но даже несколько сократилось число занятых в национальном хозяйстве: с 20,1 до 19,5 млн человек, что со всей неизбежностью повлекло за собой снижение взносов в фонд социального страхования,

который в последнее десятилетие стал хронически дефицитным. Достаточно указать, что в 2011–2018 гг. аккумулированный дефицит пенсионной системы Испании составил 101 млрд евро (настоящая финансовая «черная дыра»), которые правительству пришлось изыскивать за счет других статей государственного бюджета. С учетом неблагоприятно складывающейся демографической ситуации (снижение рождаемости и увеличение в общей численности населения удельного веса пожилых людей) трудно ожидать перелома сложившегося тренда в положительную сторону. По имеющимся прогнозам ведущих «мозговых центров», с продолжением так называемой *демографической зимы* — когда число умерших превышает число родившихся — положение в сфере финансирования системы пенсионного обеспечения будет только ухудшаться [Valverde].

Традиционной слабостью испанской экономики является сравнительно низкий уровень доходов консолидированного государственного бюджета по отношению к ВВП. По этому чрезвычайно важному показателю Испания заметно отстает от подавляющего большинства других государств Европейского союза, включая крупнейшие: Германию, Францию, Италию (табл. 3). Причина такого положения дел — в недостатках испанской налоговой системы: это, в частности, наличие многочисленных лазеек, позволяющих компаниям и банкам (особенно крупным) заметно сокращать фискальные платежи; сохранение крупного «теневого сектора» в сфере услуг; имеющее широкое распространение банальное уклонение от уплаты налогов со стороны значительного количества юридических и физических лиц [Lago Peñas].

Таблица 3

Доходы государственного бюджета в крупнейших странах ЕС (% ВВП)

Годы	Испания	Германия	Франция	Италия
2001-2005	38,5	44,0	49,7	43,7
2006-2010	38,0	44,0	50,1	45,3
2011-2015	38,2	44,8	52,6	47,4
2016	38,1	45,5	53,0	46,7
2017	38,2	45,7	53,5	46,3
2018	39,2	46,4	53,4	46,3
2019	39,1	46,8	52,6	47,1
2020	39,6	47,2	52,9	47,9

Источник: European Commission. European Economic Forecast – Spring 2020. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. P. 185. (2019 г. – оценка, 2020 г. – прогноз).

Наконец, болевой точкой социальной ситуации оставалась безработица, которая в Испании носит не только циклический, но и структурный, долговременный характер. Испания — единственная страна в мире, уровень безработицы в которой в последние три с половиной десятилетия трижды превышал 20% экономически активного населения [Gómez]. В разгар посткризисной рецессии (2012 г.) безработица перешагнула отметку в 25% — второе место в Европейском союзе после Греции. Позднее, на волне экономического восстановления, безработицу удалось снизить, но даже к началу

2020 г. ее уровень оставался еще очень высоким (более 14%). Как показал опыт последнего десятилетия, конъюнктурные изменения в экономике могут вновь открыть «ящик Пандоры» и привести к очередным кризисным явлениям на рынке труда.

Неудивительно, что уже на первых заседаниях нового кабинета министров в январе 2020 г. прорабатывалась стратегия окончательного преодоления тяжелых последствий кризиса 2008–2009 гг., предотвращения возврата рецессии и обеспечения прорыва в экономике, чтобы на этой основе добиться существенного повышения жизненного уровня основной массы населения, по ключевым социальным показателям вплотную приблизиться к передовым государствам Европейского союза. Как заявил П. Иглесиас, «Мы (испанское руководство — П. Я.) хотим модернизировать испанское государство и сделать его выразителем интересов наиболее уязвимых слоев населения, хотим стать вакциной против ультраправой эпидемии в Европе» [Sánchez].

Исходя из таких приоритетов, в центре внимания коалиционного правительства оказалась программа действий по улучшению материального положения нуждающихся испанцев. В том числе:

- увеличение на два процентных пункта ставок налогов на доходы физических лиц, превышающие 130 тыс. евро в год, и на четыре процентных пункта — на доходы свыше 300 тыс. евро;
- увеличение на четыре процентных пункта (с 23 до 27%) налога на прибыль с капитала;
- установление для компаний с оборотом продаж свыше 20 млн евро в год минимального корпоративного налога в размере 15% (для банков и энергетических корпораций — 18%);
- введение налога на банковские транзакции, связанные с куплей-продажей акций крупнейших корпораций (так называемый «налог Тобина»), и «налога на Гугл», под действие которого попадают компании, торгующие электронными услугами;
- принятие закона, направленного на укрепление фискальной дисциплины и борьбу с уклонением от уплаты налогов;
- одновременно планировалось некоторое снижение (на два процентных пункта) налоговой нагрузки на предприятия малого бизнеса с оборотом продаж ниже 1 млн евро в год [Maestre].

Таким образом, целевой сценарий правительства левых сил предполагал осуществить финансирование ускоренного экономического роста с помощью налогового маневра, нацеленного на увеличение фискальной нагрузки на крупный бизнес и расширение внутреннего покупательного спроса за счет повышения доходов сравнительно низкооплачиваемых слоев населения. Действуя в соответствии с духом и буквой «Нового соглашения для Испании», власти в феврале 2020 г. на 5,5% подняли размер минимальной заработной платы (МЗП), доведя его до 950 евро. Заметим, что это было уже второе повышение, осуществленное кабинетом П. Санчеса с декабря 2018 г., в результате чего размер МЗП вырос на 29% — совершенно беспрецедентный показатель для посткризисного периода (рис. 1).

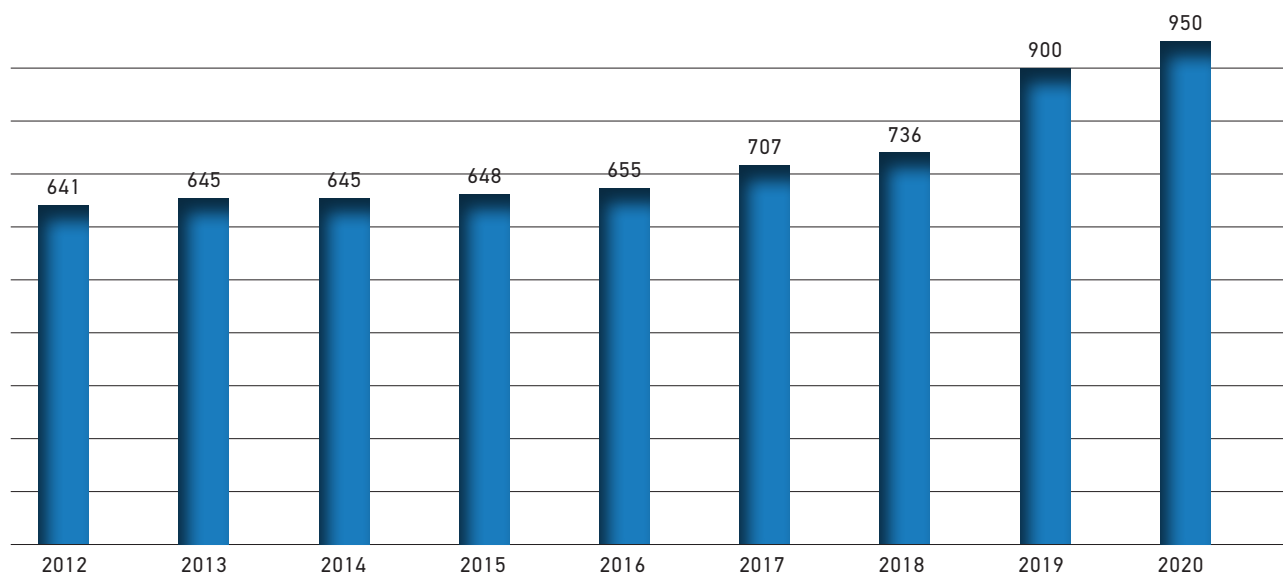

Рис. 1. Динамика минимального размера заработной платы (евро)

Источник: Real Decreto 231/2020, de 4 de febrero. URL: boe.es/eli/es/rd/2020/

Следующим решительным шагом в том же направлении стало проведенное в апреле 2020 г. повышение пенсий (их средний уровень превысил 1008 евро). В результате было улучшено материальное положение миллионов испанцев, что, по замыслу властей, должно было остановить или по крайней мере замедлить дальнейшее сжатие производства и вызвать позитивный мультипликативный макроэкономический эффект. Об этом, в частности, неоднократно говорил министр потребления А. Гарсон. Еще весной 2019 г., задолго до назначения в правительство, он считал необходимым для придания экономическому росту большей динамики поднять уровень МЗП до 1300 евро в месяц [Alberto...].

Стратегия динамизации развития, выдвинутая коалиционным правительством, в значительной степени исходила из уже сложившихся, по существу, консервативных представлений о текущей ситуации в испанской экономике. Ставка была сделана (во всяком случае, на начальном этапе) на меры монетарного характера. Практически ничего не было заявлено о подготовке программ структурной модернизации производственного сектора, концентрации усилий государства и бизнеса на задачах инновационного роста. Возможно, власти намеревались сделать это в будущем, поскольку такие планы были обозначены в «Новом соглашении для Испании». Однако обрушившаяся на страну пандемия коронавируса COVID-19 смешала все политические карты, буквально перевернула с ног на голову устоявшиеся представления об эффективной хозяйственной деятельности и поставила перед Испанией (да и всем миром) во многом другие задачи.

Жизнь и смерть в условиях коронакризиса

Первый диагностированный пациент с коронавирусом в Испании был зафиксирован 31 января 2020 г., но только в первых числах марта (с временным лагом больше месяца) количество заболевших начало расти в геометрической прогрессии. По этому печальному показателю страна стала одним из мировых лидеров. Обратил на себя внимание и самый высокий среди крупных государств уровень смертности от коронавируса в расчете на тысячу населения (табл. 4). Данное обстоятельство, на наш взгляд, указывает на то, что в известной мере пандемия COVID-19 застала испанские власти врасплох.

Таблица 4

Топ-10 стран по случаям заражения коронавирусом (данные на 24 мая 2020 г.)

Страна	Всего заражений	На 1 тыс. жителей	Вылечились	Умерли
Весь мир	5220836	0,7	2064515	338335
США	1601434	4,8	350135	96007
Россия	335882	2,3	197936	3388
Бразилия	330890	1,8	135430	21048
Великобритания	255544	3,8	1142	36475
Испания	234824	5,0	150376	28628
Италия	228658	3,8	136720	32616
Франция	182-15	2,6	63986	28218
Германия	179710	2,2	159064	8228
Турция	154500	1,9	116111	4276
Иран	131652	1,6	102276	7300

Источник: Страны с коронавирусом: обновляемый список на сегодня. 24.05.2020. URL: koronavirustoday.ru/info/strany-s-koronavirusom-obnovlyaemyj-spisok-na-segodnya/

Интенсивное наступление эпидемии заставило правительство П. Санчеса с 14 марта ввести на всей территории страны первую из трех предусмотренных национальной конституцией категорий чрезвычайного положения, именуемую *estado de alarma*, что можно перевести как «состояние тревоги» или «повышенной готовности». (Вторая категория — собственно «чрезвычайное положение», а третья — «осадное положение») [Rico].

В соответствии с режимом «состояния тревоги» в Испании, как, впрочем, и во многих других странах, были установлены полные запреты или серьезные ограничения на производственную деятельность, сферу услуг, транспорт и т. д. Введенный карантин лишил общительных испанцев свободы передвижения, обычно многолюдные и шумные городские улицы и площади казались вымершими. К осуществлению контроля за передвижениями граждан и оказанию помощи социально незащищенным людям власти подключили полицию и армию. «Вирус, — писали местные наблюдатели с некоторой долей преувеличения, — парализовал страну» [Fernández].

В первые недели распространения коронавируса испанская система здравоохранения очевидно не справлялась с эпидемией. В стране ощущался недостаток госпиталей, а в существующих медицинских учреждениях не хватало аппаратов искусственной вентиляции легких, многих лекарств, тестов для определения COVID-19, защитных средств для медицинского персонала. Отсюда — тысячи зараженных среди врачей и медсестер. Не хватало средств защиты у полицейских и военных, не говоря уже о населении. Все это государственным органам приходилось исправлять в спешном порядке, так сказать, на ходу, что отрицательно сказалось на динамике смертей от коронавируса. Если 11 марта скончались 37 человек, то уже 31 числа того же месяца их количество достигло максимальной отметки — 930 умерших. После этого, благодаря принятым жестким мерам, кривая смертей пошла вниз (рис. 2).

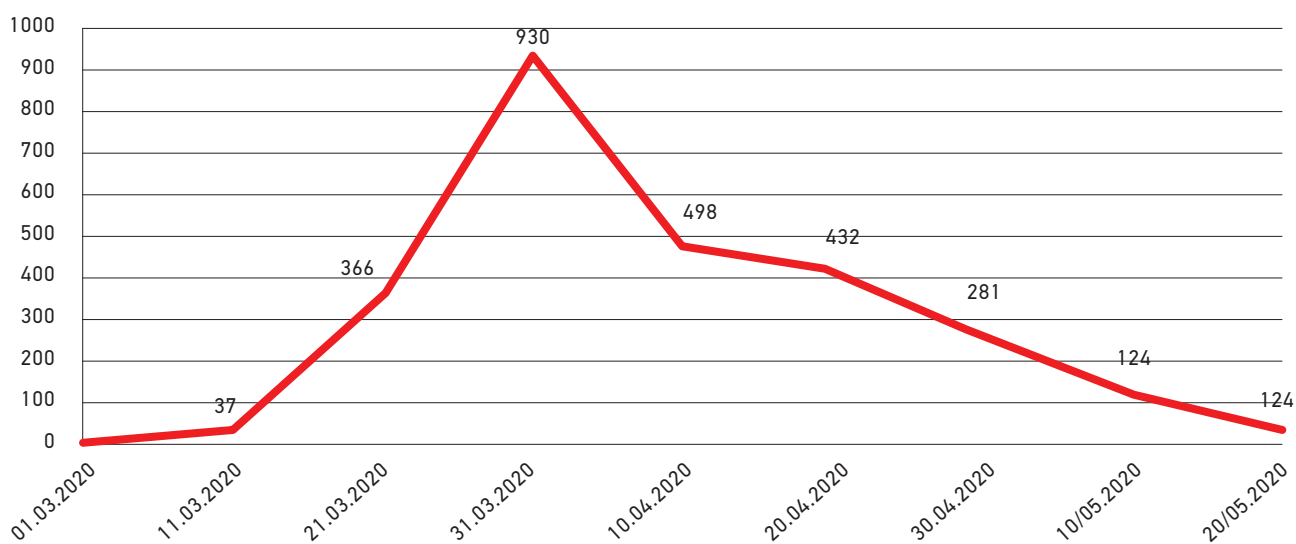

Рис. 2. Динамика количества смертей от коронавируса

Источник: Gobierno de España. Ministerio de Sanidad. Enfermedad por nuevo coronavirus, COVID-19. URL: cneccovid.isciii.es/covid19/#niveles-de-gravedad

Трудно преувеличить негативное воздействие коронавируса на испанскую экономику. Особенно тяжелая ситуация сложилась в обрабатывающей промышленности — одном из локомотивов хозяйственного роста. В частности, автомобилестроение, являющееся ключевым индустриальным сектором, 18 марта 2020 г. остановило производство, в результате чего по итогам месяца выпуск сократился почти на 45% по сравнению с уровнем февраля. Только к 11 мая была восстановлена работа большинства автомобильных заводов, но и тогда перспективы отрасли оставались туманными, поскольку около 80% продукции традиционно отправлялось на экспорт, а положение на международных рынках характеризовалось непредсказуемостью [Moral].

В сложной ситуации оказались и другие ведущие отрасли, являющиеся драйверами хозяйственного роста: строительство, туризм, транспорт. Эксперты прогнозировали обвальное снижение испанского ВВП в 2020 г. Конкретные цифры экономическо-

го провала разнятся, но все аналитики сошлись на том, что глубина падения намного превзойдет показатели кризисных 2009–2013 гг. Правда, высказывается надежда, что при благоприятном стечении обстоятельств (маловероятном сопряжении внутренних и внешних позитивных факторов) в 2021 г. испанскую экономику может ожидать скачок вверх (рис. 3).

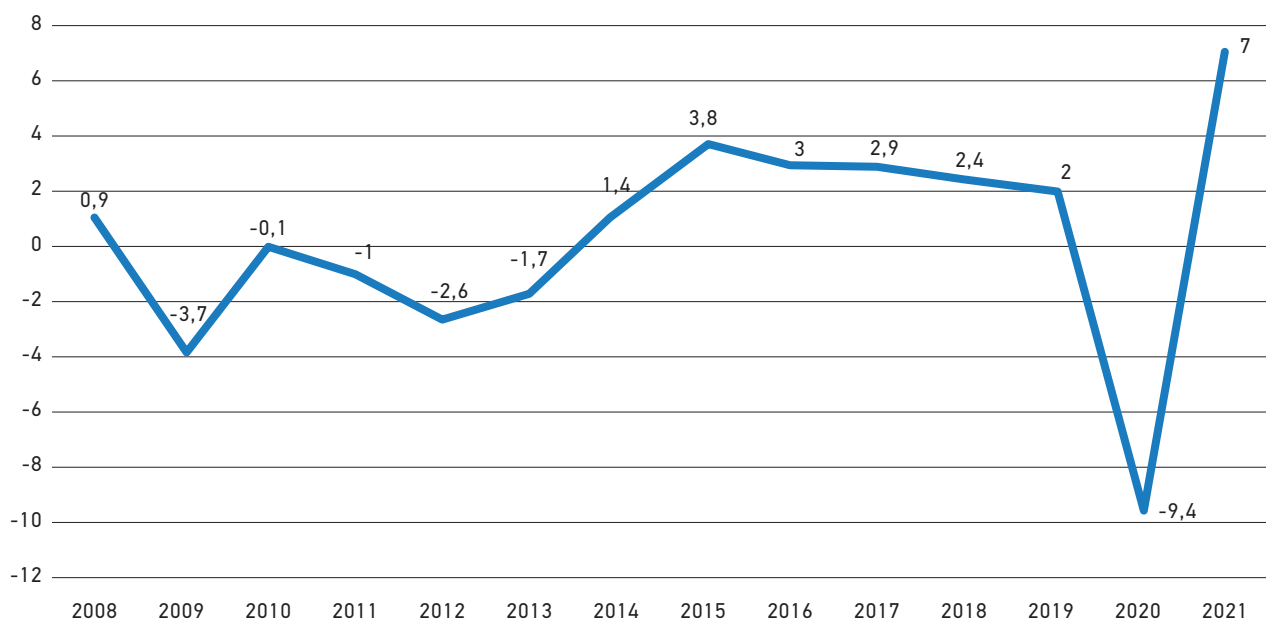

Рис. 3. Динамика ВВП Испании (%)

Источник: European Commission. European Economic Forecast за разные годы.

Тяжелейшим последствием пандемии COVID-19 и вынужденного полного сворачивания или сокращения экономической деятельности стал рост числа испанцев, лишившихся работы, что буквально сломало посткризисную тенденцию к снижению безработицы. Только за два месяца (март — апрель) потеряли работу 883 тыс. человек, что соответствовало росту числа безработных за девять месяцев кризисных 2008–2009 гг. По оценкам аналитиков всемирно известной компании по подбору персонала *Manpower*, из-за эффектов коронавируса в 2020 г. в Испании будет потеряно порядка 2,3 млн рабочих мест. В результате, по самым оптимистическим прогнозам, положение на рынке труда (при условии, разумеется, что не прилетят новые «черные лебеди» — неожиданные негативные явления и шоковые потрясения) будет восстановлено на уровне 2019 г. не раньше 2026 г. Однако более пессимистично настроенные местные и зарубежные специалисты считают, что период рекуперации может растянуться в Испании на целое десятилетие [La crisissanitaria...].

Снижение занятости и угроза повышения до опасного уровня социального недовольства и напряжения обострили политические расхождения внутри правящей «Прогрессивистской коалиции». Одним из камней преткновения стал вопрос о пересмотре

закона о реформе трудовых отношений, принятого в феврале 2012 г. правительством М. Рахоя в рамках антикризисного курса и вызывавшего острое недовольство профсоюзов и левых сил. На отмене закона (при молчаливом согласии П. Санчеса) долго и упорно настаивал П. Иглесиас, сделавший этот вопрос одним из главных в своей повестке. Представители радикального левого крыла в кабинете министров утверждали, что предложенные ими поправки в законодательство снизят риски увольнений работников и помогут сохранить рабочие места. Однако позиция «Унидас Подемос» натолкнулась на сопротивление предпринимательских кругов и встретила негативную реакцию «пассивного» участника коалиции — партии Левые республиканцы Каталонии, а также третьего вице-председателя правительства, министра экономики Н. Кальвиньо. По ее мнению, в сложных условиях пандемии было «абсурдным и контрпродуктивным» разворачивать дискуссию на такую болезненную и «взрывоопасную» тему, как трудовая реформа [Ruíz Sierra, Rodríguez].

Столкнувшись с отказом ЛРК поддержать инициативу П. Иглесиаса, сторонники пересмотра трудового законодательства договорились о сотрудничестве с партией «Граждане» и баскскими националистами из БНП. В экспертном сообществе это не без оснований было расценено в качестве одного из примеров (далеко не единственного) известной политико-идеологической «размытости» коалиции, склонности ее участников к ситуативным компромиссам и конъюнктурным альянсам [A la intemperie]. Похоже, что события, связанные с эффектом COVID-19, только усилили эту тенденцию.

* * *

Главной осью политического процесса в Испании явилась нехарактерная для нее стратегия создания межпартийных коалиций. Уход в историю (во всяком случае, на обозримую перспективу) бипартийной конфигурации, когда ИСПП и НП, сменяя друг друга во власти, единолично управляли страной, заставил руководство социалистов маневрировать, формировать альянсы, учитывать требования партнеров и поступаться частью компетенций. В испанской прессе это называют *«политической акробатикой под открытым небом»*. Этим, по сути, и вынужден был заниматься П. Санчес сразу после выборов в ноябре 2019 г. Непростое положение многократно осложнилось тем, что фактическое ослабление центральной власти пришлось на период социально-экономической и финансовой непогоды, вызванной двумя главными факторами: структурным замедлением хозяйственного роста и разрушительным воздействием COVID-19. В данной связи основным вызовом правительству «Прогрессивистской коалиции» стал вывод Испании из воронки коронакризиса.

Литература

История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Отв. ред. О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. М. 2014.

Яковлев П.П. Испания на крутом политическом вираже // Свободная мысль. 2018. № 4. С. 97–110.

Яковлев П.П. Испания после избирательного марафона: вызовы нового политического цикла // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 2 (18). С. 61–75. — URL: perspektivy.info/upload/iblock/0f8/2_2019_1_61_75.pdf (date of access: 12.05.2020).

- Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 2. С. 5–14.
- A la intemperie // *El País*. 21.05.2020.
- Alberto Garzón aboga por elevar el salario mínimo a 1.300 euros // *El Independiente*. 02.04.2019. — URL: elindependiente.com/politica/2019/04/02/alberto-garzon-aboga-elevar-salario-minimo-1-300-euros/ (date of access: 12.05.2020).
- Ayora A.G. El silencio de los corderos // *El Economista*. 25.01.2020.
- Catá J. Vox agita la calle con concentraciones contra el “traidor” Pedro Sánchez // *El País*. 12.01.2020.
- Coalición progresista. Un nuevo acuerdo para España. Madrid. 30.12.2019. — URL: es/media-content/2019/12/30122019-Coalición-progresista.pdf (date of access: 12.05.2020).
- La crisis sanitaria del COVID-19 supondrá una década de empleo perdido para España // *ManpowerGroup*. 21.05.2020. — URL: manpowergroup.es/La-crisis-sanitaria-del-COVID-19-supondra-una-decada-de-empleo-perdido-para-Espana (date of access: 12.05.2020).
- Fernández del Vado S. España, en estado de alarma // *Revista Española de Defensa*. Abril 2020. №371. P. 8.
- Garcés M. Diez claves para entender el laberinto español // *El Economista*. Madrid. 11.11.2019.
- Gobierno de España. — URL: lamoncloa.gob.es/gobierno/Paginas/index.aspx (date of access: 12.05.2020).
- Gómez M.V. El gran desafío social y político // *El País*. 25.10.2015.
- Lago Peñas S. Escasos cambios en la recaudación // *El Mundo*. 07.07.2019.
- Maestre R.J. Estas son las subidas de impuestos que han aplicado PSOE y Podemos // *El Blog Salmon*. 04.03.2020. — URL: elblogsalmon.com/economia-domestica/estas-subidas-impuestos-que-han-aplicado-psoe-podemos (date of access: 12.05.2020).
- Moral M.J. La actividad industrial, pendiente de la automoción // *Cinco Días*. 15.05.2020.
- Pedro Sánchez obtiene la confianza de la Cámara para ser investido presidente // *Congreso de los Diputados*. 07.01.2020. — URL: congreso.es/portal/page/portal/Congreso/Congreso/SalaPrensa/NotPre?_piref73_7706063_73_1337373_1337373.next_page=/wc/detalleNotaSalaPrensa&idNotaSalaPrensa=34369&anyo=2020&mes=1&pagina=1&mostrarvolver=S&movil=ull (date of access: 12.05.2020).
- Presupuestos Generales del Estado: Pensiones. Gobierno Nacional // *Datosmacro.com*. — datosmacro.expansion.com/estado/presupuestos/espana?sc=PR-G-F-21 (date of access: 12.05.2020).
- ¿Realidad o ficción? La recuperación económica, en manos de una minoría. OXFAM Intermón. — URL: s3.amazonaws.com/sites/default/files/documentos/files/recuperacion-economica-una-minoria.pdf (date of access: 12.05.2020).
- Rico J. Coronavirus: ¿Qué es el estado de alarma en España? ¿En qué consiste? // *El Periódico*. 13.03.2020.
- Ruíz Sierra J., Rodríguez M.A. El Gobierno convierte la derogación de la reforma laboral en un nuevo lío interno // *El Periódico*. 21.05.2020.
- Sánchez e Iglesias cierran un programa de Gobierno que incluye subida de impuestos para las rentas más altas y alzas del SMI hasta los 1.200 euros // *El Economista*. 30.12.2019.
- Santaeulalia I. Los que pagan la parálisis política // *El País*. 09.2019.
- Tamames R., Rueda A. Comprender la economía española. La gran transformación. Madrid. 2018.
- Valverde M. El déficit de las pensiones acumulado desde la crisis es de 100.000 millones // *Expansión*. 26.12.2019.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-38-54

УДК 330; 339

Владимир Кондратьев

Перспективы неолиберализма

Аннотация. В странах Запада в последние годы новый импульс получили дискуссии относительно будущего неолиберального капитализма. Доминирующая неолиберальная модель, ставящая во главу угла косвенные методы регулирования, ослабление роли государства, максимальную свободу торговли и движения капитала, вызывает критику как слева, так и справа. Многие развивающиеся страны, со своей стороны, стараются не следовать неолиберализму. Накопленный в мире разнообразный опыт позволяет предвидеть векторы дальнейшего развития и вероятные трансформации экономической политики в постнеолиберальном мире.

Ключевые слова: неолиберализм, экономическая политика, регулирование экономики, роль государства, глобализация, неравенство возможностей.

Современные концепции неолиберализма

Спустя десять лет после глобального финансового кризиса начались широкие дебаты в США и Европе по поводу будущего моделей капиталистической экономики и необходимости нового экономического мышления [См., например: Rodrik Rescuing...]. Эта дискуссия стимулировалась экономическими неудачами, способствовавшими не только кризису, но и более глубокому пониманию того, что доминирующая неолиберальная парадигма принесла неудовлетворительные результаты многим людям во многих странах на протяжении многих лет. В последнее время исследователи и политические деятели левого и правого толка в США, Великобритании, Франции и Германии начали искать альтернативные возможности построения и организации общества.

Дебаты также разгорелись и в развивающихся странах, где неолиберализм распространялся в рамках политики Вашингтонского консенсуса, проводимой Мировым банком, Международным валютным фондом и Министерством финансов США. Но даже на пике своей популярности эта политика не была универсальной для экономического развития. Неоклассическая экономика всегда сталкивалась с трудностями в решении ключевых проблем развития. Как построить нацию на развалинах колониализма? Как выстроить сильные и эффективные институты и правоприменение в странах со слабой и неэффективной бюрократией? Являются ли конкурентные преимущества в сельском

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, v.b.kondr@imemo.ru.

хозяйстве единственным фактором устойчивого развития в развивающихся странах? Является ли иностранная помощь необходимой, достаточной или даже полезной? Играть ли мировая торговля, инвестиции и налоговые правила против развивающихся стран? Эти ключевые вопросы не находят исчерпывающих ответов в экономике неоклассического равновесия.

Термин «неолиберализм» является очень спорным, поскольку он часто используется разными людьми для обозначения разных явлений. Можно выделить три разные, но связанные между собой концепции неолиберализма.

Неолиберализм как образ мысли

В 30-е годы, когда рыночная экономика столкнулась с вызовом нацизма и коммунизма и (в меньшей степени) кейнсианства, группа либерально мыслящих интеллектуалов в Европе и Америке почувствовала необходимость продвижения альтернативного дискурса, ставящего во главу угла приоритет ценового механизма, частных предприятий, конкуренции и беспристрастного государства. Эти люди самоорганизовались в рамках общества «Мон Пелерин» во главе с Фридрихом фон Хайеком в 1947 г., охватив в последующем ряд мозговых центров, университетов и средств массовой информации. До сих пор эта активная группа неолиберальных ученых и историков оказывает существенное влияние на общественную мысль [Slobodian].

Неолиберализм как академическая теория

В этом значении неолиберализм относится к академическим исследованиям экономики на основе неоклассических моделей. Эти модели являются неолиберальными в том смысле, что основываются на индивидуальном выборе характера потребления и производства. Агрегированные предпочтения индивидуумов и фирм ведут к формированию кривых предложения и спроса, которые и составляют сам рынок. Исходя из того, что эти агенты оптимизируют принятие своих решений, экономисты предполагают формирование стабильного и оптимального равновесия в экономике. Государству также отводится определенная роль в области налогов и расходов, которая должна максимизировать функцию социального благосостояния. Во второй половине XX в. неоклассическая экономическая теория стала ортодоксально доминирующей в университетах Европы и особенно США.

Неолиберализм как политическая практика

В данном случае неолиберализм составляет суть экономической политики, которая проводится разными государствами, исповедующими те же принципы индивидуализма и рынка, что и неолиберальные мыслители. С конца XX в. проводимый М. Тэтчер в Великобритании, Р. Рейганом в США и А. Пиночетом в Чили неолиберализм как политическая практика провозгласил мантру «стабилизации», «приватизации» и «либерализации». Он признавал за государством только легкое вмешательство и регулирование (прежде всего в финансовой области) и исключал всякую промышленную политику,

а также использовал логику рыночной конкуренции в деле перераспределения ресурсов, где только возможно, включая образование и здравоохранение. Принцип неолиберальной политики был поддержан организованным движением интеллектуалов и распространением неоклассической теории экономики.

В настоящее время определение неолиберализма ставится под сомнение не только потому, что оно часто используется для этих трех пересекающихся между собой, но не идентичных концепций, но и потому, что во всех этих случаях нет единой определенной идеи, а присутствует скорее совокупность двусмысленностей. Например, основатели общества «Мон Пелерин» пришли к согласию в отношении идеологии приоритетности рынка над централизованным планированием, но разошлись относительно вопросов социальной политики. Или, скажем, существует достаточно много вариантов неоклассической экономики, таких как монетаризм и экономика предложения. Имеют также место дискуссии и разногласия между приверженцами ее практик. В качестве политической практики неолиберализм приспособлялся теми или иными элитами к местным условиям и особенностям, что приводило к значительным расхождениям [Ban].

Такая пластичность позволила некоторым критикам даже говорить о бессодержательности этого термина [Conway]. Наиболее политизированным и, следовательно, наиболее размытым остается значение неолиберализма как политической практики. Тем не менее существует ряд фундаментальных принципов, которых придерживаются практики неолиберализма при проведении экономических и политических реформ. К этим принципам относятся:

- приоритет частной собственности; свобода заключения контрактов с другими частными агентами находится в центре экономической свободы и является условием всех других свобод;
- конкуренция и рыночные механизмы — лучшие формы организации экономики, политики и общества;
- роль государства и международных институтов заключается в обеспечении прав собственности и защите рынка от «популистских» вызовов.

Таким образом, основными направления неолиберальной политики, особенно для развивающихся стран, выступают:

- дерегулирование местных рынков и устранение контроля над ценами для поощрения конкуренции;
- приватизация государственных предприятий и, по возможности, перевод сферы услуг (коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование) на рыночные принципы;
- либерализация финансовых рынков;
- минимизирование торгового протекционизма и открытие национального рынка для международной конкуренции;
- ограничение возможностей государства по формированию бюджетного дефицита и аккумуляции долга;
- устранение государственных субсидий и «отбора победителей» среди национальных фирм и отраслей;
- усиление юридической защиты прав собственности.

Обращает на себя внимание, что неолиберальная повестка ничего не говорит о вопросах экологии и неравенства и не предполагает каких-либо действий в этих направлениях. Иными словами, у неолиберальной практики существует набор приоритетов, которых она придерживается, оставляя за бортом менее значимые, с ее точки зрения, вопросы. Более того, неолиберальная практика часто игнорирует даже некоторые постулаты самой неоклассической теории, которая допускает провалы рынка и государства, а также ранжирование социальных приоритетов.

Неолиберализм под угрозой

Надо отметить, что термин «неолиберализм» чаще используется его противниками, чем сторонниками. Антинеолиберальная риторика характерна для антиглобалистского движения уже на протяжении десятилетий. На многих развивающихся рынках наблюдается отход от неолиберализма, достигший своего пика в 1990-е годы. С тех пор случился ряд экономических и политических потрясений и шоков, начиная с азиатского финансового кризиса и кончая движением «Розовый прилив» в латинской Америке и «Арабской весной», которые заставили политиков проводить более интервенционистскую и менее догматичную экономическую политику.

Нынешнее сопротивление ортодоксальному неолиберализму наблюдается не только в периферийных странах развивающегося мира, но и в самом центре этой идеологии — США и Великобритании. Неолиберализму бросают вызов не только левые критики и традиционные его противники, но и консервативные институты. Внутри академического сообщества набирает силу неортодоксальный подход к экономической теории [Mason]. Даже в среде экономического мейнстрима наметилось четкое движение прочь от исследования «гомо экономикус» — идеализированного неолиберального, абсолютно «совершенного» и эгоистичного индивидуума — в сторону включения в анализ элементов психологии и социологии и приближения к реальному миру.

Тем временем и среди политиков антинеолиберальный подход набирает силу — как на правом фланге (в Венгрии и Польше), так и на левом (в Мексике). Растущая оппозиция неолиберализму тесно связана с чувством неудовлетворенности от процесса глобализации, утратой доверия к основным международным институтам. Например, компания Edelman Trust Barometer в 2018 г. провела опрос и установила, что в 20 из 28 ведущих стран мира более 50% населения не доверяет существующим институциональным структурам, деятельность которых базируется на неолиберальных принципах [2018 Edelman...].

Эксперты выделяют пять основных факторов утраты неолиберализмом своей популярности.

Успех Китая

Сегодня Китай — предмет зависти многих развивающихся стран благодаря своему историческому успеху в деле сокращения бедности и обеспечения высоких темпов

экономического роста. Сначала успех Китая пытались объяснить в рамках неолиберальной концепции, как результат рыночно ориентированных реформ, обеспечивших впечатляющее экономическое развитие. Но надежда неолибералов на то, что экономическая либерализация приведет, в свою очередь, к политической, не оправдалась, и поэтому данный опыт нельзя рассматривать в качестве неолиберального успеха.

Что еще хуже для неолибералов, успешное экономическое развитие Китая является результатом сильного государства, государственных предприятий и государственного контроля над банковской системой и стратегическими отраслями, а также их координации в рамках государственного планирования. Независимо от роли технологий 5G, геостратегических планов типа «Один пояс — один путь» или «Сделано в Китае 2025», история Китая представляет собой иллюстрацию альтернативы неолиберализму.

Планетарные проблемы

Ученые по всему миру высказывают обеспокоенность по поводу глобального потепления и других планетарных проблем, решение которых необходимо для успешного экономического развития. Рыночные же решения, очевидно, оказываются недостаточными или неэффективными из-за слишком короткого периода целеполагания. Альтернативой рыночному подходу выступают коллективные усилия государств, в том числе в рамках развития наднациональных институтов. Киотский протокол был первой неудачной попыткой планового ограничения углеродных выбросов на глобальном уровне. Парижское соглашение по климату усиливает роль государства по сравнению с рынком, но рискует оказаться в положении «слишком мало и слишком поздно» при отсутствии механизма реализации. Ученые выступают за более активные действия государства в этом направлении, что не соответствует неолиберальной концепции.

Концентрация власти корпораций, особенно в наукоемких отраслях

Одна из центральных установок неолиберализма заключается в представлении о конкуренции как главном драйвере инноваций и прогресса, а также в контроле за усилением власти крупных корпораций. Неолиберализм — это непримиримый оппонент монополий и их союзов.

Сегодня с ростом крупных корпораций неолиберальный лагерь раскололся. С одной стороны, неолиберальная поддержка частных свободных предприятий и минимизации регулирования отвергает государственное вмешательство. С другой, возможности технологических компаний эксплуатировать цифровые платформы для достижения беспрецедентных масштабов производства приводят к чрезмерной концентрации экономической мощи. Годовой доход пяти компании (FAANG) — Facebook, Apple, Amazon, Netflix и Google — достигает 1 трлн долл., что эквивалентно ВВП Индонезии и больше соответствующего показателя Турции и Саудовской Аравии.

Размеры технологических компаний придают им чрезмерную силу и власть, которые пока трудно оценить. Использование социальных сетей и медиа для манипулирования

при голосовании, персональных данных и информации — для получения прибыли, потенциальное антиконкурентное поведение бьют в самое сердце неолиберализма с его приматом индивидуального выбора. Отношения между государством, как важнейшим игроком общества, и крупными корпорациями являются фундаментальным вызовом неолиберальным установкам, особенно в малых странах, у которых не хватает сил или понимания для эффективного выстраивания таких отношений. В развивающихся странах проблема захвата корпорациями государства возникла задолго до появления технологических гигантов. В довершении всего, технологические компании оказались в центре процесса ухода от налогов и перевода прибылей в более привлекательные юрисдикции, что дополнительно сокращало общественную поддержку глобализации.

Проблемы неравенства

По данным компании Oxfam, неравенство в мире вышло из под контроля: 1% самых состоятельных людей богаче остальных 6,9 млрд человек. Самые богатые в мире заплатили лишь 4% от всех налогов. Одна из причин такого сверхбогатства — снижение налоговых ставок для богачей и крупнейших корпораций, а также их уклонение от уплаты налогов, считают эксперты Oxfam [Time to Care]. С 1945 г. максимальная ставка подоходного налога в США достигала 90%, к 1980 г. она снизилась до 70%, а сейчас не превышает 40%. В развивающихся странах максимальная ставка налога на доходы еще ниже — 28%. В некоторых странах бедные люди и вовсе платят больше налогов, чем богатые. Например, в Бразилии эффективная ставка для 10% беднейших людей превышает 30%, а для 105 богатейших граждан составляет 20%. За 2011–2017 гг. средняя зарплата в странах G-7 выросла только на 3%, а дивиденды корпораций — на 31%. Рост неравенства мешает росту самой экономики. По расчетам МВФ, при увеличении доходов богатейших слоев населения на 1% рост ВВП замедляется на 0,1 п.п., а при аналогичном увеличении доходов беднейших — ускоряется на 0,4 п.п. [Холявко]

По данным ОЭСР, треть всех семей в развитых странах являются экономически уязвимыми и не имеют достаточных финансовых активов, чтобы поддерживать жизненные стандарты выше уровня бедности, по крайней мере, на протяжении трех месяцев в году. Высокий уровень имущественного неравенства является главным препятствием для межпоколенческого равенства возможностей. С ростом неравного распределения рыночных доходов ответственность государства в деле налогового перераспределения возрастает. В развивающихся странах с менее эффективной налоговой системой проблема исправления последствий распределения рыночных доходов стоит особенно остро.

Финансовые кризисы

Согласно данным МВФ, в период с 1970 по 2012 г. в мире произошло 432 эпизода систематических банковских кризисов или кризисов суверенного долга, что составляет примерно 10 кризисов в год [Valencia, Laeven]. Кризисы оказываются распространенным явлением, продуцируют долгосрочные макроэкономические эффекты и вызывают острые дискуссии относительно эффективности соответствующих политических мер

противодействия. По своей природе кризисы означают внезапное нарушение процесса равновесия. Неолиберальные принципы точечного регулирования, слабого государства и свободного движения капитала мало соответствуют желанию и необходимости борьбы с финансовыми кризисами. В таких разных странах, как Индонезия, Исландия или Ирландия, борьба с финансовыми кризисами увеличивала государственный долг до уровня в 70% от ВВП. Неоклассическая экономика мало что может сказать о том, как можно избежать кризиса или управлять им. Но размер и воздействие Великого финансового кризиса 2007/2008 гг., помноженные на отсутствие какой-либо системы раннего предупреждения, повергли в шок научное экономическое сообщество и существенно разрушили неолиберальные надежды, что рынки могут саморегулироваться и самонастраиваться.

Существующие глобальные экономические институты в общем и целом предназначены для проведения взаимозависимой политики среди стран с фундаментально похожими экономическими моделями и системами. Например, правила ВТО выделяют «рыночные» и «нерыночные» экономики, но не делают четких различий между разными подходами к организации экономики внутри этих двух групп. Это уже создает проблемы, поскольку члены ВТО не соглашались, например, с тем, что эта организация считает недопустимыми субсидиями [Wu]. Аналогичным образом большая часть советов, предлагаемых Мировым банком и МВФ, предполагает один «правильный» подход к управлению для всех стран.

Экономические стратегии и неолиберализм

Теперь осталось мало сомнений, что последние тенденции и события вышли за пределы «новой нормальности» и породили новую траекторию развития, отличающуюся от преобладавшей парадигмы экономического роста на базе глобализации. Это видно по новым направлениям экономической политики США, Брекзиту, напряженным отношениям в ЕС, резко возросшей роли Китая в мировой экономике, а также растущему неравенству и несправедливому распределению богатства даже в развитых странах. В новых условиях и обстоятельствах, связанных также с прорывными технологиями, ростом национализма, старением населения и доминированием Китая в Восточной Азии, развивающиеся страны сталкиваются с новыми проблемами в дополнение к старым.

В этих обстоятельствах принципы Вашингтонского консенсуса, включающие в себя глобализацию, свободу торговли, ее рост в рамках глобальных цепочек стоимости, свободный перелив капитала и транснациональных операций глобальных компаний, фундаментально меняются. Одни эксперты говорят о «Пекинской модели», другие — о фрагментации мира на региональные блоки или даже национальные экономические зоны. В рамках этого широкого спектра мнений развивающиеся страны склоняются к национально ориентированной стратегии развития, установлению большего контроля над капиталными потоками, более агрессивному управлению обменными курсами, более активному стимулированию государственных предприятий и более агрессивной промышленной политике.

Одним из наиболее успешных примеров в этом отношении оказался Сингапур, в котором государство инвестировало в квазипубличные компании и государственные корпорации на рыночных принципах, избежав при этом большой коррупции. Китай смог очень эффективно использовать принципы международного экономического порядка для проникновения на глобальные рынки, используя весь арсенал инструментов государственной политики [Rodrik Straight...].

Кроме Китая и Сингапура, эффективно использовали международные рынки в своих национальных экономических интересах также Малайзия (в 1980–1990-х годах) и Вьетнам (в 1990–2000-х годах). Малайзия, как и Сингапур, была селективна и настойчива в привлечении наукоемких иностранных прямых инвестиций и предоставляла стимулы для национальных предприятий, производящих компоненты обрабатывающей промышленности. Вьетнам организовал экспортные перерабатывающие зоны, которые привлекли гигантские объемы инвестиций и создали много рабочих мест. Государственные предприятия оказались особенно эффективными в отраслях естественных монополий. В других сферах они использовали государственные субсидии и дешевый кредит.

Сторонникам свободы торговли, базового принципа современного неолиберализма, придется сталкиваться с серьезной неспособностью ВТО решать проблемы регулирования сферы услуг, интеллектуальной собственности и государственного капитализма, а также противостоять последствиям Брекзита и сокращению эффективности отдачи от свободной торговли во всех крупных торговых союзах. Более того, текущая торговая война между США и Китаем переросла из экономической в острую политическую форму. Особенно неприятные последствия это несет для развивающихся стран, поскольку США и Китай, крупнейшие экономики мира, находятся в состоянии реформирования своей торговой политики, а будущие торговые соглашения несут на себе отпечаток серьезной неопределенности. Многие развивающиеся страны сталкиваются с жесткими преградами в их стремлении закрепиться в сегментах с большей добавочной стоимостью на рынках развитых стран. Для них обещания и ожидания того, что свобода торговли и открытость приведут к процветанию, на практике не материализовались. Разумеется, слабые результаты экспорта связаны и с такими факторами, как неразвитая логистика, высокие энергетические издержки и низкая производительность. Но эти обстоятельства еще больше подталкивают развивающиеся страны к импортозамещению и более агрессивной промышленной политике.

Важным фактором, работающим в противоположном направлении, остается китайский проект «Один пояс — один путь», который обладает потенциалом снижения некоторых инфраструктурных проблем и может стимулировать торговлю в будущем. Однако его реализация способна привести к дальнейшему росту задолженности Китая. Инвестиции в рамках этого проекта осуществляются на коммерческой основе, но их точные условия часто непрозрачны. Многие страны могут оказаться чрезмерно закредитованными и не получить желаемой отдачи от этого проекта, если инвестиции не будут тесно связаны с национальной экономикой.

В этой связи перспективы того, что международная торговля будет и дальше способствовать экономическому росту, весьма неопределенны и зависят от продолжительности и эффекта нынешних торговых конфликтов, способности международных систем найти новый политический баланс, а также от того, откажется ли Китай достаточно быстро от трудоемких отраслей, передав их в другие страны, пока новые технологии производства не успели устареть. В этих условиях развивающиеся страны стараются проводить политику, направленную на развитие и формирование конкурентных отраслей (по крайней мере, для региональных рынков) и ограничение деятельности некоторых глобальных игроков до тех пор, пока они не поделятся соответствующими своими технологиями. Такая политика будет успешной при условии стимулирования экономической активности национальных частных и государственных компаний.

Все страны имеют определенный набор стимулов, влияющих на перераспределение ресурсов, но некоторые проводят в этом отношении активную и агрессивную политику с четко установленными целями. Наиболее эффективно такая политика осуществляется в странах Восточной Азии. Разумеется, у этой промышленной политики есть определенные издержки, но она помогла таким странам, как Южная Корея и Китай, превратиться в ведущие экономики мира.

Агрессивная промышленная политика не была бы успешной без эффективного экономического управления, высоких норм сбережений и инвестиций, постоянного мониторинга и четкого долгосрочного видения экономики, поддерживаемого жесткими политическими мерами. Здесь уместно отметить некоторые общие особенности управления в странах, достигших наибольшего успеха. Общей объединяющей чертой таких стран, как Южная Корея, Малайзия, Сингапур и Китай в Восточной Азии, а также Руанда и Эфиопия в Африке, был стабильный и продолжительный политический режим, способный артикулировать и эффективно реализовывать долгосрочные экономические цели (таблица 1).

Как видно из таблицы, инструменты и средства, их интенсивность различны в разных странах, но одно нельзя отрицать: во время активной и агрессивной промышленной политики в каждой из рассматриваемых стран не происходило резкой смены политического режима, что обеспечивало непрерывность и последовательность в применении различных взаимодополняющих инструментов [Brady, Spence].

Большинство стран использовали политику предоставления субсидий. Однако ключевым элементом ее является разработка основы их предоставления и методов оценки их успешности. Так, в Южной Корее льготные кредиты предоставлялись при условии выполнения компаниями определенных экспортных обязательств с целью проникновения на зарубежные рынки, а также достижения компаниями, такими как Samsung и Hyundai, значительных размеров и превращения их в компании мирового уровня. Китай также стимулировал внутреннюю интенсивную конкуренцию для превращения национальных компаний в глобальные и обеспечивал их государственное финансирование. Таким образом, общей чертой обеих стран была организация жесткой конкуренции среди компаний, поскольку без внутренней конкуренции трудно добиться успехов в международной конкуренции [Leipziger, Dahlman].

Таблица 1

Факторы успешной экономической политики в ряде стран

	Южная Корея (1988г.*)	Сингапур (1979г.)	Малайзия (1995г.)	Китай (2010г.)	Вьетнам (2018г.)	Руанда (2020г.)	Эфиопия (2020г.)
Политика							
Макроэкономическая стабильность	да	да	да	да	да	да	да
Экспортная ориентация	да	да	да	да	да	ограниченная	средняя
Роль человеческого капитала	да	да	да	да	да	средняя	средняя
Селективная промышленная политика	да	в некоторой степени	да	да	да	да	в некоторой степени
Льготный кредит	да	нет	в некоторой степени	да	в некоторой степени	в некоторой степени	в некоторой степени
Государственные предприятия	ограниченно	да	в некоторой степени	да	в некоторой степени	в некоторой степени	в некоторой степени
Институты							
Управление	жесткое	жесткое	жесткое	хорошее	хорошее	жесткое	жесткое
Эффективная бюрократия	да	да	в некоторой степени	в некоторой степени	в некоторой степени	в некоторой степени	в некоторой степени
Политическая стабильность	да	да	да	да	да	да	да
Четкость целей	да	да	да	да	в некоторой степени	да	в некоторой степени

Источник: Beyond Neoliberalism. Insights from Emerging Markets. Brookings Institution, N.Y. April 2019.

* Годы, указанные в таблице, отражают достижение страной уровня душевого дохода выше среднего по миру или 4000 долл. в ценах 2016 г. по критериям Мирового банка.

Изменения, происходящие в глобальной экономике, указывают на то, что существуют пределы открытости рынков. Происходят глубокие изменения в технологиях, что также накладывает ограничения на преимущества, ранее связанные с глобальными цепочками стоимости, и приводит к развитию процесса решоринга в развитых странах. Преимущества свободной торговли в будущем окажутся меньшими по сравнению с прошлым, и внешние источники роста будут более ограниченными [Constantinescu, Mattoo, Ruta].

В послевоенный период новые технологии обеспечили экономический рост и повышение жизненного уровня населения. При этом опасения, возникшие в 1960-х годах в отношении автоматизации производства и потери рабочих мест, большей частью не материализовались. Компьютерная революция резко увеличила эффективность и производительность. Последние же технологические достижения и интернет вещей, судя по прогнозам, окажут более глубокое воздействие на будущую занятость. Искусственный интеллект, роботы, беспилотные автомобили и другие подобные системы приводят к кардинальным сдвигам в характере и размещении производства. Это выражается в реверсе процесса офшоринга товаров и даже услуг, таких как колл-центры. Полную картину влияния на торговлю и рынок труда пока трудно предугадать, однако направление сдвигов очевидно [Dahlman].

Новые технологии предлагают более дешевые и доступные услуги в области финансов, здравоохранения и информационного обеспечения. Но они способны существенно сократить низкооплачиваемые рабочие места. В этих условиях страны вынуждены прибегать к защите своих рабочих мест и повышать тарифные и нетарифные барьеры. В соответствии с предсказанием Дж. Стиглица, глобализация делит мир на выигравших и проигравших, выгоды от торговли снижаются, издержки адаптации растут, поддержка свободной торговли сокращается и национализм становится все более преобладающим в странах со средним уровнем дохода [Stiglitz].

Даже в развитых странах остро стоит проблема регулирования деятельности производителей новых услуг, которые достигли доминирующих позиций на рынке [Tirole]. Многие крупнейшие корпорации вышли из сектора цифровых технологий и манипулируют ценовой политикой, затрудняя появление новых компаний. Проблема может еще более обостриться по мере внедрения новых технологий в системы водоснабжения, коммунального хозяйства, городского транспорта и других секторов, где они еще не так широко представлены.

Государственная поддержка технологий и повышения квалификации связана с новыми типами государственных предприятий. Для малых по размерам и экономической мощи стран региональная кооперация приобретает решающее значение. Такой подход является отходом от глобальной открытости, пропагандировавшейся ГАТТ и ВТО, которая в настоящее время безвозвратно разрушена и заменяется двухсторонними соглашениями и защитой национальных интересов.

В последнее десятилетие резко возросла привлекательность государственных суверенных фондов национального благосостояния. Современное состояние экономики

свидетельствует о повышении их роли и в будущем. Формируется новая бизнес-модель государства с расширением государственного предпринимательства. Недавнее принятие Германией «Национальной промышленной стратегии 2030», которая включает меры по защите национальных компаний от поглощения их Китаем, поддержке и развитию национальных чемпионов и более глубокому участию государства в деятельности корпораций, — один из конкретных примеров этой тенденции [German IndustrialPolicy...].

Торговая политика продолжает свое движение в сторону двухсторонних и региональных форм, резко контрастируя с тенденцией предыдущих пяти десятилетий, а национальные цели доминируют над глобальными. По словам Д. Родрика, мы наблюдаем сжатие гиперглобализации [Rodrik The Globalization...]. Экономисты думают больше о М. Портере и меньше о Д. Рикардо, когда ищут пути усиления конкурентных позиций своих стран, предпочитая использовать стратегические инвестиции, более селективную защиту рынков и более активную поддержку новых отраслей и услуг. В условиях биполярного мира и доминирования США и Китая в глобальной экономике страны вынуждены искать новые стратегические альянсы. Идеологии типа неолиберализма все меньше соответствуют такой конфигурации доминирующих экономических акторов. Появляются перспективы возникновения большого разнообразия национальных политик.

В то же время в мире, где капитал значительно более мобилен, чем рабочая сила, и где технологии меняются со все возрастающей скоростью, появляется потребность в усилении политики, защищающей рабочие места и обеспечивающей приемлемый уровень доходов населения, находящегося на нижней ступени пирамиды благосостояния. Даже если такая политика осуществляется ценой краткосрочного экономического роста.

Неспособность защитить рабочие места и обеспечить достойный уровень доходов и жизненных стандартов — особенно для тех, кто пострадал в результате глобализации и быстрых технологических изменений — ставит под удар ключевые драйверы, обеспечивавшие последние тридцать лет экономический рост и рост благосостояния.

Некоторые экономисты идут дальше и утверждают, что без активной интервенционистской политики государства будет трудно остановить процесс концентрации доходов и богатства на самом вершине пирамиды [Piketty]. Существует также риск, что растущая концентрация богатства и доходов приведет к захвату институтов, рынков и политического процесса, что сделает перспективы вмешательства государства в процесс сокращения неравенства еще менее вероятным. Именно в этой области неолиберальная модель нуждается в коренном пересмотре.

Политические аспекты неолиберализма

Экономическая политика не существует в вакууме. Ее оформление и реализация зависят от политического процесса и от того, кто платит за это и кто получает выгоду. Эко-

номическая политика и ее результаты, в свою очередь, определяют общую политику и ее результаты. Эти две части невозможно отделить друг от друга.

Адепты неолиберализма часто игнорируют особенности политического процесса. Призывая к «хорошему управлению», неолиберализм делает акцент на «лучших практиках», полагая их универсально применимыми ко всем странам и игнорируя тот факт, что политический контекст может как способствовать, так и препятствовать проведению экономической политики.

Сегодня ясно, что политическая составляющая неолиберальной модели не была повсеместно успешной. Хотя число демократий в мире и увеличилось, много стран остаются авторитарными.

На волне кризиса 2008 г., нанесшего сильный удар по неолиберализму, многие аналитики посчитали, что такой глубокий сбой рыночного капитализма приведет к политическому полевению и отказу от ключевых неолиберальных принципов. Встал и вопрос, что же придет им на смену. Эксперты в США предположили возвращение к более регулируемому кейнсианскому либерализму. В Европе многие эксперты пошли еще дальше и предположили движение в сторону новых форм социализма.

В развивающихся странах неолиберализм также потерял после кризиса привлекательность и сторонников. И наоборот, китайская модель с жестким регулированием государства завоевала симпатии. В настоящее время экономическую модель в развивающихся странах можно охарактеризовать как смесь кейнсианства, неолиберализма и социализма.

В социальных науках уже давно идет дискуссия о взаимосвязях капитализма, экономического развития и демократии. Сторонники теории модернизации утверждали, что экономическое развитие является важным фактором развития демократии [Lipset]. Предполагалось, что развитие рыночных экономических институтов и демократических политических институтов идут рука об руку; что существует гармония между логикой экономического либерализма и демократическим принципом «один человек — один голос» и что индивидуумы действуют в своих собственных эгоистических интересах, что ведет к эффективным и стабилизирующим общество результатам.

В реальности оказалось, что взаимосвязь между демократической политикой и неолиберальной экономикой имеет более сложный характер. Многие либеральные экономисты использовали политические структуры для защиты рынка от давления тех, кого теперь именуют популистами и кто способен прийти к власти демократическим путем, и таким образом отделили рынок от демократии, особенно в послевоенный период [Slobodian]. Демократические требования к перераспределению богатства входят в естественное противоречие со слабо регулируемым капитализмом. В то же самое время надежды некоторых политических либералов на то, что экономическое развитие и либерализация в авторитарных странах, особенно в Китае, неизбежно окажут демократическое давление, оказались неоправданными.

При этом среди нынешних политических лидеров, проводящих нелиберальную политику, не наблюдается полного отказа от нелиберальной экономики. Так, Жаир Болсонару в Бразилии и Виктор Орбан в Венгрии придерживаются некой смеси нелиберальной экономической политики с элементами государственного интервенционизма [Kowalczyk]. Современные популисты часто используют громкую риторику против мультикультурализма, глобальной экономики и, особенно, миграции, но не обязательно отвергают глобальный капитализм.

Можно наблюдать существенные различия как среди демократических, так и среди авторитарных стран в выборе экономических моделей развития. Взаимосвязь между экономическим развитием и демократизацией не является настолько тесной, как предполагали раньше [Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared].

После периода неопределенности, в течение которого было неясно, в каком направлении будет развиваться мир, 2016 г. принес волну, которую ассоциируют с популизмом и национальной идеологией. Эти явления возникли не в один день, они нарастали, набирали силу в течение 2000-х годов и получили значительную энергию в результате глобального финансового кризиса.

Нынешние подъем и распространение движений, которые можно назвать неонациональными или неонационалистическими, связаны с фрустрацией по поводу экономического неравенства, глобализацией и растущей потребностью самоопределения. Страны стали экспериментировать с новыми подходами к подотчетности и легитимности власти, не связанными с либеральной демократической моделью. Например, в Китае коммунистическая партия инициировала реформы, направленные на то, чтобы сделать многочисленную бюрократию более конкурентной и отзывчивой на нужды бизнеса с помощью «управляемой импровизации» между партийными боссами и местными органами власти [Ang]. Китайская концепция социального кредита не только служит повышению эффективности управления, но и влияет на рыночное поведение граждан и корпораций. Китайские граждане могут влиять на бюрократию посредством механизмов неформальной подотчетности, организованной вокруг групп солидарности, таких как церкви и храмы [Tsai]. Такие меры подотчетности служат более непосредственному участию населения в процессе управления на основе модели «пожарной тревоги», предлагающей гражданам выявлять те или иные проблемы. Более того, технологические достижения, снижающие издержки передачи информации, облегчают недемократическим режимам стимулирование подотчетности, прозрачности и легитимности. Механизмы цифрового управления позволяют государству выявлять запросы общественного мнения и быстро реагировать на изменения.

Другие страны, даже с более слабыми формальными институтами, также экспериментируют с новыми механизмами управления. Например, в Афганистане наблюдаются успешные попытки достижения ответственности и подотчетности с помощью институтов общины, которые стимулируют системы обратной связи между жителями и государством даже в отсутствие формальных основ демократического государства. В целом существует множество неформальных и косвенных методов, которые исполь-

зуют недемократические государства для реагирования на запросы населения. Таким образом, либеральная демократия может и не быть единственным механизмом утверждения легитимности в XXI в. Правящее государство в состоянии приобрести широкую легитимность посредством эффективного управления, а не через голосование. Многочисленные однопартийные — как де-юре (Китай, Вьетнам), так и де-факто (Сингапур, Эфиопия) — государства сохраняют стабильность, предоставляя материальные блага своему населению. В других, более клиентелистских странах, особенно на Ближнем Востоке, правительства остаются у власти, используя распределительную ренту для влиятельных групп интересов в обмен на предоставление материальных благ населению, фактически покупая его. Разумеется, когда государство старается достигнуть легитимности на основе эффективной экономической деятельности или распределительной ренты, а не демократических принципов, такая легитимность может оказаться хрупкой и быстро испариться перед лицом экономических проблем.

Тот факт, что некоторые недемократические страны могут добиваться подотчетности и легитимности, означает, что потребность в демократизации может оказаться менее значимой, чем ранее ожидалось. Старая глобальная борьба между либерализмом и коммунизмом, а позже между кейнсианством и неоклассическим либерализмом уступает место новым схваткам. Капиталистической либеральной демократии теперь противостоят, с одной стороны, авторитарная капиталистическая модель, сочетающая однопартийную систему и глубокие связи между государством и частным сектором, интеграцию в глобальную экономику и частичное использование рыночных механизмов при распределении ресурсов, а с другой — неонационалистическая модель, строящаяся на примате национально-государственных интересов.

Экономический успех и политическая стабильность многих авторитарных стран вызвали значительный интерес к возможности распространения этой модели. Китай, безусловно, представляет собой наиболее показательный пример в этом отношении. Существует и ряд других стран, включая Сингапур, Вьетнам и Эфиопию, которые взяли на вооружение некоторые методы авторитарного капитализма. Эти страны стараются интегрироваться в глобальную экономику, оставляя стратегические отрасли под контролем государства. По мере того как Китай и другие авторитарные страны включаются в потоки иностранных инвестиций и укрепляют связи с развивающимися странами, привлекательность такой модели может получить дальнейшее распространение.

Современный подъем неонациональной (неонационалистической) политики выступает как ответ на эксцессы глобализации и космополитизма. Эта тенденция может вылиться в новую идеологическую борьбу, поскольку противоречия и вражда между неонационализмом и либерализмом более глубоки, чем между разными направлениями либерализма. Неонациональная идеология представляет собой серьезный вызов глобализации. Авторитарные капиталистические страны и либеральные демократии в состоянии сосуществовать на международной арене, с теми, кто исповедует идеи неонационализма, дело обстоит сложнее. В этой связи можно ожидать в перспективе более хаотичного международного порядка, функционирование которого оставляет больше вопросов, чем ответов.

Литература

- Холявко А. Состояние 1% богатейших людей в мире больше, чем у остального населения // Ведомости, 20.01.2020. — URL: vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih (date of access: 14.04.2020).
- 2018 Edelman Trust Barometer: Global Report. — URL: edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2018-10/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf (date of access: 14.04.2020).
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P. Income and Democracy // American Economic Review VOL. 98. NO. 3. JUNE 2008. P. 808–842. — URL: aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.98.3.808 (date of access: 14.04.2020).
- Ang Yuen Yuen How China Escaped the Poverty Trap. Cornell University Press. 2016.
- Ban C. Ruling Ideas: How Global Neoliberalism Goes Local. Oxford University Press. 2016.
- Brady D., Spence M. Leadership and Growth: Commission on Growth and Development. World Bank. 2010. — URL: openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2404 (date of access: 14.04.2020).
- Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural. Working Paper. IMF. Washington. 2015. No. 15/6. — URL: imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/The-Global-Trade-Slowdown-Cyclical-or-Structural-42609 (date of access: 14.04.2020).
- Conway E. What is Neoliberalism and Why Is it an Insult? // SkyNews. 15.05.2018. — URL: news.sky.com/story/sky-views-what-is-neoliberalism-and-why-is-it-an-insult-11373031 (date of access: 14.04.2020).
- Dahlman C. New Technologies, Jobs, Growth, and Development // The Growth Dialogue. 2017. №4. — URL: growthdialogue.org/growthdialog/wp-content/uploads/2017/11/Policy-Brief-14-Dahlman.pdf (date of access: 14.04.2020).
- German Industrial Policy Comes Back to the Fore // Financial Times. 05.02.2019. — URL: ft.com/content/49a5920c-2954-11e9-88a4-c32129756dd8 (date of access: 14.04.2020).
- Kowalczyk M. Hungary's unorthodox economic policies // Obserwator Finansowy. 18.05.2017. — URL: obserwatorfinansowy.pl/in-english/macroeconomics/hungarys-unorthodox-economic-policies/ (date of access: 14.04.2020).
- Leipziger D., Dahlman C., Yusuf S. Economic Challenges for Korea:
- Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 1. P. 69–105. — URL: cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/some-social-requisites-of-democracy-economic-development-and-political-legitimacy/1/26559429359F42D3E9B8BC82CA65546A (date of access: 14.04.2020).
- Mason J.W. Pulling Rabbits Out of Hats // Jacobin. 29.11.2018. — URL: clck.ru/NMfoR (date of access: 14.04.2020).
- Mega-Trends and Scenario Analyses. Korea Institute for International Economic Policy. Seoul. 2017.
- Piketty T. Capital in the Twenty-first Century. Cambridge, MA. 2014.
- Rodrik D. Rescuing Economics from Neoliberalism // Boston Review. 06.11.2017. — URL: bostonreview.net/class-inequality/dani-rodrik-rescuing-economics-neoliberalism (date of access: 14.04.2020).
- Rodrik D. Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy. Princeton. 2018.
- Rodrik D. The Globalization Paradox. N.Y. 2011.
- Slobodian Q. Globalists. The End of Empire and the Birth of Neoliberalism. Harvard University Press. 2018.
- Stiglitz J. Globalization and Its Discontents Revisited. N.Y. 2017.

- Time to Care. Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis. Oxfam Briefing Paper. January 2020. — URL: [ousweb-prodv2-shared-media.s3.amazonaws.com/media/documents/FINAL_bp-time-to-care-inequality-200120-en.pdf](https://www.ousweb-prodv2-shared-media.s3.amazonaws.com/media/documents/FINAL_bp-time-to-care-inequality-200120-en.pdf) (date of access: 14.04.2020).
- Tirole J.* Regulating the Disrupters // Project Syndicate. 09.01.2019. — URL: project-syndicate.org/onpoint/regulating-the-disrupters-by-jean-tirole-2019-01?barrier=accesspaylog (date of access: 14.04.2020).
- Tsai L.* Accountability Without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge University Press. 2007.
- Valencia F., Laeven L.* Systemic Banking Crises Database: An Update. Working Paper. IMF. Washington. 2012. No. 12/163, 01.06.2012. — URL: [imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Systemic-Banking-Crises-Database-An-Update-26015](https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Systemic-Banking-Crises-Database-An-Update-26015) (date of access: 14.04.2020).
- Wu M.* The China Inc. Challenge to Global Trade Governance // Harvard International Law Journal. Vol. №2. Spring 2016. P. 261–324. — URL: [semanticscholar.org/paper/The-'China%2C-Inc.'-Challenge-to-Global-Trade-Wu/8cd168871fde09a98c35f371194ca4df10135097](https://www.semanticscholar.org/paper/The-'China%2C-Inc.'-Challenge-to-Global-Trade-Wu/8cd168871fde09a98c35f371194ca4df10135097) (date of access: 14.04.2020).

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-55-70

УДК 93; 94; 323

Антон Крутиков

«Дайте спокойно пожить». Украинское учредительное собрание 1917–1918 гг.

Аннотация. В эпоху революционных потрясений 1917 г. Украинское учредительное собрание оказалось одной из многих попыток разрешить на практике национальный вопрос в соответствии с идеалами революционной демократии, столь популярными в постфевральской России. Вопреки надеждам организаторов, выборы в Учредительное собрание не привели к началу парламентской дискуссии и выработке политического компромисса, уступив место другим, более радикальным методам борьбы. История этого учреждения стала примером поражения идей российского либерального мессианизма, доказавших свою несостоятельность в условиях Русской революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: Русская революция, Россия, Украина, Учредительное собрание, Центральная рада, Временное правительство, Гражданская война.

Идея созыва Учредительного собрания, которую традиционно называют в числе главных политических новаций, рожденных Февральской революцией, получила большую популярность не только у российских постфевральских элит. Идеалы революционной демократии оказались востребованы и среди многочисленных политических активистов, выступавших тогда от имени национальных окраин бывшей Российской империи. Такая популярность до определенной степени распространялась и на те районы западных окраин России, которые были оккупированы противником. После февраля 1917 г. новая революционная идеология с чрезвычайной быстротой распространялась по обе стороны линии фронта. Глубокая перестройка российских политических институтов, произошедшая на протяжении 1917 г., неизбежно должна была отразиться и на изменении статуса российских национальных окраин.

В этой связи далеко не случайным является тот факт, что при подготовке «Положения о выборах» во Всероссийское учредительное собрание Временное правительство зарезервировало 30 мандатов для жителей пяти оккупированных немцами губерний [Протасов, с. 84]. В 1917–1918 гг. влияние идей Временного правительства и его первых деклараций прослеживается в деятельности политических сил Литвы, Лифляндии, Финляндии и даже Польши. Например, в Литве (на территории оккупированных немцами Виленской и Ковенской губерний) один из первых конституированных орга-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», bialyorz1000@gmail.com.

нов литовского народа — Виленская конференция в сентябре 1917 г. установила, что будущее страны должен решать «Учредительный сейм»¹.

Созыва Учредительного собрания с надеждой ожидали не только представители интеллигенции, политики и революционеры в Петрограде и участники многочисленных митингов, манифестаций и сходов в российских регионах. Его идея выступала в роли удобного инструмента для решения национального вопроса, причем востребованность этого инструмента многократно повышалась в условиях войны и разрастания революционной «вольницы».

Для Украины фактор линии фронта не имел решающего значения (лишь западные районы ее были оккупированы Австро-Венгрией), а политические процессы в целом походили на общероссийские. Это заметно отличало Украину от соседней Белоруссии, наполовину оккупированной германскими войсками, где при германской поддержке возникали новые территориально-политические проекты вроде идеи «Великой Литвы» или планов «автономизации народов»².

Однако развитие революции и политические изменения на Украине имели одну существенную особенность. С марта 1917 г. здесь наблюдался значительный раскол среди новых революционных элит, вызванный конфликтом между самопровозглашенной Центральной радой и Временным правительством. Формально этот конфликт так и не был преодолен на протяжении лета и осени 1917 г. и в качестве весьма болезненной нерешенной проблемы достался по наследству большевикам.

Центральная рада представляла собой орган, типичный для раннего этапа становления революционной демократии в постфевральской России. Образованная явочным порядком в Киеве 4 марта 1917 г., она объединила представителей революционных кружков и политических организаций, объявивших себя партиями, но, будучи лишена связи с массами, не выражала интересы подавляющего большинства населения украинских губерний.

Летом 1917 г., после первых месяцев эйфории от «свободы», пришедшей из Петрограда, Центральная рада предприняла ряд практических шагов по созданию на Украине собственных властных структур. Уже 10 июня 1917 г. она издала так называемый Первый универсал, в котором выдвинула идею созыва Всенародного украинского собрания, решения которого, как ясно давалось понять, будут иметь приоритет перед решениями Учредительного собрания России. Как гласил документ, новый порядок на

1 Литовские политики, сохранившие верность Антанте, созвали 1 июня 1917 г. Всероссийский Литовский сейм в Петрограде. Одна из резолюций сейма требовала созыва «на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» Учредительного собрания Литвы.

2 По словам германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега, вместо неприемлемых для России терминов «аннексия» и «исправление границы» изменение политической карты на Востоке следовало оформить под видом образования здесь «самостоятельных государств». Идея «Великой Литвы» предполагала включение в ее состав части белорусских территорий, в том числе всей Гродненской губернии.

Украине должен быть установлен «избранным всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием Всенародным украинским собранием (Сеймом). Все законы, которые установят этот порядок здесь, у нас на Украине, имеет право издавать только наше Украинское собрание» [I Універсал...].

Один из авторов универсала, известный украинский политик В.К. Винниченко, объяснял такой подход довольно просто: «Ніхто краще нас не може знати, чого нам треба і які закони для нас лучші» [Там же].

Таким образом, политиками рады Украинское учредительное собрание мыслилось как форма самоопределения украинского народа и было призвано установить на территории Украины новый правовой строй, причем самостоятельно, без санкции Петрограда.

Накануне этих событий, в мае 1917 г., Киев посетил А.Ф. Керенский. Во время переговоров с российским премьером члены Центральной рады М.С. Грушевский и А.Я. Шульгин были предельно откровенны. Как отмечал Грушевский, занимавший на тот момент весьма умеренную позицию федералиста, «мы не стремимся к независимости», а хотим лишь «автономии в составе Российской федеративной республики». В такой форме, убеждал политик, «украинское движение является для России не угрозой, а сильной поддержкой; Временное правительство должно пользоваться ею, если хочет спасти Россию». А по мнению члена Союза украинских автономистов-федералистов Шульгина, «только децентрализация сможет спасти Россию, иначе страна погибнет» [Вісти...].

В подобных воззрениях не было ничего удивительного. Рада и ее лидеры чувствовали себя в Киеве далеко не так уверенно и не могли в полной мере именовать себя представителями «организованного украинского народа». Это заставляло их искать поддержки у официального Петрограда.

28 июня в Киев для переговоров с лидерами Центральной рады вновь прибыли представители Временного правительства — А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко и И.Г. Церетели. Взаимные уступки привели к появлению временного компромисса, который был оформлен в виде Второго универсала Центральной рады 3 июля 1917 г.

В этом документе украинские политики заняли гораздо более лояльную Петрограду позицию. Теперь они утверждали, что «мы, Центральная рада, всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Генеральный секретариат объявлялся «органом Временного правительства» на территории Украины, а генеральные секретари должны были утверждаться Петроградом. Признавалась необходимость пополнения рады за счет представителей других национальностей, проживающих на Украине. И самое главное — лидеры рады заявляли, что выступают «решительно против самовольного объявления автономии Украины до Всероссийского учредительного собрания» [II Універсал...].

Как вспоминал позднее современник и очевидец этих событий, лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов, «рада, на первых порах орган сугубо нацио-

нальный, превратилась в подобие регионального предпарламента, куда вошли представители и других национальностей, проживающих на Украине (пропорционально их количеству). У рады появился собственный исполнительный орган — секретариат. Секретариат также был местным отделением Временного правительства и получил от последнего формальное подтверждение своего статуса» [Чернов, с. 265].

«Эта временная ситуация, — продолжал Чернов, — должна была сохраняться до Учредительного собрания; к тому времени Центральной раде следовало подготовить проект статуса автономной Украины и закона об украинском земельном фонде» [там же].

Таким образом, налицо была явная трансформация идеи Украинского учредительного собрания (о его созыве в универсале даже не упоминалось). Приоритетом теперь становилось участие избирателей Украины во Всероссийском учредительном собрании на общих основаниях, с последующим определением статуса украинской «автономии».

Однако реальность оказалась далека от политических деклараций во Втором универсале. Позиции рады серьезно ослабила «полуботковщина» — восстание украинских частей в Киеве, проходившее 5–7 июля 1917 г., главную роль в котором сыграли солдаты «полка имени гетмана П. Полуботка». Идейным вдохновителем этого движения стал Николай Михновский, лидер «Украинского военного клуба имени гетмана Павла Полуботка», в будущем — одна из наиболее заметных фигур среди украинских националистов. По расчетам организаторов, восстание должно было привести к свержению «соглашателей» — депутатов Центральной рады во главе с Винниченко и Грушевским — и к установлению в Киеве военной диктатуры. Власти в Киеве были вынуждены обратиться за помощью к Временному правительству, которое направило на помощь раде свои войска. Восстание было окончательно подавлено 7 июля 1917 г.

Очевидец этих событий В.К. Винниченко в письме к украинскому предпринимателю и политику Е.Х. Чикаленко не скрывал своего раздражения и возмущения: «Выступление не удалось. Но они забрали оружие из арсенала, окопались в лагере и наводят террор на город. Но террор этот идет под флагом «справедливых, национальных» требований во имя спасения Украины, Центральной рады и т.п. [...] Все поголовно употребляют такие же выражения, как и мы, «революционная демократия», не исключая Грушевского, который включил слово «товарищ» в свой лексикон без всяких кавычек и нисколько не конфузится, когда его причисляют к «революционной демократии». А тем временем у большинства чрезвычайная политическая невоспитанность, непросвещенность, дикость и... ужасный национализм» [Владимир Винниченко...].

Председатель рады Грушевский, как справедливо заметил Винниченко, теперь был вынужден заигрывать одновременно и с киевским Советом (который до этого рада полностью игнорировала), и с Временным правительством (которому формально подчинялся Генеральный секретариат).

Восстание изменило расстановку сил — после июльских событий власти в Петрограде пребывали в ложной уверенности, будто именно они теперь являются хозяевами

положения. К моменту открытия Государственного совещания в Москве (август 1917 г.) Временное правительство было убеждено в укреплении своих позиций и полагало, что политическую обстановку в стране постепенно удастся нормализовать.

4 августа министры издали «Временную инструкцию Генеральному секретариату Временного управления на Украине», территория которой теперь односторонне определялась в составе всего 5 губерний — Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской. Документ имел целью не допустить распространения на Украине «революционной вольницы» и вводил множество новых ограничений, том числе в два раза сокращал количество генеральных секретарей (с 14 до 7). Из ведения украинских властей полностью изымались вопросы, связанные с военным ведомством, путями сообщения, почтой и телеграфом. При выборе генеральных секретарей вводились новые квоты для проживавших на Украине национальностей, все назначения в местных органах власти должны были согласовываться с центром [Соколова].

Ответ Центральной рады и ее лидеров был вполне предсказуем. В резолюции, принятой 9 августа, рада заявила об «империалистических тенденциях русской буржуазии в отношении Украины» и призвала ее «трудящиеся массы» к «организованной борьбе». Позднее Грушевский, хорошо усвоивший новую революционную риторику, заявил, что инструкция Временного правительства «продиктована буржуазным империализмом в отношении Украины, не отвечает потребностям ее народа и содержит в себе всевозможные препятствия для успешной деятельности новой руководящей власти Украины — ее Генерального секретариата» [Грушевський, Україна дійде свого, с. 50].

Выступление Л.Г. Корнилова и пошатнувшиеся позиции Временного правительства вновь изменили соотношение сил на Украине. Кризис нанес серьезный удар по кадетам и прочим умеренным политическим силам, способствовал активизации левых партий и дальнейшей радикализации общества.

Все чаще из Киева звучали требования признания не только национально-культурных, но и «державных» прав народов России — переустройства нового Российского государства на федеративных началах. Наилучшим выражением такой позиции стало высказывание В.К. Винниченко: «Мы поддерживаем Всероссийское учредительное собрание, поддерживаем до тех пор, пока в вопросе об организации власти оно будет стоять на принципе федеративности этой власти. Представители Украины на Всероссийском учредительном собрании будут отстаивать позицию Центральной рады, украинцы будут добиваться и требовать, чтобы центральное правительство было организовано на федеративной основе» [Киевлянин, 30 ноября 1917 г.].

21 сентября 1917 г. в Киеве собрался «Съезд народов и областей России» — представительный орган, объединивший многочисленных делегатов от российских национальных окраин и национальных меньшинств. Этот съезд, созданный по инициативе рады, демонстративно занял позицию «революционной фронды» по отношению к Временному правительству.

В своей приветственной речи к участникам съезда Грушевский так охарактеризовал возможное политическое будущее Украины: «Украина не идет через федерацию к самостоятельности, ибо государственная независимость лежит не перед нами, а за нами. Мы ранее уже объединились с Россией как независимое государство и от своих прав никогда не отрекались. Мы признаем за народами неограниченное право на самоопределение вплоть до отделения и создание собственного государства и готовы радоваться вместе с ними, когда они достигнут поставленной цели, но только с тем условием, чтобы эта полученная независимость не стала бы способом для господства и использования народностей, которые окажутся в меньшинстве в этой новой стране» [Українська Центральна Рада...].

В качестве историко-правовой базы для новых взаимоотношений с Петроградом Грушевский предлагал выделить эпоху Переяславской рады и Богдана Хмельницкого, когда, по его мнению, произошло «добровольное объединение» Украины и России в одно политическое целое. Позднее, утверждал председатель рады, права Украины в этом едином государстве неоднократно нарушались, однако Февраль 1917 г. наконец создал условия для их восстановления.

«Мы не будем говорить, — откровенно продолжал Грушевский, — что мы очень любим Российскую республику, потому что до сей поры мы от нее ничего хорошего для себя не видели. Этот старый участок, в котором нас держали бессрочно, «до окончания переписки», не может вызвать у нас симпатии. Наши симпатии может приобрести тот «дворец народов», который мы хотим сделать из России» [Там же].

Интересно отметить, что Грушевский считал федерацию эффективной формой взаимодействия нескольких независимых государств, а не шагом к обретению отдельными частями федерации независимости. Федерация могла объединять лишь тех участников, которые уже имели «державные права». Восстановление этих «державных прав», по его мнению, и должно было стать главной задачей будущего Учредительного собрания.

Таким образом, осенью 1917 г. Украинскому учредительному собранию отводилась роль законодательного органа, который должен был определить будущее Украины в составе Российского федеративного государства. Более того, для достижения намеченной цели лидеры рады планировали провести его раньше Учредительного собрания в России.

19 октября 1917 г. председатель Украинского генерального военного комитета Симон Петлюра в беседе с корреспондентом газеты «День» дал свою оценку планам политиков рады: «Мы думаем перед Всероссийским учредительным собранием созвать Учредительное собрание на Украине, которое и определит будущие взаимоотношения между Украиной и Россией и, выработав проект, внесет его на рассмотрение Всероссийского учредительного собрания. Однако сейчас мне трудно сказать, будет ли Украинское учредительное собрание созвано одновременно с общим Учредительным собранием, или оно состоится позже» [Петлюра, с. 280–281].

Противоречивость высказываний Петлюры становится понятной, если учесть реакцию Временного правительства на планы Центральной рады. Новые требования, прозвучавшие из Киева в сентябре 1917 г., не встретили никакой поддержки в Петрограде. Министры кабинета Керенского по-прежнему отстаивали идею Всероссийского учредительного собрания, видя в нем единственный институт, способный учесть интересы избирателей из всех российских регионов.

В этот момент позиция Временного правительства совершенно неожиданно была поддержана «справа». Причем по форме эта поддержка скорее напоминала критику, прозвучавшую непривычно жестко. 2 сентября 1917 г. Сенат (переставший быть «правительствующим», но состоявший, как и прежде, из опытных юристов дореволюционной школы) постановил отказать в публикации инструкции Временного правительства Генеральному секретариату от 4 августа 1917 г.

Причина лишь на первый взгляд была формальной: о Генеральном секретариате не существовало закона, а незаконному учреждению нельзя давать инструкции. Сенаторы отмечали, что само соглашение с радой (оформленное в ее Втором универсале) было узурпацией прав Учредительного собрания, и Временное правительство не имело на это полномочий. Российский революционер Лев Троцкий, позднее вспоминая об этих событиях, не без иронии отмечал: «...наиболее непреклонными сторонниками чистой демократии успели стать царские сенаторы. Проявляя столько храбрости, оппозиционеры справа ровно ничем не рисковали: они знали, что их оппозиция как нельзя больше придется правящим по душе» [Троцкий, с. 29].

Временное правительство действительно предпочло перейти к решительным действиям, но это случилось лишь в тот момент, когда дни его были уже сочтены. 19 октября, одновременно с заявлениями Петлюры, Керенский телеграфировал в Киев, предлагая членам Генерального секретариата «немедленно выехать в Петроград для личных объяснений». Поводом послужило их участие в «преступной агитации» за Украинское учредительное собрание. Одновременно прокурору Киевской судебной палаты было дано поручение приступить к расследованию деятельности лидеров рады и Генерального секретариата.

Октябрьский переворот в Петрограде оставил эти планы нереализованными. После прихода к власти большевиков конфликт Киева и Петрограда, разгоревшийся с новой силой, продолжался всю осень 1917 г. и к концу года принял форму полномасштабной гражданской войны.

Идея созыва Учредительного собрания Украины теперь приобретала совершенно новый смысл для киевских политиков. Если летом 1917 г. созыва Учредительного собрания требовали в основном сторонники национального самоопределения, то теперь оно стало символом консолидации тех политических сил, которые выступали оппонентами победивших в Петрограде большевиков. И если прежняя власть «февралистов» в России пала практически повсеместно и почти без сопротивления, то Украина оказалась одним из немногих российских регионов, где продолжали действовать органы,

санкционированные при Временном правительстве, — Центральная рада и ее Генеральный секретариат. Из заявлений украинских политиков, сделанных после Октябрьского переворота, следовало, что они по-прежнему отстаивали курс Февраля 1917 г., продвигали идеи федерализации государства и «спасения революции».

В связи с принятием Третьего универсала 7 ноября 1917 г. Грушевский так охарактеризовал намерения Генерального секретариата: «Грозный момент кровавой борьбы в России и на Украине, когда нет центральной власти, когда началась и все ширится гражданская война, перекидываясь уже и на Украину, требует от украинских партий решительных шагов, чтобы укрепить власть, сделать Украину базой революции и отсюда защищать достижение революции в России в целом» [Українська Центральна Рада...]. По словам политика, «после долгих размышлений и сомнений» Генеральный секретариат пришел к выводу, что единственным выходом «может быть только провозглашение Украинской Народной Республики, которая будет полноправным членом крепкого союза народов России» [Там же].

23 ноября эти заявления были конкретизированы: «Выразив в своем Универсале твердую волю силами Украинской республики спасти целостность и единство Федеративной России, мы должны немедленно принять все меры для того, чтобы выполнить эту волю на деле. Когда великорусский центр не может больше создать своими силами революционное, социалистическое правительство, которое могло бы навести в государстве порядок и утвердить право, то народы и области, которые стоят на федеральном принципе, должны прийти на помощь великорусской демократии в этом немедленном деле формирования новой революционной, по-настоящему демократической власти Российской республики» [Грушевський, Рятуймо Російську Федерацію, с. 59].

Принципиально важным, с точки зрения рады, становился вопрос о «центральной власти» и формировании нового правительства: «Центральная рада, которая до сих пор не считала желательным участвовать в формировании правительства, должна внимательно сосредоточиться на этом и немедленно поладить с областями и народами, которые стоят на той же федеральной платформе, а также с ведущими группами революционной демократии, чтобы создать новую, сильную и авторитетную власть на федеративном принципе» [Там же].

Столь громкие заявления еще не означали официального разрыва с Петроградом, но были фактически попыткой приглашения (если не принуждения) к диалогу и созданию широкой коалиции социалистических сил. Мотивы борьбы с «централизмом» большевиков в заявлениях рады просматривались вполне четко и были сформулированы на понятном современникам политическом языке: «Централистская Россия могла быть нам безразлична или ненавистна, Россия федеративная для нас ценна и нужна, и мы должны ее спасти всеми силами» [Там же].

Впрочем, реальные возможности для такого диалога были весьма ограничены, так как действующее в Петрограде «министерство социалистов» рада не признавала.

Таким образом, глубинные причины конфликта рады и Совнаркома заключались в вопросе о власти, а не в мифической «поддержке Каледина» или разоружении красногвардейских частей, что в качестве формального повода было использовано большевиками для развязывания в конце 1917 г. Гражданской войны. Для большевиков компромисс с радой в любой форме был невозможен, а продолжение политики Временного правительства не имело перспективы. Украина при Временном правительстве фактически перестала быть управляемой — таков был итог соглашений между «революционными демократиями» Петрограда и Киева. После Октябрьского переворота политики в Киеве попытались претендовать на роль консолидирующего центра в антибольшевистской борьбе, что и предопределило их дальнейшую судьбу.

В условиях углубления конфликта с Петроградом созыв Украинского учредительного собрания приобретал для рады решающее значение. «Все наши фракции единодушно признали, что надо немедленно созвать Учредительное собрание Украины. Энергично работали две комиссии: по созыву Учредительного собрания и по выработке автономного устава. Ясно вырисовывались тяжелые препятствия для исполнения резолюций Центральной рады» [Українська Центральна Рада]. Указывая на саботаж со стороны «министерства российских социалистов» и препятствия для национального государственного строительства на Украине, лидеры рады не теряли надежды создать автономную Украинскую республику и заверяли, что созыв Украинского учредительного собрания «мы готовим и должны осуществить в кратчайшее время» [Там же].

Интересно отметить, что представители «неукраинских» партий в Центральной раде («Бунд», меньшевики и эсеры) во имя «единства фронта украинской и неукраинской демократии» поддержали идею созыва Учредительного собрания [Рафес, с. 41].

Уже 12 октября 1917 г. Центральная рада одобрила законопроект о выборах в Учредительное собрание и поручила Малой раде (Секретариату) окончательно доработать закон и провести выборы. Третий универсал Центральной рады 7 ноября 1917 г. назначил день выборов на 9 января, а день созыва Учредительного собрания — на 22 января 1918 г. В тексте документа особо подчеркивалось, что до начала работы собрания законодательная власть на Украине принадлежит исключительно Центральной раде [III Универсал...].

Выборы в Украинское учредительное собрание планировалось провести на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, руководствуясь принципом пропорционального представительства. Активное и пассивное избирательное право получили граждане обоего пола в возрасте от 20 лет. Всего предстояло избрать 301 депутата Учредительного собрания (по одному депутату на 100 тыс. населения). Согласно закону о выборах, устанавливалось 10 избирательных округов: Волынский, Екатеринославский, Киевский, Полтавский, Подольский, Харьковский, Херсонский, Черниговский, Острогжский, Таврический. Границы избирательных округов часто не совпадали с прежним административным делением на губернии. Так, из Волынского округа исключались районы, оккупированные противником (Владимир-Волынский и Ковельский уезд), Харьковский и Черниговский округа включали по одному уезду

Курской губернии, Острогожский округ формировался из уездов Воронежской и Курской губерний, Таврический — из трех уездов Таврической губернии.

Подготовка к выборам на Украине совпала с «борьбой за границы» — 7 ноября Центральная рада в одностороннем порядке определила, что власть Генерального секретариата распространяется, помимо прежних территорий, также на Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую губернии (без Крыма). Границы в Холмской, а также Курской и Воронежской губерниях планировалось установить на основе референдумов [III Універсал...]. Тем самым закон установил новые границы для некоторых избирательных округов по сравнению с выборами во Всероссийское учредительное собрание и создал новый округ — Острогожский. При определении территории проведения выборов широко применялся «национальный принцип», в отличие от прежнего подхода Временного правительства, определившего границы Украины в составе всего 5 губерний¹. На местах ощущалась и явная конкуренция между выборами в два представительных органа, украинский и всероссийский, которые прошли с промежутком всего в несколько недель.

Несмотря на демократизм избирательного законодательства 1917 г., в нем отразились проявления «российского либерального мессианизма», очень точно отмеченные современниками. Так, российский (и американский) социолог Питирим Сорокин (в 1917–1918 гг. — активный участник политической борьбы) указывал на оторванность положений закона от политических реалий того времени и утверждал, что «он так же годится для современной России, как вечернее платье для прогулки на лошади» [цит. по: Протасов, с. 76]. В чрезвычайных условиях революции, безвластия и Гражданской войны многие демократические положения избирательного закона оборачивались своей полной противоположностью.

В губерниях Украины спустя 3–4 недели после выборов во Всероссийское учредительное собрание избирателю предлагалось заново проголосовать за тот же список, что совершенно сбивало его с толку. В ряде местностей избиратели были настолько дезориентированы происходящим и подавлены картинами разворачивающейся в России Гражданской войны, что говорить об осознанности и свободе их выбора не приходилось.

О том, в каких условиях проходили выборы в Украинское учредительное собрание, можно судить по публикациям в местной прессе. Газета «Киевлянин» сообщала об обстановке в Полтавской губернии, где члены партии хлеборобов-собственников оказались лишены возможности реализовать свои избирательные права.

«Совет партии хлеборобов-собственников, — отмечал «Киевлянин», — приступая, ввиду предстоящих выборов в Украинское учредительное собрание, к подготовительной работе и предвыборной агитации, натолкнулся на непреодолимые препятствия вследствие создавшихся условий, когда свободы составляют прерогативы лишь од-

1 Особое совещание Временного правительства для подготовки закона о выборах в Учредительное собрание отказалось от идеи создания избирательных округов по национальному признаку.

ной группы населения, а другие их совершенно лишены. Под влиянием террора и всевозможных насилий они лишены возможности осуществлять свои гражданские права в момент столь исключительной исторической важности, как выборы в Учредительное собрание» [Киевлянин, 13 декабря 1917 г.].

Консервативный характер партии сделал ее удобной мишенью для конкурентов слева: «Местный орган печати «Полтавский день», в котором партия хлеборобов осуществила свои права на общих выборах в Российское учредительное собрание, теперь «придушен большевистским самодержавным кулаком», почему органа печати партии хлеборобов не существует в настоящее время. Затем почтовые посылки с агитационным материалом не доходят до мест назначения, телефонная станция для хлеборобов-собственников закрыта. На местах функционируют банды из дезертиров и других темных лиц, которые избивают членов партии хлеборобов-собственников. Были, например, случаи убийств, бросания бомб, издевательств и возмутительных насилий. Одному члену партии на шею набросили петлю и волокли его к ближайшему дереву. И в такой атмосфере террора, насилий все же десятки тысяч граждан Полтавщины отдали свои голоса партии хлеборобов» [Там же].

По словам авторов статьи, «анархия и покушения на права собственности дают партии, стоящей на защите принципов собственности, десятки тысяч голосов. Еще много тысяч такого населения притаилось и запугано» [Там же].

Наиболее сложной задачей была организация выборов в районах, непосредственно затронутых Гражданской войной, — Черниговской, а также Полтавской и Харьковской губерниях. Большевистские отряды к началу выборов полностью контролировали Харьковскую и Черниговскую губернии. Впрочем, их власть была прочной только в крупных городах. С мест сообщали о фактах насилия и вмешательства в избирательный процесс — вооруженные большевики переворачивали урны, разгоняли избирательные комиссии. В Черниговской губернии, в г. Сураж председатель избирательной комиссии был арестован, в Глухове застрелен председатель волостной избирательной комиссии [Чемакин].

Террор в отношении избирателей и их усталость от перманентных голосований сделали свое дело. В селе Пигаревка Черниговской губернии крестьянский сход постановил не принимать участия в выборах: «Раз голосовали — ничего не выходит, не выйдет и теперь» [Там же]. Семеновская волостная управа Новозыбковского уезда той же губернии отказалась проводить выборы, в ряде местностей явка упала в несколько раз по сравнению с предыдущим голосованием [Зенич, с. 102; Чемакин].

В итоге выборы прошли в Киевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Волынской и Подольской губерниях, но практически не состоялись на юге Украины, в том числе в Херсонской губернии, Таврии и Одессе.

Всего удалось избрать 172 депутата из 301 члена Учредительного собрания (это составляло более половины и формально позволяло организовать созыв). Среди них 115

мандатов получил общий список Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) и Селянской спилки (Крестьянского союза), 34 — большевики, 9 — еврейские партии, 5 — польский список. По одному представителю было избрано от украинских социал-демократов, левых эсеров, кадетов, членов «Бунда», «беспартийных русских», партии хлеборобов-собственников [Дорошенко].

Недоверие к украинской «Конституанте» проявлялось не только на юге Украины и на украинско-российском пограничье. Многие избиратели Киева оставляли на избирательных бюллетенях свои послания, выражающие их отношение к происходящему и показывающие их политические взгляды и симпатии. Эти дошедшие до нас документы можно рассматривать как подлинные «капсулы времени», содержание которых порой выглядело весьма симптоматично: «Слава нашим великим діячам Грушевському та Винниченкові», «За вільну Україну», «Боже... избавь Россию от украинских узурпаторов», «За веру, царя и Отечество. Ура! Долой хохлов!», «Дайте покой, дайте царя Михаила, ради Бога, дайте спокойно пожить», «Земли и воли не хочу, а дайте одну пару калаш» [Чемакин].

Выборы в г. Киеве принесли убедительную победу Внепартийному блоку русских избирателей во главе с В.В. Шульгиным, известному также как «русский список». Во время избирательной кампании главный редактор «Киевлянина» Василий Шульгин придавал большое значение результатам киевских выборов, вкладывая в них важный символический смысл: «В Киеве шла подготовка в Украинское учредительное собрание. Это были третьи выборы по «четырёххвостке». Для Киева эти выборы имели большое значение. Они должны были решить вопрос, считает ли себя Киев, по завещанию вещего Олега, матерью городов русских и, по наименованию Богдана Хмельницкого, землю вокруг Киева Малой Русью, или же город Кия поплывет по украинствующим болотам, имея преданного анафеме Ивана Мазепу на челе. Решение этого вопроса конкретизировалось в том смысле, что по закону в Украинском учредительном собрании от Киева должен был быть отдельный представитель. При таких условиях было очень важно, кого именно Киев изберет в Учредительное собрание» [Шульгин].

Шульгин подробно описывал и принятые в ходе избирательной кампании методы политической борьбы: «Мы печатали прокламации как на русском, так и на малороссийском языках. Последние писал молодой Грушевский, племянник старого Михаила Грушевского, автора капитального исторического труда «Украина — Русь». Как ученый он, конечно, не мог не признавать, что сначала была Русь, а потом Украина. Но все же он был завзятый украинец, в свое время получавший большие деньги за пропаганду сначала от Австрии, затем от Германии» [Там же].

Даже с учетом избирательных участков в воинских частях, где было велико число сторонников эсеров и большевиков, «русский список» Шульгина победил на январских выборах, получив 29,53% голосов избирателей. Украинские эсеры получили в Киеве 22,07%, сионисты — 9,57%, большевики — 9,3%, поляки — 6,15%, кадеты — 4,65%, меньшевики — 4,5%, украинские социал-демократы — 3,11% [Чемакин].

В целом в Киевской губернии на выборах в Украинское учредительное собрание победу одержал список УПСР и Селянской спилки, получивший 38 мандатов (под номером 1 в список был включен М.В. Грушевский). РСДРП получила 3 мандата, список Еврейского национального избирательного комитета (сионистов) — 3, Внепартийный блок русских избирателей — 1 (В.В. Шульгин).

Осознавая растущую популярность левых радикальных идей в крестьянской среде, Шульгин тем не менее с удовлетворением оценивал итоги голосования киевлян: «На последних выборах мы собрали по Киеву наибольшее число голосов. Таким образом, представителем «матери городов русских» в Южно-Русском вече (кое угодно было иным мистификаторам называть «украинским учредительным собранием») явился бы русский, что вполне, впрочем, естественно и, несомненно, вызвало бы одобрение вещи Олега, доблестного Святослава, Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Богдана Хмельницкого» [Шульгин].

В связи с «протестным» голосованием киевлян интерес представляет сравнение результатов выборов в оба учредительных собрания — Украинское и Всероссийское (на территории украинских губерний). Такой анализ показывает значительный рост левых настроений среди избирателей Украины.

Список большевиков на выборах во Всероссийское учредительное собрание получил наибольшее число голосов на северо-востоке, востоке и юге Украины. В Черниговской губернии РСДРП получила 27,85%, в Екатеринославской — 17,87, Харьковской — 10,5, Херсонской — 13,18%. В то же время на Подолье партия набрала лишь 3,32% голосов, на Волыни — 4,43, в Киевской губернии — 4,04, по всем губерниям Украины — 10,32%.

Однако уже в январе 1918 г. большевики получили в Черниговской губернии 51% голосов, в Киеве — 9,3, а в целом по Украине — 20% голосов избирателей, улучшив вдвое достигнутый ранее результат.

Украинская партия социалистов-революционеров на выборах в Учредительное собрание России получила высокую поддержку в Харьковской и Киевской губерниях, а также на Волыни и в Подолии. В 9 избирательных округах (без фронтовых округов и Черноморского флота) партия набрала всего 56,97% голосов избирателей. На январских выборах 1918 г. УПСР традиционно сохранила сильные позиции в центре и на западе Украины и в целом значительно улучшила свои результаты, набрав около 70% голосов.

После январских выборов очевидными становились не только «большевизация» северных и восточных украинских губерний, но и рост радикальных и националистических настроений в центре и на западе. Оформился территориальный и идейный раскол, явственно напоминающий линии современных политических изломов на Украине. Конфликт между представителями крайних революционных идеологий оказался разрешен не в парламентских дискуссиях, а в ходе Гражданской войны.

Шульгин объяснял радикализацию украинского избирателя особенностью крестьянского менталитета и успешной агитацией УПСР, учитывающей этот менталитет: «Ведь в революционной завирухе мазепинцы весьма ловко воспользовались лозунгом «Кто не украинец (т.е. мазепинец), тот не получит помещичьей земли!» Жадность к панской земле была в то время такова, что превозмогла всякие прочие расчеты» [Шульгин]. Весьма опасное смешение социальных и национальных мотивов в политической борьбе на Украине стало сознательным ходом левых партий (как украинских эсеров, так и, позднее, большевиков) и напрямую отразилось на развитии революции и ходе Гражданской войны [Крутиков, с. 122–124].

Четвертый универсал Центральной рады, принятый 9(22) января 1918 г., провозгласил Украину «самостоятельным, ни от кого не зависимым, свободным суверенным государством украинского народа» и ни о какой федеративной связи с Россией уже не упоминал [IV Універсал...]. Учредительное собрание теперь рассматривалось как форма конституирования отдельного украинского государства, хотя стремительное развитие военных событий ставило под вопрос реалистичность таких планов.

Запланированный на январь 1918 г. созыв Украинского учредительного собрания так и не состоялся из-за вступления в Киев большевистских войск М.А. Муравьева и бегства Центральной рады.

После заключения Брест-Литовского мира, когда деятели Украинской народной республики вернулись в Киев и привели с собой в столицу немецкие войска, вопрос об Учредительном собрании снова был поставлен на повестку дня.

9 апреля 1918 г. на заседании Малой рады председатель Центральной избирательной комиссии М.Н. Мороз заявил об отсутствии сведений о результатах выборов из большинства избирательных округов, а касательно некоторых мест было даже неизвестно, состоялись ли сами выборы [Чемакин].

Мнения разделились. Для политиков Рады было очевидно, что функции Учредительного собрания уже давно присвоил себе «украинский предпарламент», а принятые им четыре универсала во многом предрешали волю будущего народного представительства.

Вопрос был поставлен на голосование в Центральной раде, и в конце концов было решено все же назначить открытие Учредительного собрания на 12 мая 1918 г. [Там же]. Однако, в отличие от Всероссийского, Учредительное собрание Украины так и не было создано — этому помешал гетманский переворот 29 апреля 1918 г. Пока украинские политики в раде спорили о статусе Учредительного собрания и его программе действий, немцы привели к власти гетмана Павла Скоропадского — бывшего генерал-лейтенанта царской армии. 8 июня 1918 г. гетман прекратил споры вокруг украинской «Конституанты» и приказал ликвидировать Главную комиссию по делам о выборах в Учредительное собрание [Там же]. Отрицательное отношение гетмана к правовому наследию Временного правительства и Центральной рады не оставляло места для де-

мократических учреждений и инициатив, ставших для современников главными символами «феврализма».

Принципы революционной демократии, заложенные в идее созыва Украинского учредительного собрания, так и остались нереализованными. Несмотря на популярность новой идеологии и огромные надежды, которые возлагала на созыв Учредительного собрания Украины интеллигенция, оно не стало местом для парламентской дискуссии и выработки политического компромисса, уступив другим, более радикальным методам борьбы. Этот представительный орган, также как и его российский аналог, остался в памяти как политическая утопия, безнадежно далекая от реальности.

Литература

- Бош Е.Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М.-Л. 1925.
- Верстюк В.Ф. Центральная рада и Временное правительство (к истории украино-российских отношений в 1917 году) // Россия — Украина: история взаимоотношений. М. 1997. С. 209–218.
- Відродження. 1918. № 12, 10 квітня.
- Вісти з Української Центральної Ради. Травень 1917 р.
- Винниченко В. Відродження нації. (Історія укр. революції [марець 1917 р. — груд. 1919 р.]). Київ; Відень. 1920.
- Вишняк М. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж. 1931.
- Волков С.В. 1918 год на Украине. М. 2001.
- Владимир Винниченко — Евгений Чикаленко. 20 июля 1917 г. // Є. Чикаленко, В. Винниченко. Листування. 1902–1929 роки. К. 2010. — URL: <https://project1917.ru/posts/21925###post> (дата обращения: 10.07.2020).
- Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний. (1917–1920 гг.) // Архив русской революции издаваемый И.В. Гессеном. Берлин. 1922. Т. VI. С. 161–303.
- Грушевський М.С. Рятуймо Російську Федерацію // Український історик. 2002. № 1–4. С. 59.
- Грушевський М.С. Україна дійде свого // Український історик. 2002. № 1–4. С. 50–51.
- Дорошенко Д. Історія України 1917–1923 рр. Т. 1. Доба Центр. Ради. Ужгород. 1932. — URL: <https://elib.nlu.org.ua/view.html?&id=8732> (дата обращения: 10.07.2020).
- Зенич І. Організація виборів до Всеросійських Установчих зборів на Полтавщині // Український історичний збірник. Вип. 16. К. 2013. С. 102–118.
- Киевлянин. 30 ноября 1917 г.
- Киевлянин. 13 декабря 1917 г.
- Крутиков А.А. «Пока наша власть не окрепнет». Большевики и украинский национальный вопрос в 1917–1923 гг. // «Перспективы. Электронный журнал». 2019. №3 (19). С. 115–127. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/0b6/3_2019_1_115_129.pdf (дата обращения: 10.07.2020).
- Мамонтов В.И. Беларусь в период германской оккупации в годы Первой мировой войны (сентябрь 1915 — ноябрь 1918 гг.). Автореферат диссертации по истории // Диссертации по гуманитарным наукам. — URL: <http://cheloveknauka.com/belarus-v-period-germanskoj-okkupatsii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-sentyabr-1915-noyabr-1918-gg#ixzz6QJ5nj13f> (дата обращения: 10.07.2020).

- Петлюра С. Статті, листи, документи. Нью-Йорк. Українська Вільна Академія Наук у США. 1956.
- Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М. 2015.
- Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М. 1997.
- Рафес М.Г. Два года революции на Украине (Эволюция и раскол «Бунда»). М. 1920.
- Соколова М.В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль–октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М. 1995.
- Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 томах. Т. 2. Ч. 2. М. 1997.
- I Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-1.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- II Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-2.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- III Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-3.html>
- IV Універсал Української Центральної Ради // Конституційний процес в Україні. Історичні документи. — URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-4.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. К. 1996. — URL: <http://resource.history.org.ua/item/0008975> (дата обращения: 10.07.2020).
- Успенский А.А. В плену. Воспоминания офицера. М. 2015.
- Чемакин А. Демократия по-украински: «Селяне заняты грабежом складов с горилкой, выборы не состоялись...» // Украина.ру. 23.01.2019. — URL: https://ukraina.ru/history/20190123/1022374723.html?utm_medium=source&utm_source=rnews(дата обращения: 10.07.2020).
- Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М. 2007.
- Шульгин В.В. Тени, которые проходят / Сост. Р.Г. Красюков. СПб. 2012. — URL: <https://1lib.eu/book/3281099/0a2f7a?regionChanged> (дата обращения: 10.07.2020).

1945–2020: К 75-ЛЕТИЮ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-71-83

УДК 327; 94

Владимир ПЕЧАТНОВ

Ялтинские решения: была ли альтернатива для Запада?

Аннотация. *Итоги встречи лидеров стран антигитлеровской коалиции в Ялте давно подвергались критике в США, а в последние десятилетия эту тему с новой силой подхватили и на Западе, и в странах Центральной и Восточной Европы. Однако решения Ялтинской конференции определялись реальным соотношением сил и военной ситуацией, сложившейся к началу 1945 г. Каждая из союзных стран преследовала собственные интересы, но они смогли достичь взаимоприемлемого баланса этих интересов во имя окончательной победы над общим врагом. Ялтинская конференция стала последним взлетом сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции, а отнюдь не прологом к холодной войне, как часто утверждают теперь.*

Ключевые слова: *Ялтинская конференция, Вторая мировая война, послевоенное урегулирование, Ф. Рузвельт, И.В. Сталин, У. Черчилль, антигитлеровская коалиция, соотношение сил, «Декларация об освобожденной Европе», секретный протокол по Дальнему Востоку.*

Решения Ялтинской конференции давно подвергались критике в США со стороны противников президента Франклина Рузвельта, обвинявших демократов в чрезмерных уступках Советскому Союзу. В стремлении «раскрыть секреты» ялтинских соглашений республиканцы в Конгрессе даже настояли на досрочном издании в 1955 г. очередного тома внешнеполитических документов серии «Foreign Relations of the United States», посвященного Ялтинской конференции [Foreign Relations... p. iii]. Хотя опубликованные документы не содержали никаких сенсационных разоблачений, отзвуки

Сведения об авторе: ПЕЧАТНОВ Владимир Олегович — профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, vopchatnov@gmail.com.

1 Публикуемая подборка статей подготовлена на основе докладов конференции «Ялта-1945: уроки истории», организованной Фондом исторической перспективы совместно с Советом Федерации РФ, Ассамблеей народов Евразии и Ливадийским дворцом-музеем и состоявшейся 13–14 февраля 2020 г. в Ливадийском дворце в Крыму. В более полном виде материалы конференции будут опубликованы в книге: Ялта-1945: уроки истории. Материалы международной конференции / Сост. Е.А. Бондарева. М.: Астрей, 2020. (в печати).

этой критики продолжались в правоконсервативных кругах США вплоть до начала XXI века [Подробнее о дебатах в США вокруг Ялты см.: Reynolds].

Но в последние годы эту тему с новой силой подхватили в странах Балтии, а также Центральной и Восточной Европы (прежде всего в Польше), где Ялта изображается символом «предательства» интересов этих стран, результатом «умиротворения» И. Сталина со стороны У. Черчилля и особенно — «больного Ф. Рузвельта», которых коварный советский вождь якобы «переиграл» в Ялте. Утверждается, что западные союзники отдали Советскому Союзу «слишком много» в Европе и на Дальнем Востоке.

Эта критика подразумевает наличие у англо-американцев в конце войны альтернативного варианта действий, который помог бы избежать этих «чрезмерных уступок» и привести к другому исходу Ялтинской конференции. Но так ли это было на самом деле, особенно если посмотреть на тогдашнюю ситуацию глазами самих западных союзников?

Начнем с европейских проблем. Ялтинские решения (по Польше и другим вопросам) в решающей степени определялись положением на фронтах. Советская армия к тому времени продвинулась примерно до линии Данциг — Бреслау — Краков — Будапешт, и было ясно, что Советскому Союзу в вопросах обеспечения своей безопасности на этом традиционном коридоре вторжений с запада будет принадлежать главенствующая роль. Так что ялтинские уступки союзников Сталину стали не результатом ошибок англо-американской дипломатии в 1945 г., а закономерным следствием ключевых стратегических решений западных союзников в 1942–1943 гг., переложивших на Советскую армию основную тяжесть войны с Германией.

Реальной альтернативой такому исходу могло бы стать более раннее открытие второго фронта (если и не в 1942, то в 1943 г.) и продвижение союзников на восток Европы в результате этой операции. Однако экономия англо-американских жизней для них была важнее освобождения этого региона от нацизма, в то время как Советская армия сама ломала хребет вермахту. Что касается Запада, то там действовала стратегия «легкой войны» и щадящей мобилизации. Второй фронт открыли, когда Германия была уже подорвана и возникла реальная угроза освобождения большей части Европы силами одного СССР.

Другой альтернативой могла бы стать «балканская стратегия», которую в 1943–1944 г. активно продвигал У. Черчилль (а в США — бывший посол в Москве Уильям Буллит). Ее целью было предотвратить продвижение СССР вглубь Центральной и Восточной Европы своим наступлением с балканского направления, используя массированное военное присутствие союзников в Средиземноморье. Данный вариант рассматривался военным командованием США еще в мае 1943 г. Вывод военных планировщиков, одобренный Комитетом начальников штабов, был однозначен: «Общий характер местности, отсутствие серьезных стратегических целей и длинный тяжелый путь в Центральную Европу сделают такое вторжение крайне затратным по времени и усилиям... По всей вероятности, направить всю мощь Объединенных Наций против Германии через вторжение

на Балканы займет больше времени, чем любой другой маршрут вторжения на континент» [Invasion...]. Британское командование также не разделяло энтузиазма Черчилля в отношении балканского варианта, который был отвергнут. В итоге СССР внес решающий вклад в разгром Германии и был вправе рассчитывать на признание этой роли в виде учета своих жизненных интересов безопасности в ключевом для себя регионе. Даже ненавистник сталинского режима Джордж Кеннан во внутренней переписке откровенно признавал: «мы были слишком слабы, чтобы победить без сотрудничества с Россией. Я признаю, что военные усилия России были мастерскими и эффективными и что они должны быть в определенной степени вознаграждены за счет других народов Восточной и Центральной Европы» [G. Kennan to Ch. Bohlen...]. Западники понимали, что СССР неизбежно будет доминировать в Восточной Европе: «Следует помнить, что на оккупированной территории они (русские) будут делать более или менее то, что захотят», — писал Рузвельт госсекретарю Корделлу Хэллу в сентябре 1944 г. [Memorandum for the Secretary of State...]. На встрече с сенаторами в преддверии Ялты президент заявил, что «русские господствуют в Восточной Европе; но очевидно, что мы не можем пойти на разрыв с ними и, следовательно, единственный практический курс для нас — это использовать оставшееся у нас влияние для облегчения обстановки» [The Diaries of Edward R. Stettinius... p. 214].

Западные союзники понимали геополитическую обоснованность советских запросов по созданию пояса безопасности на своих западных границах из дружественных себе государств. Сохраняя Западную Европу под своим влиянием, они были готовы признать советское доминирование в Восточной Европе, в мягкой форме, без явной советизации, что позволило бы им сохранить там определенное влияние. «Ко времени Ялты советские армии уже оккупировали территорию Восточной Европы, включая Польшу, — писал позднее советник и переводчик Рузвельта, участник Ялтинской конференции Чип Болен, — Соединенные Штаты и Британия сталкивались с соотношением сил, которое можно было изменить, только прекратив войну с нацистской Германией. Поэтому ялтинские соглашения не поддерживали советскую политику в Восточной Европе, а были попыткой смягчить путем договоренности то, что США и Британия не могли изменить силой» [Ch. Bohlen to Th. Dillon...]. Главным средством такого смягчения на ялтинской конференции стала предложенная американцами «Декларация об освобожденной Европе», предусматривавшая проведение в регионе свободных выборов под международным контролем.

Таким образом, у союзников было несколько гипотетических вариантов действий в отношении сферы советского влияния в странах Центральной и Восточной Европы. Первый — «изменить силой» сложившуюся ситуацию, используя выражение Болен. Но с учетом реальной ситуации на фронтах и имевшегося соотношения сил это было невозможно и на практике означало войну со своим главным союзником, на что до последнего момента надеялись Гитлер и «лондонские поляки». «Они (лондонские поляки — Авт.) надеются сорвать ялтинские соглашения и привести к разрыву между СССР и западными демократиями, — телеграфировал Черчилль британскому послу в Москве Арчибальду Кларк-Керру в конце февраля. — Они идут на это в надежде поймать рыбку в мутной воде, несмотря на те беды, которые такой курс может обрушить

на их страну» [Prime Minister to A. Clark-Kerr...]. Впрочем, и сам Черчилль прикидывал возможность такого силового варианта, когда в мае 1945 г. поручил своим военным разработать план войны с СССР для решения польского и других европейских вопросов. В этом плане предусматривалось использование польской и остатков германской армии. Результат известен — британское военное командование сочло этот вариант «фантазией» и под характерным названием «Немыслимое» он был положен на полку¹.

Второй вариант, связанный с предыдущим, — прекращение военных действий на Западном фронте и подписание сепаратного мира с Германией.

«Ничто, кроме мира, заключенного с нацистской Германией, — продолжал Болен в своих рабочих записях, — не могло предотвратить военную оккупацию Восточной Европы и части Германии советской армией, если бы она продолжала сражаться с немцами. Но такой мир был невозможен со всех точек зрения» [Background on Yalta]. Оспаривая вывод военного советника Рузвельта адмирала Уильяма Леги (в рукописи книги последнего [Опубликованной как: Leahy]) о том, что ялтинские решения сделали Россию господствующей державой в Европе, Болен подчеркивал:

«Россия так или иначе стала бы доминирующей державой в Европе независимо от ялтинских соглашений, если только адмирал не имеет в виду, что нам следовало бы воспрепятствовать разгрому военной мощи Германии. Рассуждая реально, это был единственный способ предотвратить превращение России в преобладающую военную силу на европейском континенте» [Ch. Bohlen to Commander W. Kelly...].

На заключительном этапе войны вариант сепаратного мира с Германией в западных столицах, судя по всему, всерьез не рассматривался: это было чревато открытым столкновением с СССР, да и для самих западных союзников недобитая Германия была бы слишком опасной. То, что этот мир мог быть заключен с немецкими военными, а не с Гитлером, не меняло дела — тем более что сам фюрер к концу войны рассматривался англо-американским военным командованием скорее как фактор слабости, а не силы Германии. Тем не менее, возможность сепаратного мира союзников с немцами на исходе войны вызвала серьезные опасения в Кремле, что видно из острой реакции Сталина на контакты разведки союзников с германским командованием в Швейцарии весной 1945 г. (операция «Кроссворд») [Подробнее см.: Печатнов, Магадеев, с. 495–501].

Более реалистичным выглядел третий вариант, предложенный Дж. Кеннаном в личном письме своему старому другу Болену, написанном накануне Ялты. Кеннан не верил в возможность сотрудничества с СССР в послевоенном урегулировании и призывал Болена (а через него и Рузвельта) ограничиться откровенным разделом Европы на западную и восточную части — «держаться в стороне от русской сферы и не пускать их в нашу». «Это будет лучше всего для нас и наших друзей в Европе и самым

1 «Идея, конечно, фантастическая и шансы на успех нулевые, — записал в своем дневнике начальник Имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук. — Нет никаких сомнений в том, что Россия отныне всемогуща в Европе» [War Diaries... Ржешевский]

честным подходом в отношении России». Не веря в возможность Запада повлиять на ситуацию в Центральной и Восточной Европе, Кеннан предлагал «списать» этот регион и «спасать» Западную Европу, включая западные зоны оккупации Германии. Для этого, по его мнению, было необходимо «пустить в ход все наши козыри» и «похоронить Думбартон-Оксе» (то есть создание ООН — Авт.) как бесполезный проект, который не сможет остановить «русскую экспансию» [G. Kennan to Ch. Bohlen...]. По сути, Кеннан предлагал начать холодную войну с СССР из-за Восточной Европы.

Этот вариант был вежливо отвергнут Боленом как опасный и контрпродуктивный. Советский Союз был еще очень нужен для окончательного разгрома Германии и помощи в войне с Японией (американское командование считало вступление СССР в эту войну необходимым условием разгрома Японии). Предлагавшийся Кеннаном открытый раздел Европы мало что давал союзникам кроме морального удовлетворения от отказа участвовать в создании видимости легитимности советской сферы влияния. К тому же спешить с разрывом не было никакой необходимости.

«Ясно одно, — отвечал Кеннану Болен, — Союз стал и останется одним из главных факторов в мире. Разругаться с ними легко, но мы всегда это успеем сделать» [Ch. Bohlen to G. Kennan...].

Отсюда четвертый вариант — признание советского доминирования де факто при попытке смягчить его с помощью «Декларации об освобожденной Европе» и других средств сохранения остатков своего влияния в регионе. Именно этот вариант и был положен в основу американской позиции в Ялте. Он давал сразу несколько преимуществ. Во-первых, сохранялись отношения с СССР ради окончательного разгрома Германии, Японии и запуска ООН, который был важен для Рузвельта. Во-вторых, такой курс оставлял шанс на смягчение советского доминирования в Центральной и Восточной Европе. Тот же Болен вспоминал: «Я тогда считал, что согласиться на полное господство СССР в этом регионе, даже имея лишь слабую надежду на предотвращение или смягчение такого раздела, означало бы усугубить вину Соединенных Штатов, которые тем самым добровольно взяли бы на себя полную ответственность за передачу этих стран в советское подчинение» [Notes on chapter XII]. В-третьих, этот вариант давал возможность в случае неудачи с этим шансом заявить, что союзники «сделали все, что могли», и свалить вину на СССР за нарушение ялтинских договоренностей. Так оно впоследствии и получилось, когда Вашингтон и Лондон смогли убедить общественное мнение своих стран в ответственности СССР за несоблюдение «Декларации об освобожденной Европе» и развязывание холодной войны на континенте. «Позднее, когда Америка решила организовать сопротивление советской экспансии, это было сделано на основе нарушения Сталиным своего слова, данного в Ялте», утверждал Г. Киссинджер [Plokhy, p. 263]. Недаром Болен и посол США в Москве Аверелл Гарриман удивлялись тому, что Сталин все-таки связал себя этим, хотя и весьма условным обязательством [Notes on chapter XII]. Но для Сталина это было частью платы за сохранение союзного единства. Наконец, такой вариант давал Рузвельту и Черчиллю возможность изобразить Ялту в своих странах как победу, в том числе — и как свой личный успех. В целом позиция, выбранная Рузвельтом и его советниками в Ялте, представляется наиболее оптималь-

ной с точки зрения интересов самих США и не случайно эти советники (Эдвард Стеттиниус, Болен и Гарриман) в защите рузвельтовской дипломатии в Ялте приводили именно эти аргументы [См.: См. показания А. Гарримана в Конгрессе в 1951 г. *Congressional Record...*]. Болен делал особый упор на «чистую совесть» американской делегации в Ялте, которая в лице Рузвельта предприняла «честную и искреннюю попытку найти основу для соглашения с Советским Союзом», и не ее вина, что эта попытка не удалась [Ch. Bohlen to A. Harriman...].

Принятая в Ялте «Декларация об освобожденной Европе» стала компромиссом между советским стремлением к свободе рук в создании дружественных правительств на своих западных границах и расчетами западников сохранить этот регион открытым для своего влияния. Декларация провозглашала необходимость проведения свободных выборов и создания демократических правительств в освобождаемых странах, но не предусматривала — благодаря усилиям бдительного Вячеслава Молотова — международного контроля над реализацией этих принципов. Сталин пошел на эту уступку, прекрасно понимая, что в конечном итоге «мы будем выполнять по-своему», ибо «все дело в соотношении сил», как он говорил Молотову [Чуев, с. 94].

Другой частью восточноевропейского компромисса стало решение о «реорганизации» просоветского Временного правительства Польши «на более широкой демократической основе». Оно не уточняло конкретных параметров этой реорганизации, что позволяло Москве свести ее к минимуму. Но все же это соглашение, вопреки последующим обвинениям в адрес СССР, подразумевало сохранение «люблинского» правительства в качестве основы, а не радикальную замену его состава, на которой потом будут настаивать западные партнеры. «Про себя» это признавали и западные союзники. Ялтинское соглашение, писал Рузвельт Черчиллю 29 марта, «делает больший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах» [Churchill and Roosevelt...]. Таким образом, ответ на вопрос о «нарушителях» этих ялтинских соглашений отнюдь не так однозначен, как принято считать на Западе¹. Была согласована и новая восточная граница Польши с небольшими отклонениями от «линии Керзона», но Сталину не удалось зафиксировать ее западную границу по Одере — Западной Нейсе. Тем не менее, в ориентировке Молотова для советских послов по итогам Ялты подчеркивалось, что в основу декларации «О Польше» «легли наши предложения» [АВП, ф. 017, оп. 3, п. 2, д. 1, л. 55].

Секретный протокол Ялтинской конференции по Дальнему Востоку, сведения о котором просочились в американскую печать в 1946 г., также вызвал резкую критику в США за якобы чрезмерные уступки Советскому Союзу, не умолкающую и по сей день. Однако и здесь у западных союзников не было большого выбора действий. Во-первых, как США, так и Великобритания признавали законность советских запросов по Дальнему Востоку с точки зрения обеспечения безопасности СССР и были вполне готовы к ним еще до Ялтинской конференции. Советский запрос по Дальнему Востоку (Южный Сахалин, Курилы, Порт-Артур, Дальний и права по маньчжурским желез-

1 Это признают и объективные американские историки [См.: Leffler, p. 98].

ным дорогам) был впервые озвучен Сталиным на встрече с Гарриманом еще в декабре 1944 г. и в целом не вызвал серьезных возражений у союзников. Показательно, что по оценкам британской и американской разведок СССР для обеспечения своей безопасности вполне мог бы претендовать на гораздо большее (Маньчжурию, Корею и внешнюю Монголию), будучи в состоянии занять эти территории в одностороннем порядке¹.

Не удивительно, что в Вашингтоне и Лондоне сочли эти уступки вполне приемлемой ценой за вступление СССР в войну с Японией, которое накануне Ялты являлось важнейшим приоритетом США. «Вступление России (в войну — В.П.) настолько рано, насколько она сможет развернуть наступательные операции, необходимо для оказания максимальной помощи нашим операциям на Тихом океане», — говорилось в меморандуме Комитета начальников штабов (КНШ) для президента, подготовленном накануне Ялтинской конференции [Memorandum for the President...]. В тот период успех «Манхэттенского проекта» был еще под большим вопросом, а планы вторжения на японские острова предусматривали участие почти 5 млн личного состава, потери которого могли достигнуть 1 млн чел. [Stimson, p. 619] Для военного командования США было критически важно не только само вступление СССР в войну с Японией, но и то, чтобы это произошло до начала высадки американских войск на основные японские острова, планировавшейся на 1 ноября 1945 г. (операция «Коронет»). Как и в случае с операцией «Багратион» в поддержку высадки союзников в Нормандии, советское наступление в Маньчжурии должно было оттянуть на себя основные сухопутные силы японцев и тем самым способствовать успеху этой высадки. Ялтинские соглашения закрепили эту договоренность, при этом в ходе переговоров с Рузвельтом Сталин согласился на некоторую корректировку советской позиции в пользу Китая: аренда маньчжурских железных дорог и порта Дальнего была заменена на совместное советско-китайское управление при соблюдении «преимущественных интересов СССР», а вступление в силу ялтинских договоренностей обуславливалось согласием на это правительства Гоминьдана.

Во-вторых, американское командование понимало, что не в силах воспрепятствовать занятию этих территорий советскими войсками в одностороннем порядке. «Уступки в пользу России на Дальнем Востоке, сделанные в Ялте, она способна получить военным путем независимо от США...», — говорилось в докладе военного министра Генри Стимсона для руководства Госдепартамента в мае 1945 г. — Военное министерство считает, что в военном отношении Россия способна нанести поражение Японии и занять Карафуто (Сахалин — В.П.), Маньчжурию, Корею и Северный Китай до того, как войска США смогут оккупировать эти территории». Исключение составляли только Курильские острова, где американские войска могли опередить советские силы. Но цена

¹ «Русские захотят получить всю Маньчжурию, Корею и возможно часть Северного Китая, — считал главнокомандующий американскими войсками на Тихом океане генерал Д. Макартур. — Занятие ими этих территорий неизбежно, но Соединенные Штаты должны настоять на том, чтобы Россия заплатила за это цену в виде вторжения в Маньчжурию как можно скорее после разгрома Германии» [P. Freeman, Jr. To General Marshall and General Hull... Подробнее см.: Печатов Большая стратегия СССР...]

такого воспрепятствования представлялась слишком высокой. «Если бы Соединенные Штаты оккупировали эти острова, опередив русских, это было бы сделано с большим ущербом для кампании по разгрому Японии и с неприемлемой ценой американских жизней, — продолжалось в этом документе. — Кроме того, русские в таком случае могли бы выждать, пока США завершат военный разгром Японии, и после этого захватить нужные им объекты гораздо меньшей ценой, чем если бы они вступили в войну на более ранней стадии» [Secretary of War...].

Стимсон подтвердил эту позицию военного командования в ответ на запрос Госдепартамента о возможности пересмотра ялтинских соглашений по Дальнему Востоку. Дипломатическое ведомство при новом президенте Гарри Трумэне попробовало «переиграть» эти соглашения с тем, чтобы получить дополнительные уступки от СССР по другим вопросам, включая использование Курильских островов для коммерческой авиации США. Отрицательное мнение военного министерства вынудило положить эти планы на полку. Но Белый Дом на этом не успокоился. 11 августа Трумэн приказал американским войскам занять порт Дальний до прихода туда советских войск, что стало бы прямым нарушением ялтинских соглашений. Однако советские части опередили американцев, предотвратив тем самым серьезный конфликт между союзниками [Memorandum for Admiral King and General Marshall...]. Еще один заход в том же направлении Трумэн сделал в послании Сталину от 18 августа 1945 г., в котором запросил не больше, не меньше, как право базирования на Курилах для армейской авиации США. Подобные требования, холодно ответил Сталин, предъявляются либо побежденной стране, либо слабому союзнику, а СССР не относится ни к тем, ни к другим. Трумэну по совету своих военных пришлось ретироваться [См. подробнее: Печатнов Как Трумэн...]. Таким образом, если кого-то и можно обвинять в нарушении ялтинских соглашений, так это трумэновский Белый Дом. Американские попытки пересмотреть ялтинские соглашения по Дальнему Востоку постфактум закончились провалом, что подтвердило их обоснованность и необратимость.

Единственное, по мнению Болен, упущение американцев в Ялте состояло в соглашении на передачу Советскому Союзу всех Курильских островов. Поскольку в отличие от Южного Сахалина они были не захвачены Японией у России, а переданы ей царским правительством по условиям Петербургского договора 1875 г. о торговле и навигации, США, считал Болен, могли бы воспротивиться советскому запросу на сей счет. Но так как Рузвельт и его советники не были знакомы с предысторией вопроса, эта возможность была упущена. «Если бы президент выполнил свое домашнее задание до конца, а кое-кто из нас был лучше знаком с историей Дальнего Востока, Соединенные Штаты не отдали бы Курилы Сталину с такой легкостью», — писал Болен в своих мемуарах [Bohlen, p. 196–197]. Это были запоздалые сожаления, но и до Ялты эксперты Госдепартамента и влиятельного нью-йоркского Совета по внешним сношениям рекомендовали не передавать Советскому Союзу хотя бы трех самых южных островов Курильской гряды, оставив их Японии [Pratt, p. 28–29]. Однако верх взяли уже отмеченные соображения американского военного командования, поддержанные Рузвельтом. Сохранение отношений с ключевым союзником, необходимым для разгрома Японии, было гораздо важнее проблематичного приобретения второстепенного по своему значению

объекта. «Мы только что спасли два миллиона американских жизней», — сказал адмирал Эрнест Кинг дочери А. Гарримана в Ялте после подписания протокола по Дальнему Востоку [Plokhy, p. 288].

Таким образом, Рузвельт, по словам тогдашнего госсекретаря Э. Стеттиниуса, в Ялте «не «сдал» ничего существенного из того, что был в силах удержать» [Stettinius, p. 295]. Сталин, со своей стороны, умело сочетал отстаивание советских интересов с уступками союзникам для сохранения союзного взаимодействия, хотя, казалось бы, мог позволить себе и более жесткий тон. На подходе к Ялте союзники опасались, что великие советские победы и положение хозяина конференции настроят его на бескомпромиссный лад. Но, как отмечал придирчивый заместитель Идена Александр Кадоган, «...в нем не было никакого хвастовства, успехи не ударили ему в голову, а придали дополнительной уверенности, позволявшей шире смотреть на вещи и не бояться идти на уступки» [The Diaries of Sir Alexander Cadogan... p. 7].

Конечно, не все проблемы в Ялте были решены, а под достигнутыми компромиссами и видимостью союзного единства скрывались серьезные разногласия и взаимные подозрения, которые скоро выйдут на поверхность. Предвестниками этих разногласий были и умолчания западных союзников в Ялте.

Первое из них относилось к «Манхэттенскому проекту», который вступил тогда в финальную стадию. Насколько известно, Рузвельт в Ялте заговаривал с Черчиллем о возможности сообщить Сталину о его скором завершении. Это, в частности, подтверждается черновиком указания Черчилля Идену от 25 марта 1945 г. «В Ялте я был шокирован, когда президент в своей непринужденной манере заговорил о раскрытии этого секрета Сталину на том основании, что если тот о нем уже слышал, то ответит нам своим обманом...» [Foreign Secretary, 25.03.1945]. Черчилль ответил резким отказом, ссылаясь на англо-американское обязательство не разглашать этот секрет третьей стороне, закрепленное в меморандуме в Гайд-парке от 18 сентября 1944 г. [Мальков, с. 47–48] Сталин, конечно, был хорошо информирован о «Манхэттенском проекте» а, возможно, — и об этом кулуарном разговоре своих партнеров в Ялте. Говорил же он чуть позднее послу Громыко, что Рузвельт в Ялте «мог бы просто мне сказать, что ядерное оружие проходит стадию изготовления. Мы же союзники» [Громыко, с. 277]. Не случаен известный тост Сталина на заключительном ужине в Ливадийском дворце, зафиксированный британским переводчиком: «Союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно, и опытные дипломаты могут спросить: почему не обмануть союзника? Но я как наивный человек думаю, что все же лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз потому и крепок, что мы не обманываем друг друга, а может быть — потому, что нам нелегко обмануть друг друга?» [Churchill Second World War] Может быть, тем самым Сталин намекал своим союзникам, что обмануть его все равно не удастся? В любом случае, сохранение атомного секрета в тайне, о которой Сталин хорошо знал, не укрепляло его доверия к союзникам.

Другим обойденным вопросом был шестимиллиардный кредит на послевоенное восстановление, запрошенный у американской стороны в начале января 1945 г. В Москве

тщательно готовили этот запрос и придавали ему большое значение для разрушенного войной хозяйства страны. Посол Гарриман, который хорошо сознавал значение этого займа для СССР и ратовал за его предоставление еще в 1944 г., советовал Рузвельту поднять этот вопрос в Ялте. Его поддерживал и министр финансов Генри Моргентау, вручивший президенту 10 января проект льготного (2,25 % годовых) кредита СССР общим объемом в 10 млрд долл., рассчитанного на 35 лет. Моргентау доказывал, что Советский Союз вполне справится с погашением этого кредита (в том числе — за счет поставок необходимых для США редкоземельных металлов) и выступал против его политического использования [H. Morgenthau to Admiral W. Leahy...]. В Москве, вероятно, знали о проекте Моргентау (хотя бы через его заместителя Гарри Уайта, имевшего свой выход на советское посольство) и рассчитывали на положительное решение вопроса. Посол Андрей Громыко накануне Ялты в докладе Молотову также предполагал, что Рузвельт поднимет этот вопрос на конференции [Громыко — Вышинскому...]. Госдепартамент со своей стороны не спешил с рассмотрением советской заявки, рассчитывая приберечь этот кредит на будущее в качестве инструмента давления на СССР. «В тактическом плане, — говорилось в заключении ведомства, — было бы вредно давать такой большой кредит в настоящее время и тем самым утратить наш единственный конкретный рычаг в урегулировании многих политических и экономических проблем, которые возникнут между нашими странами» [FRUS 1945. Vol. 5. Washington, 1967. P. 966]. Заместитель Гарримана по посольству в Москве Дж. Кеннан добавлял к этому еще одно возражение: «Намерения Советского правительства еще недостаточно определились на деле, и мы не можем быть уверены в том, что, способствуя военной индустриализации Советского Союза в послевоенный период, мы не будем снова, как в случае с Германией и Японией, создавать военную мощь, которая однажды может быть обращена против нас» [Kennan for the Ambassador...].

В итоге Рузвельт решил повременить, заявив министру финансов в ответ на его предложение: «Очень важно выждать и не давать им финансовых обещаний, пока мы не получим того, что хотим» [From Morgenthau Diaries... p. 305]. В итоге президент даже не упомянул об этой идее в Ялте, а Сталин, в свою очередь, также не поднимал этого вопроса, чтобы не выступать в роли просителя. Правда, Молотов на заседании экспертов 5 февраля попробовал это сделать, но вопрос повис в воздухе. Впоследствии Вашингтон будет еще долго тянуть с «тщательным рассмотрением» этого запроса, а потом обставит предоставление кредита неприемлемыми для Москвы политическими требованиями. Между тем, предоставление столь весомой и долгосрочной помощи в послевоенном восстановлении могло бы повысить заинтересованность Кремля в сохранении партнерских отношений с США¹.

И последнее, 6 февраля на заседании американского Комитета начальников штабов в Ялте было решено сделать Сталину достойный подарок. В телеграмме на имя главнокомандующего ВВС генерала Генри Арнольда говорилось: «Считаем, что было бы очень своевременно преподнести Сталину на конференции от Вашего имени самолет С-54

1 Важное значение отказа в этом кредите для обострения советско-американских отношений признают и американские историки [см.: Patterson].

(лучший транспортный самолет, на котором летал и Рузвельт — В.П.), оборудованный на том же или еще более элегантно уровне, что и аналогичный самолет, подаренный Черчиллю». Отличавшийся скарденностью в отношении поставок Советскому Союзу Арнольд, тем не менее, взял под козырек:

«Сообщите Сталину, что С-54 выделен для его личного пользования и может быть доставлен в Москву примерно через три недели», — ответил он 7 февраля. Главком даже предложил запросить Сталина о его особых пожеланиях относительно внутренней отделки салона самолета. Но на следующий день он неожиданно получил новое указание: «Комитет начальников штабов на заседании 8 февраля принял решение не дарить Сталину С-54 в исполнении люкс» [From Argonaut to War Department...]. Мотивы этого пересмотра, который вряд ли состоялся без ведома Рузвельта, в военных архивах США не просматриваются. Не знают об этом факте и ведущие военные историки США У. Кимбэлл и М. Столер, с которыми автор данной статьи консультировался по этому вопросу. Возможно, за этим решением не стояло никакой политики, а может быть, дар, в конце концов, был сочтен не «очень своевременным». При этом Рузвельт на обратном пути из Ялты посетил саудовского и египетского монархов и сделал им не менее щедрые подарки, в том числе — тот же С-54 с экипажем в придачу.

Сталин, как известно, очень не любил летать, и американский самолет для личного пользования был ему не нужен. Но сам факт подобной скупости в отношении главного союзника (о котором он мог узнать благодаря системе прослушивания) вряд ли прошел мимо его подозрительного внимания. Таким образом, ретроспективные уверения Болена о «чистой совести» делегации США в Ялте, которая якобы сделала все возможное для сохранения отношений с СССР, похожи скорее на самовнушение, чем на констатацию факта.

Подведем итоги. Решения Ялтинской конференции по Восточной Европе и Дальнему Востоку определялись реальным соотношением сил и военной ситуацией, сложившейся к началу 1945 г. Каждая из союзных стран преследовала собственные интересы, но они смогли достичь взаимоприемлемого баланса этих интересов во имя окончательной победы над общим врагом. Иными словами, в Ялте не было проигравших, и это во многом объяснялось умелым поведением советской делегации.

«Русские показали, что они могут поступать разумно и проникательно, — говорил об этом советник президента США Франклина Рузвельта Гарри Гопкинс, — и ни у президента, ни у кого-то из нас не оставалось никакого сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и работать мирно так долго, как это только можно себе представить» [Шервуд, с. 589]. Британский Кабинет полностью одобрил работу своей делегации на конференции и послал поздравительную телеграмму Черчиллю и Идену [W.M. (45) 18th Conclusions...]. Ялтинская конференция стала последним взлетом сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции, а отнюдь не прологом к холодной войне, как утверждают сейчас многие на Западе.

Литература

- Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 017. Оп. 3. П. 2. Д. 1. Л. 55.
Громыко — Вышинскому, 26 января 1945 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп.7а. П. 59. Д. 38. Л. 44.
- Громыко А.А. Памятное. Книга первая. Издание второе, дополненное. М. 1990.
- Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». М. 1996.
- Печатнов В. Большая стратегия СССР после войны глазами британской разведки // Россия XXI. 2010. № 5.
- Печатнов В. Как Трумэн у Сталина Курилы просил // Россия XXI. 2012. № 4.
- Печатнов В., Магадеев И. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Т.1–2. М. 2015. Т.2.
- Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3.
- Чуев Ф. Молотов — полудержавный властелин. М. 1999.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т.1–2. М. 1958. Т. 2.
- Background on Yalta // National Archives. Record Group 59. Records of Charles E. Bohlen. General Correspondence. 1944–52. Box 8.
- Bohlen Ch.* Witness to History: 1929–1969. N.Y. 1973. P. 196–197.
- Ch. Bohlen to A. Harriman, February 15, 1950 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59. Records of Ch. Bohlen. General Correspondence. 1944–1942. Box. 2.
- Ch. Bohlen to Commander W. Kelly, Navy Department, May 11, 1949 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59. Records of Ch. Bohlen. General Correspondence. 1944–1952. Box 6.
- Ch. Bohlen to G. Kennan, January 30, 1945 // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. General Correspondence. Cont. 31.
- Ch. Bohlen to Th. Dillon, EE, August 28, 1951 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59, Records of Ch. Bohlen, General Correspondence, Box 5.
- Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol.1–3. Ed. by W Kimball. Princeton. 1984. Vol. 3.
- Churchill W.* Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. Boston. 1953.
- Congressional Record. Vol. 97. Wash. 1951. P.A5410–5416.
- Foreign Relations of the United States 1945. Vol. 5. Washington. 1967.
- Foreign Relations of the United States. Conferences at Malta and Yalta. Wash. 1955.
- Foreign Secretary, 25.03.1945 // The National Archives (Kew, Richmond). Prime Minister's Office Records 3/139/6.
- From Argonaut to War Department, 6 February, 1945; To Argonaut from Arnold, 7 February, 1945; From Argonaut to War Department, 8 February, 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 165 OPD Exec. 5. Items 18, 19.
- From Morgenthau Diaries: Years of War, 1941–1945 / Ed. by J. Blum Boston. 1967. Vol. 3.
- G. Kennan to Ch. Bohlen, January 26, 1945 // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. General Correspondence. Cont. 31.
- G. Kennan to Ch. Bohlen, January 26, 1945 // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. General Correspondence. Cont. 31.
- H. Morgenthau to Admiral W. Leahy, January 10, 1945 // FDRL, Morgenthau Diaries.
- Invasion of the European Continent from Bases in Mediterranean, 1943–1944. Report by Joint Staff

- Planners, May 8, 1943 // FDRL, President's Secretary File, General Strategy.
- Kennan for the Ambassador, December 3, 1944 // Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers. Chronological File. Cont. 175.
- Leahy W.* I Was There. N.Y. 1950.
- Leffler M. Adherence to Agreements: Yalta and the Experiences of the Early Cold War // International Security. Summer, 1986.
- Memorandum for Admiral King and General Marshall, August 11, 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 218. Records of W. Leahy. Box 9.
- Memorandum for the President, 23 January 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 218. Records of W. Leahy. Box 20.
- Memorandum for the Secretary of State, September 29, 1944 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59. Records of H. Notter. 1939–1945.
- Morrison S. Victory in the Pacific, 1945. Boston. 1961.
- Notes on chapter XII // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. Writings. Cont.11.
- Notes on chapter XII // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. Writings. Cont.11.
- P. Freeman, Jr. to General Marshall and General Hull, 13 February, 1945 (Summary of an Hour and a Half Conversation with General MacArthur). // National Archives (College Park, Md). Record Group 165 OPD. Exec.2. Item 11.
- Patterson T.* Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore. 1973.
- Plokhy S.* Yalta. The Price of Peace. N.Y. 2010.
- Pratt W.* The Future of the Kurile Islands // American Interests in the War and the Peace. Problems of the Peace Settlement with Japan. Council on Foreign Relations. July 1944.
- Prime Minister to A. Clark-Kerr, 28.02.45 // Chartwell Papers. Churchill Archives Centre. Cambridge University. CHAR 20/223.
- Reynolds D.* FDR's Foreign Policy and the Construction of American History, 1945–1955. // Woolner D., Kimball W., Reynolds D., eds. FDR's World. War, Peace and Legacies. N.Y. 2008.
- Secretary of War to the Acting Secretary of State, May 21, 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 165. ABC. Russia (22 Aug 43). Sec. 3.
- Stettinius E.* Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. N.Y. 1970.
- Stimson H.* On Active Service in Peace and War. N.Y. 1948.
- The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946 / Ed. by T. Campbell, E. Stettinius. N.Y. 1975.
- The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. London. 1971.
- W.M. (45) 18th Conclusions, Min.3 Confidential Annex, 12th February, 1945 // The National Archives. Prime Minister's Office Records 3/51/10.
- War Diaries, 1939–1945. Field Marshal Lord Alanbrooke / Ed. by A. Danchev and D. Todman. London. 2001.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-84-100

УДК 327; 94

СЕРГЕЙ ЮРЧЕНКО

Советская делегация на Ялтинской конференции 1945 г.: слагаемые успеха

Аннотация. В статье анализируются внешние и внутренние предпосылки успешной работы советской делегации на Ялтинской конференции 1945 г. Определяющее значение имело соотношение сил на фронтах, и прежде всего успехи советских войск, которые значительно укрепили позиции СССР внутри антигитлеровской коалиции. Большую роль, в условиях централизации принятия военно-политических решений, сыграли факторы личного взаимопонимания и взаимодействия между И. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, чьи подходы строились на прочном фундаменте геополитики. Успех советской делегации во многом зависел от интенсивной информационно-аналитической подготовки к конференции, призванной заложить основы послевоенного мира. Сказались и другие факторы, в частности, сильные стороны Сталина как переговорщика, а также ряд инфраструктурных преимуществ и возможностей, которыми при проведении переговоров всегда обладает принимающая сторона и которые были эффективно использованы в ходе Крымской конференции.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, Крымская конференция, советская делегация, переговоры, «большая тройка», И. Сталин, У. Черчилль, Ф. Рузвельт.

Деятельность советской делегации на Ялтинской конференции 1945 г. завершилась несомненным успехом. Иосиф Сталин «остался доволен» ее результатами [Жуков, с. 591] и дал указание наркому внутренних дел Лаврентию Берии щедро наградить тех, кто осуществлял подготовку встречи в верхах: к орденам и медалям были представлены 1021 человек, в том числе 10 — к ордену Кутузова 1 степени, 15 — к ордену Кутузова 2 степени [ГАРФ. Ф. р-9401 сч. Оп. 2. Д. 93. Л. 136]. Такими орденами награждали за хорошо разработанный и проведенный план операции — фронтовой, армейской или отдельного соединения, в результате чего противнику было нанесено тяжелое поражение, а советские войска сохраняли боеспособность. Вячеслав Молотов подчеркивал: «А то, что мы сделали в результате этой войны, я считаю, сделали прекрасно, укрепили Советское государство. Это была моя главная задача. Моя задача как министра иностранных дел была в том, чтобы нас не надули. По этой части мы постарались и добились, по-моему, неплохих результатов» [Чувев Молотов... с. 102]. Тогда посол СССР в США, а в последующем многолетний министр иностранных дел Советского Союза Андрей Громыко считал, что «Ялта стала кульминационным пунктом сотрудничества трех

Сведения об авторе: ЮРЧЕНКО Сергей Васильевич — профессор, проректор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского по международной деятельности и информационной политике, доктор политических наук.

ведущих держав антигитлеровской коалиции», что «в период встречи в Ялте “большой тройки” уже никто в мире... не мог недооценивать... огромного морально-политического авторитета Советского государства, равно как и его экономического потенциала и несокрушимой мощи самой передовой и опытной в мире Советской Армии», и что «Ялтинские соглашения — будь то документы, касающиеся обращения с Германией после ее капитуляции, или соглашение об условиях вступления СССР в войну против Японии, Декларация об освобожденной Европе или соглашение о Польше, решение по вопросу создания Организации Объединенных Наций — все они отразили коренное изменение соотношения сил в международных отношениях, стали синонимом реализма в политике» [Ялтинская конференция 1945... с. 3]. Такой подход определял оценки ялтинской встречи руководителей трех держав в советской историографии.

И в современных российских исследованиях отмечается, что «в историю нашей страны Крымская конференция... вошла с большим плюсом. Это была высшая точка сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции, СССР и западного мира. Кроме того, Москва получила многое из того, на что рассчитывала для закрепления своей военной победы средствами дипломатии... Истина такова, что решения Ялтинской конференции были продиктованы военными возможностями стран-победительниц и их интересами... Никто не получил всего, что хотел. А чтобы добиться желаемого, всем пришлось пойти на компромиссы и уступки» [Никонов, с. 185]. В контексте значения Ялтинской встречи «большой тройки» как конференции победы в войне и устройства послевоенной системы международных отношений, просуществовавшей почти полвека, в которой СССР выступал одним из двух центров мировой мощи, возникают резонные вопросы о слагаемых успеха работы советской делегации. Разумеется, в исследованиях по теории международных переговоров присутствует, так сказать, идеальная модель достижения успеха, но особый интерес вызывает практическая реализация ее элементов в событиях такого масштаба, как Ялтинская конференция 1945 г. Поэтому представляется значимым рассмотреть внешние и внутренние факторы работы советской делегации — факторы, учет которых обеспечил успех в прошлом и мог бы сыграть свою роль в будущем.

Во время войны результат любых переговоров в определяющей степени зависит от соотношения сил сторон, в ней участвующих. В условиях осени-зимы 1944–1945 гг. это соотношение олицетворялось военными успехами держав антигитлеровской коалиции, в первую очередь — СССР. Еще в ходе летне-осенней кампании 1944 г. Красная армия осуществила стратегическое наступление на фронте протяженностью до 4,5 тыс. км и на глубину 600–1100 км. Завершилось освобождение от врага оккупированной территории СССР, кроме Курляндии, и началось освобождение стран Восточной Европы. За семь месяцев только немецкие войска потеряли более 1,6 млн человек, из которых в плену оказалось свыше 680 тысяч. Численность войск противника на советско-германском фронте значительно уменьшилась в результате выхода из войны армий Финляндии и Румынии, насчитывавших до 630 тысяч человек [Фесенко, с. 91]. Эти успехи советских войск значительно укрепили позиции Советского Союза внутри антигитлеровской коалиции, создавая основу для выгодного послевоенного урегулирования.

Советское командование готовило операцию по завершению освобождения Польши силами пяти фронтов на обширном пространстве от Балтийского моря до Карпат в рамках взаимосвязанных операций — Восточно-Прусской и Висло-Одерской, в результате проведения которых войска должны были разгромить противника в Восточной Пруссии и Польше и открыть путь на Берлин [Вторая мировая война 1939–1945 гг.... с. 675]. В политическом плане в результате успешного проведения этого наступления обеспечивались бы контроль над решением «польского вопроса» и выгодные позиции для дальнейшего продвижения вглубь Германии. «После Сталинградской битвы, — подчеркивал Генри Киссинджер, — Сталин не сомневался уже, что, когда окончится война, Советский Союз будет обладать подавляющим большинством спорных территорий. Все менее и менее полагаясь на переговоры, Сталин передоверил формирование облика послевоенного мира авангардам собственных армий...» [Киссинджер, с. 358].

Удар немцев по войскам западных союзников в Арденнах в декабре 1944 г., с одной стороны, создавал дополнительные возможности для советских войск — начало наступления во время ожесточенных боев на Западе значительно ограничивало свободу маневра резервами и ресурсами для германского командования, а с другой — давал возможность, осуществляя задуманное наступление, оказать содействие войскам союзников и, в преддверии встречи «большой тройки» в Крыму, укрепить свои морально-политические позиции в качестве надежного союзника, тем более что Черчилль просил об этом Сталина.

Поэтому наступление, планировавшееся на 20 января, началось на восемь дней раньше. 12 января нанесли удар войска 1-го Украинского фронта маршала Ивана Конева, а 14 января перешел в наступление 1-й Белорусский фронт маршала Георгия Жукова, в составе которого действовала 1-я армия Войска Польского. Всего в составе двух фронтов насчитывалось около 2,2 млн человек, 33,5 тыс. орудий и минометов, свыше 7 тыс. танков и САУ, 5 тыс. самолетов — это была самая крупная стратегическая группировка советских войск, когда-либо создававшаяся для проведения одной стратегической операции [Россия и СССР в войнах XX века... с. 337].

На участках прорыва огонь вели по 250–300 орудий на 1 км фронта. Ширина фронта боевых действий составляла 500 км с последующим расширением до 1000 км, глубина продвижения советских войск — 500 км, среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений — 20–22 км, танковых и механизированных — 30–35 км, доходя в отдельные дни, соответственно, до 40 и 70 км в сутки. Это были самые высокие темпы наступления советских и союзных войск за всю Великую Отечественную войну и Вторую мировую войну [Успех и испытания...]. Прорыву войск маршалов И. Конева и Г. Жукова способствовало одновременно проходившее наступление 2-го и 3-го Белорусских фронтов на северо-западе Польши и в Восточной Пруссии и 4-го Украинского фронта — в южных районах Польши.

В ходе наступления немецкие войска были отброшены далеко на запад, основные силы двух немецких групп армий были разгромлены, а группировка войск в Восточной Пруссии блокирована. Советские части освободили Польшу, значительную часть Чехо-

словакии, заняли большую часть Восточной Пруссии, вели бои за Будапешт. В начале февраля боевые действия шли уже в Восточной Померании и Бранденбурге. Советские войска почти в 200-километровой полосе вышли на р. Одер и, сходу захватив плацдармы на его левом берегу в районе Кюстрина, оказались в 60 километрах от Берлина. В линию обороны вермахта был вбит огромный клин, и немецкому командованию, чтобы закрыть брешь, пришлось перебросить значительные силы с Запада на Восток. Наступление вермахта на Западном фронте было остановлено.

В ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции потери советских войск составили свыше 193 тыс. человек, из них более 43 тыс. — безвозвратные потери; более 1,2 тыс. танков и САУ; более 370 орудий и минометов; около 350 боевых самолетов [Россия и СССР в войнах XX века... с. 337]. «Эти события в Европе укрепляли позиции СССР на Крымской конференции, но далеко не гарантировали принятие только таких решений, на которые рассчитывало советское руководство» [Ржешевский, с. 491]. «Сталин не раз говорил, — вспоминал В. Молотов, — что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед. Русские воюют замечательно, но не умеют заключать мир, их обходят, не добавляют» [Чуев Молотов... с. 102]. Чтобы эта историческая ошибка не повторилась вновь, советский лидер тщательно готовил предстоявшую конференцию в Ялте, переплавляя военные победы Красной армии в политико-дипломатический успех в переговорах с партнерами-соперниками, войска которых, перегруппировывая силы после наступления немцев в Арденнах, находились в 500 км западнее Берлина и только 27 января достигли границы Германии, планируя начать первое наступление 8 февраля, второе — несколькими днями позднее и большое наступление — в марте [Погью, с. 431]. Поэтому, справедливо отметит один из биографов американского генерала Дж. Маршалла, в первый день работы Ялтинской конференции, сравнивая доклады военных, «впервые западные союзники осознали те громадные силы, которыми командовал Сталин» [Rayne, p. 234]. В такой ситуации — глубокого продвижения советской мощи в Европу — руководители трех держав антигитлеровской коалиции обсуждали возможность проведения конференции в Крыму.

К ялтинской встрече готовились люди, соизмеримые по масштабу понимания проблем, — и это следующий фактор, обусловивший достигнутые компромиссы. Эту соразмерность, говоря о Рузвельте и Черчилле, прекрасно выразил сотрудник и биограф американского президента Р. Шервуд, так характеризуя лидеров войны: «Это были [люди]..., занимавшиеся одним и тем же делом — военно-политическим руководством в масштабах всего мира. Людей этой профессии очень мало, и те немногие, кто овладевает ею, редко имеют возможность встречаться с собратьями по профессии, чтобы сравнивать свои впечатления и говорить на профессиональные темы. Они оценивали друг друга наметанным глазом профессионалов, испытывая известное восхищение друг перед другом, проникаясь сочувственным пониманием специальных проблем, стоявших перед каждым из них, что недоступно для профессионалов меньшего масштаба» [Шервуд, с. 574]. В их число, несомненно, входил и Сталин.

Более того, эти люди принадлежали к одному поколению: Черчиллю был 71 год, Сталину — 66 лет, Рузвельту — 63. Это были люди, пережившие — в разных условиях

и в разном качестве, но при активном участии в политическом процессе — великие события первой половины XX в., включая мировые войны. А «эпохальные события прокладывают границы между поколениями. Общий жизненный опыт предопределяет общие чувства и взгляды» [Шлезингер-мл., с. 50]. «Различные индивидуумы по-разному реагируют на одни и те же внешние воздействия. Однако совместно воспринимаемые внешние воздействия дают каждому поколению если не единообразную идеологию, то по меньшей мере осознание своей особой, обособленной от других общности. Представители одного поколения, по выражению Карла Мангейма, занимают “общее место в историческом измерении социального процесса”» [Там же, с. 51].

На конференции эта общность видения важнейших мировых проблем руководителями СССР, США и Великобритании проявилась во время обсуждения 6 февраля вопроса о международной организации безопасности, когда Сталин, говоря об императиве единства действий трех держав, сказал: «Да, конечно, пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» [Советский Союз на международных... с. 87].

При всем различии социального происхождения, личностных качеств, политических пристрастий и методов работы, Сталин, Рузвельт и Черчилль, как писал ирландский историк профессор Джеффри Робертс, были объединены «важной общей чертой: они имели огромный политический опыт и придавали большое значение личным отношениям» [Робертс]. Более того, «все они верили в роль великого человека в истории и считали себя вестниками судьбы, призванными предохранить свои страны от катастрофы... Они были готовы разделить друг с другом всеобщее внимание в истории. Такая снисходительность была необходима для гармоничных отношений, которые развивались между ними в дальнейшем в ходе войны» [Там же]. В этой связи, вероятно, справедливо замечание Дж. Робертса: в основе антигитлеровской коалиции «лежало взаимодействие глав трех государств: без личного союза Черчилля, Рузвельта и Сталина — “большой тройки”, как их называли во время войны, — Великий Альянс был бы мертворожденным или рухнул под давлением противоречий и вызовов. Именно “большая тройка” обеспечила выживание англо-американо-советской коалиции в первые, трудные годы войны, приведшей к концепции Великого Альянса мирного времени, призванного обеспечить мир и безопасность для всех государств» [Там же].

Условия тяжелейшей войны диктовали каждому из членов «большой тройки» еще одну важную общую характеристику: централизацию принятия военно-политических решений, что обеспечивало должную координацию и эффективность действий. Характеризуя дипломатию того периода, В. Молотов подчеркивал: «Я думаю, нас надуть было довольно трудно, потому что все было в кулаке сжато у Сталина, у меня, — иначе мы не могли в тот период... Эта дипломатия в наших условиях была необходимой, и она дала положительные результаты» [Чуев Сто сорок... с. 98, 99].

Рузвельт, величие которого заключалось «в смелости и прозорливости во время великих кризисов, с которыми сталкивалась Америка» [Ширер, с. 423], говоря словами британского автора И. Берлина, «обладал силой характера, энергией и ловкостью диктаторов, а был на нашей стороне» [Berlin, p. 26].

Что касается Черчилля, то его энергия и, порой, вулканическая активность в сочетании с правами, которыми он пользовался как премьер-министр и министр обороны, привели к концентрации в его руках огромной, по существу неограниченной власти. «Многие английские историки отмечают, что в силу сложившейся обстановки Черчилль “превратился в диктатора”, — писал В.Г. Трухановский. — Свой метод руководства государственными делами он как-то сформулировал в следующей фразе: “Все, чего я хотел, так это согласия с моими желаниями после разумного обсуждения». Под «разумным обсуждением» ... Черчилль подразумевал такое обсуждение, которое заканчивалось одобрением его взглядов и предложений» [Трухановский].

И все три лидера при известной приверженности различным идеологиям, расхождениях в интерпретации международных отношений по линии «универсализм vs сферы влияния», методологически формировали свои военно-политические подходы на прочном фундаменте геополитики: определении границ и контроля над пространством. Этот подход проявился еще в Тегеране при обсуждении вопроса о создании всемирной организации безопасности. Тогда предложение Рузвельта заинтересовало Сталина лишь в одном отношении. «Для того чтобы предотвратить агрессию, — отметил он, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии» [Советский Союз на международных... с. 105]. Рузвельт согласился «на сто процентов», а Сталин отметил: «В таком случае все обеспечено» [Там же].

Еще более рельефно этот подход проявился во время встречи Вячеслава Молотова, Антони Идена и Гарри Гопкинса 30 ноября 1943 г., когда советник американского президента отметил, что отдельные районы на Тихом океане могли бы контролироваться не войсками Объединенных Наций, а американскими войсками; и что он «хотел бы, чтобы три наши державы получили укрепленные пункты, которые ими бы контролировались, и чтобы их воздушные силы заняли стратегические базы, необходимые для поддержания мира» [Там же, с. 130]. Эти мысли вызвали безусловное одобрение В. Молотова, который отметил спустя десятилетия: «Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существуют разделения: это ваша сфера влияния, а это наша» [Чуев Сто сорок... с. 23]. Так что линия, направленная на определение пределов геополитического влияния, пусть и сопрягаемая с планами создания универсальной организации по поддержанию мира, проявилась уже тогда, когда обозначились два центра, формирующие эти сферы, — в 1943 г.

Необходимость определения пределов геополитического влияния держав, побеждавших в мировой войне, обусловила и значение фактора времени в созыве второй конференции «большой тройки». В ходе зимне-весенней кампании 1944 г. были осуществлены стратегические операции Красной армии, в ходе которых были разгромлены основные силы групп немецких армий, полностью снята блокада Ленинграда, освобождены Правобережная Украина, Одесса и Крым. Советские войска вышли на подступы к границам Польши, Чехословакии, вступили на территорию Румынии: были созданы условия для дальнейшего продвижения в страны Восточной Европы и на Балканы. Происходившие изменения побуждали западных союзников проявлять инициативу в созыве новой трехсторонней конференции.

Предложение о встрече Рузвельта со Сталиным возникло еще в мае 1944 г., когда посол США в СССР Аверелл Гарриман был на консультациях у президента, который поручил ему организовать встречу со Сталиным. Вернувшись в Москву в июне, А. Гарриман сообщил Сталину о предложении президента. 16 июля уже Черчилль писал Рузвельту: «Когда и где мы встретимся? То, что мы должны встретиться, не подлежит сомнению. Было бы лучше, чтобы прибыл и д. Д. («дядя Джо» — так называли в переписке между собой Сталина лидеры западных держав. — С. Ю.)... Правительство Его Величества хотело бы предложить «Эврику II» («Эврика» — кодовое наименование встречи «большой тройки» в Тегеране. — С. Ю.) на последнюю декаду августа... Но мы непременно должны встретиться вдвоем, а если возможно, то и втроем» [Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... с.623]. Президент взял в свои руки инициативу в обсуждении этого вопроса, и 19 июля Сталин получил от него послание с предложением о тройственной встрече. 20 июля Черчилль в послании Сталину предложил встретиться «до наступления зимы» [Переписка Председателя Совета Министров СССР... т. 1, с. 280]. 24 июля он даже попытался «надавить» на Сталина по поводу предложения о встрече в Инвергордоне: «...Я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана... Тем временем я веду подготовку для Президента и для самого себя, поскольку он уже сообщил мне о своем намерении приехать» [Там же, т. 2, с. 283].

Успешное продвижение советских войск вглубь Европы больше всего беспокоило англо-американских союзников, особенно Черчилля. «Продвижение советских армий в Центральную и Восточную Европу летом 1944 г., — писал он, — создало настоятельную необходимость прийти к политическому соглашению с русскими относительно этих районов. Казалось, что вырисовывались контуры послевоенной Европы... Мы стремились достигнуть уравновешенного результата в югославских делах путем прямых переговоров с Тито. Но пока еще не удалось добиться от Москвы какого-либо прогресса в решении вопросов, связанных с Польшей, Венгрией, Румынией и Болгарией» [Черчилль, с.372]. И Черчилль, «глядя на Европейский континент, одним глазом следил за отступающими немцами, другим — за наступающими русскими» [Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... с. 576]. Он отмечал в послании Рузвельту еще 23 июня 1944 г.: «По существу, я не могу припомнить такой момент, когда лежащее на мне бремя войны было бы более тяжелым или когда бы я чувствовал себя столь неподготовленным к ее все более усложняющимся проблемам» [Там же, с. 610]. Ситуация еще более усугуби-

лась в связи с начавшимся 1 августа восстанием в Варшаве и различным отношением к нему западных союзников и Сталина, для которого проблема Польши означала проблему послевоенной безопасности, что и проявилось в дискуссиях на Ялтинской конференции, на которой польскому вопросу было уделено максимальное количество времени.

Сталин ехать на встречу с лидерами союзных государств не собирался. За словами в ответных посланиях о «желательности» такой встречи и «невозможности» покинуть страну в связи с боями по «столь широкому фронту» [Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами... т. 1, с. 285, т.2, с. 158] скрывались глубокие размышления о том, как скоро и с какими военно-политическими итогами будет завершена война. Их конфигурация зависела от результатов Белорусской, Яско-Кишиневской, Львовско-Сандомирской и других стратегических наступательных операций, которые осуществлялись или планировались советским командованием. Будучи убежденным, что встречи в верхах лишь фиксируют сложившееся соотношение сил, но не изменяют его, Сталин выжидал итогов летне-осенней кампании 1944 г., которые, в случае успеха, усилили бы его переговорные позиции с западными союзниками. Проницательный советник президента США Г. Гопкинс еще 26 июня отмечал в телеграмме Рузвельту: «Что касается дяди Джо, то он, очевидно, хочет отложить свою предстоящую встречу с вами до тех пор, пока Германия не потерпит крах» [Шервуд, с. 511].

Рузвельт и Черчилль были вынуждены встретиться вдвоем в сентябре 1944 г. в Квебеке, где проявилась «общая уверенность, что капитуляция Германии — дело ближайших недель или даже дней», и стало ясно, что «союзники были хорошо подготовлены к затяжной войне на истребление в Европе, но были очень плохо подготовлены к последствиям неожиданной тотальной победы» [Там же, с. 520]. А это возвращало лидеров западных союзников к проблеме трехстороннего совещания со Сталиным, войска которого продолжали наступать. И «вопрос о контроле над Юго-Восточной Европой приобрел особую актуальность, и Черчилль был, естественно, так обеспокоен этим, что считал необходимым созыв нового совещания “большой тройки” без всяких отлагательств. Рузвельт, конечно, не мог предпринять длительную поездку в разгар политической кампании, но Черчилль занял неуязвимую позицию, утверждая, что продвигающиеся русские армии не станут ждать, пока будут получены результаты голосования из Мичигана, Южной Дакоты и Орегона» [Там же, с. 540].

Далее последовал октябрьский визит Черчилля в Москву, где он попытался решить напрямую со Сталиным вопрос будущего Восточной Европы, что вылилось в известное «процентное соглашение». Тем временем Г. Гопкинс встретился с советским послом А. Громыко и сообщил ему о желании созвать конференцию. При этом советник президента спросил: «Найдется ли в Крыму подходящее место для конференции?» «Вероятно, найдется», — был дан ответ без комментариев. Комментарии последовали из Москвы. 19 октября Сталин писал Рузвельту: «Посол Громыко информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море и встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого

намерения. Из беседы с Премьер-Министром я убедился, что он также разделяет эту мысль. Таким образом, в конце ноября могла бы состояться встреча нас троих, чтобы рассмотреть накопившиеся за время после Тегерана вопросы» [Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами... т. 2, с. 173]. Откладывая решение о сроках проведения конференции, Сталин задействовал фактор времени в свою пользу.

Далее продолжились жесткие «переговоры о переговорах» в эпистолярном жанре. Западные союзники предлагали встретиться в Касабланке, Риме, Тегеране, Инвергордоне в Шотландии, Гааге, Афинах, на Кипре, Мальте, в Пирее, Салониках, Константинополе, Иерусалиме, Египте, на Ривьере, в Хайфе, Александрии, Таормине в Восточной Сицилии, почти любом пункте в районе Средиземного или Адриатического морей. Сталин стоял на своем: место встречи — один из советских портовых городов на побережье Черного моря [Там же, с. 178–179].

В послании 9 декабря 1944 г. Рузвельт писал Черчиллю, что если Сталин «будет настаивать на Черном море, я смогу поехать туда, даже несмотря на большие трудности из-за конгресса. Гарриман предложил Батум, город с превосходным климатом. Мы с Вами могли бы поехать туда с Мальты или Афин, отправив заранее один из моих транспортных флагманов, на котором можно было бы жить. Ялта также не повреждена, хотя там открытый рейд, и нам, вероятно, пришлось бы жить на берегу» [Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... с. 705]. Так Ялта впервые возникла в переписке в качестве возможного места встречи в верхах. Борьба в эпистолярном жанре по этому поводу завершилась. «В своих маневрах, — писал о действиях Сталина при выборе места проведения конференций союзников итальянский исследователь Дж. Боффа, — ему неизменно удавалось добиваться, чтобы трехсторонние встречи на высшем уровне происходили в тех местах, при тех обстоятельствах и в те моменты (когда военные успехи его армий были уже неоспоримы), которые не могли оставлять никаких сомнений насчет необходимости считаться с представляемой им державой как с равной» [Боффа, т. 2, с. 155].

Для Сталина было важно и то, чтобы западные союзники на примере Крыма, по территории которого война прокатилась дважды, узнали о масштабах разрушений и жертв Советского Союза. Это давало ему козырь в переговорах о репарациях и займе. Увиденное президентом США не замедлило сказаться, и уже во время первой встречи со Сталиным 4 февраля Рузвельт сразу заявил, что «теперь, когда он увидел в Крыму бессмысленные разрушения, произведенные немцами, он хотел бы уничтожить в два раза больше немцев, чем до сих пор» [Советский Союз на международных конференциях... т. 4, с. 45]. А по возвращении в Америку президент сказал в Конгрессе о пребывании в Крыму: «Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, но я видел Севастополь и Ялту! И знаю, что на Земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианское приличие» [Франклин Делано Рузвельт... с. 22].

Кроме стратегических соображений, обусловливавших стремление Сталина настаивать на проведении конференции на советской территории, существовали и более прозаические причины, определявшие позицию советского руководителя: перегрузки при

длительной поездке, предполагавшей полеты на самолетах; усиление угроз при выезде куда-либо в условиях войны, когда опасность исходила не только от возможных действий противника, но и от непредвиденных обстоятельств, связанных с работой техники, погодных условий, эпидемической обстановки; эффективность мер безопасности, которая напрямую зависела от места проведения встречи, и др.

Немаловажным было и то, что при проведении переговоров принимающая сторона всегда обладает рядом серьезных преимуществ, обусловленных налаженной инфраструктурой, когда сокращается время для получения информации и есть дополнительные ресурсы для ее реализации, когда существуют дополнительные возможности влияния на порядок проведения переговоров и позиции партнеров. Ведь «конференция с точки зрения профессиональной представляла собой донельзя сжатый во времени отрезок сложнейшей многосторонней дипломатии; на всех уровнях, в первую очередь на высшем, она отличалась обилием и масштабом проблем, различием подходов к решению многих из них. Все это требовало глубокого взвешенного и одновременно быстрого осмысления возникающих вопросов, выверенной и четкой реакции...» [Севастьянов, с. 33]. Наконец, Сталин, учитывая опыт встречи в Тегеране, рассчитывал и на использование радиотехнических средств в получении дополнительной информации о позициях англичан и американцев на переговорах. В этом отношении поговорка о том, что «дома и родные стены помогают», приобретала буквальный смысл.

Успех советской делегации на конференции во многом зависел от интенсивной информационно-аналитической работы при ее подготовке. Важно отметить, что интеллектуальные наработки по послевоенному миру начались в Советском Союзе еще в декабре 1941 г. и проявились в предложениях Сталина, сделанных британскому министру иностранных дел А. Идену в ходе его визита в Москву. А 28 января 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира», которую возглавил В. Молотов. В последующем для обсуждения особо важных вопросов создавались специальные комиссии. В соответствии с решением Политбюро от 4 сентября 1943 г. при Наркоминделе были образованы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, а также Комиссия по вопросам перемирия. Первую возглавил замнаркома иностранных дел Максим Литвинов, вторую — заместитель Председателя СНК СССР Климент Ворошилов. По решению Политбюро от 22 ноября 1943 г. при НКВД была создана Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, которую возглавил замнаркома иностранных дел Иван Майский. Среди этих трех комиссий главное место занимала Комиссия К. Ворошилова, наиболее важные проекты документов которой утверждались лично Сталиным. Их наработки стали одним из источников определения советской позиции на конференции.

Другим механизмом подготовки материалов к встрече «большой тройки» был Отдел международной информации ЦК ВКП(б). Его сотрудники, в частности, рассматривали возможности использования англо-американских противоречий по целому кругу проблем, таких как будущее британской империи; позиции обеих держав на европейском

континенте и в особенности курс в германском вопросе; сырье, главным образом нефть, и международные коммуникации; политика в бассейне Тихого океана и в Латинской Америке. Внешнеполитические эксперты ЦК партии подчеркивали, что между США и Англией не было достаточной согласованности по вопросам послевоенного устройства Европы и, в частности, Германии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 754. Л. 25.].

Огромную ценность на переговорах представляла информация об истинных целях партнеров-соперников, о пределах их возможных уступок и запасных позициях, которую добывала советская внешняя разведка, обладавшая серьезными агентурными источниками в спецслужбах США и Великобритании и военной разведке польского эмигрантского правительства в Лондоне [Органы государственной безопасности... с. XVIII]. «Достаточно сказать, — отмечал руководитель советской внешней разведки генерал-лейтенант Павел Фитин, характеризуя ее роль в подготовке встреч на высшем уровне в Ялте и Потсдаме, — что все подготовительные документы правительств США и Англии перед этими конференциями были доложены Сталину и Молотову» [Воспоминания начальника...].

При этом советскими спецслужбами осуществлялась фундаментальная информационно-аналитическая работа. Назначенный руководителем специальной группы по подготовке и проверке материалов к Ялтинской конференции начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Судоплатов вспоминал: «В конце 1944 года, готовясь к Ялтинской конференции..., мы провели совещание руководителей НКВД-НКГБ, Наркомата обороны и ВМФ, на котором председательствовал Молотов. Целью этого совещания было выяснить, может ли Германия продолжать войну, и проанализировать информацию о возможных сферах соглашений с нашими союзниками Америкой и Англией по послевоенному устройству мира» [Судоплатов, с. 264]. А накануне конференции, под председательством вначале генерал-полковника Филиппа Голикова, а затем наркома внутренних дел Л. Берии, состоялось самое длительное за всю войну — в течение трех дней — совещание руководителей разведки Наркомата обороны, ВМФ и НКВД-НКГБ. Его итогом стали верные прогнозы о том, что «война в Европе продлится не более трех месяцев ввиду нехватки у немцев топлива и боеприпасов», общее согласие по поводу того, «что и Рузвельт, и Черчилль не смогут противодействовать линии нашей делегации на укрепление позиций СССР в Восточной Европе», и что «американцы и англичане займут гибкую позицию и пойдут на уступки ввиду заинтересованности в быстрейшем вступлении Советского Союза в войну с Японией» [Там же, с. 203].

Сбор информации планировалось осуществлять и в период работы самой конференции. В этих целях активизировалась деятельность «агентов», «источников» и «осведомителей», предусматривались меры по «слуховому контролю» — использованию скрытых микрофонов и передатчиков. Кроме этого, во время работы конференции предполагался сбор информации во время контактов лиц, обеспечивавших охрану и обслуживание встречи в верхах. При этом еду и выпивку в резиденциях союзников отпускали бесплатно, что весьма нравилось американцам и англичанам. Сын наркома внутренних дел СССР Серго Берия, участвовавший в мероприятиях по обеспече-

нию конференции, вспоминал: «Американскую и английскую охрану хорошо кормили и щедро поили, в противоположность тому, что было в Тегеране. Изрядно выпив, они часто сваливались под стол, и их нужно было разносить по номерам. Некоторым из наших охранников было разрешено напиваться вместе с ними, и между ними сложились очень сердечные отношения. Я думаю, что это разрешение было заранее продумано» [Берия, с. 138].

Советская разведка вела работу и по изучению психологических особенностей членов делегаций западных союзников, от чего в принципе и зависят результаты и исход переговоров, выступающих сплавом рациональности и эмоциональности. «Проводя подготовку к встрече в Крыму, — вспоминал П. Судоплатов, — мы собирали данные о руководителях союзных держав, составляли их психологические портреты, чтобы наша делегация знала, с чем она может столкнуться во время переговоров... Перед любым официальным визитом список будущих участников в обязательном порядке вручался НКВД (или НКГБ). В данном случае такой список всех членов американской делегации на Ялтинской конференции получил я. В нем на каждого из участников содержались подробные установочные данные, включая связи с нами и отношение к нашей стране. Полученные мною материалы для составления психологической характеристики содержали информацию о личностных качествах и особо секретное приложение о возможности их агентурного сотрудничества с советской разведкой» [Судоплатов, с. 265, 270–271]. Для составления психологических портретов использовались и записанные на пленку переговоры П. Судоплатова, выступавшего в качестве сотрудника секретариата В. Молотова Павла Матвеева, с американским послом А. Гарриманом. «Потом, — вспоминал Судоплатов, — мы прослушивали запись, пытаясь найти в ней любые дополнительные штрихи для создания психологического портрета членов американской делегации на конференции в Ялте. Эти психологические нюансы были для Сталина важнее разведывательных данных: возможность установления личных контактов с главами западных делегаций Рузвельтом и Черчиллем представлялась ему решающей. И действительно, личные отношения мировых лидеров сыграли колоссальную роль при обсуждении и принятии документов на Ялтинской конференции» [Там же, с. 269–270].

Дополнительные возможности воздействия на делегации союзников были связаны и с фактором их размещения. Некоторые последующие критики решений Ялтинской конференции рассматривали чуть ли не мистически то обстоятельство, что советская делегация разместились в Кореизе, расположенном между резиденциями делегаций США (в Ливадии) и Великобритании (в Алушке), Исследователь Ф. Уиттмер подчеркивал: «Юсуповский дворец, где жила советская делегация, символически раскалывал англосаксонскую ось пополам» [Wittmer, p. 78]. Оставляя в стороне мистику и стремление к символам, отметим, что размещение делегаций англо-американских союзников в резиденциях, находившихся друг от друга на расстоянии в 15 километров, безусловно, не было случайным. По всей видимости, Сталин не хотел предоставлять им дополнительных возможностей для согласования позиций, что требовало прежде всего времени. В условиях жестких ограничителей — сроков проведения конференции — даже несколько десятков минут, уходящих на дорогу, играли определенную роль.

Особую роль играла и «кулинарная дипломатия», так запомнившаяся англо-американским участникам конференции: от палаток на Сакском аэродроме до приемов в резиденциях делегаций. Постоянный заместитель британского министра иностранных дел Александр Кадоган писал о том, что в Воронцовском дворце членов британской делегации ждал «чудовищный обед — снова икра и копченый лосось, снова водка и много еды всех сортов, заканчивая мандаринами. После того Антони (Иден. — С. Ю.) и я удалились спать до ужина! Ужин был другим гигантским принятием пищи, когда все наши сотрудники собрались вместе» [Cadogan, p. 703]. Вообще проблема еды с водкой, с «тостами все время» очень беспокоила А. Кадогана, и он даже жаловался жене: «Пища вполне хорошая, хотя, как обычно в России, несколько однообразная... Икра и сладкие пирожки на завтрак сами по себе иногда, до известной степени, являются приемлемыми, но они потом надоедают. Однако мы сейчас обучаем их давать нам омлет и тому подобное» [ibid, p. 706]. Эти слова отражали не столько «нестыковку» гастрономических предпочтений британского аристократа с русской кухней, сколько задачу принимавшей стороны «ошеломить и подавить противника» «кулинарными средствами, внушив ему через посредство его же собственного желудка уважение, почтение и восхищение огромными возможностями Советской страны» [Эхо, с. 6].

Успех советской делегации на конференции был, несомненно, связан и с тем, что ее глава, Сталин, был не только крупным государственным деятелем, но сильным переговорщиком. У него была собственная внешнеполитическая концепция и свой стиль. В плане общего подхода к вопросам внешней политики Сталин, несомненно, был прагматиком, деятелем геополитического мышления, оценивавшим положение дел в категориях сфер влияния, территорий и границ, а его политика была примером реализации стратегии «накопления сил» в неблагоприятной международной обстановке, создания механизмов удержания «большого пространства» и формирования «пояса безопасности» на послевоенных советских рубежах. Советский лидер ориентировался на сохранение союза трех держав на завершающем этапе войны и в послевоенном мире. Но в условиях существования этого союза он был готов жестко отстаивать свою сферу влияния. В нее включались освобожденные Красной армией восточноевропейские страны, где у власти должны были находиться «дружественные» правительства. В этом направлении, включая решение «польского вопроса», Сталин добился успеха. На конференции были признаны и его требования на Дальнем Востоке.

Его переговорный стиль характеризовался тем, что «Сталин был мастером обаяния, отвлекающего маневра и веского довода» [Цит. по: Робертс]. Он говорил немного — меньше, чем его партнеры по переговорам, — короткими предложениями, которые лучше осмысливались, четко формулировал важнейшие положения, для усиления смысловой нагрузки использовал тон, модуляцию речи и жесты. Проявлял чрезвычайно цепкое внимание к реальному соотношению сил, причем не только в целом, но и по каждому конкретному вопросу [Боффа, с. 214]. При обсуждении сложных проблем, когда не было возможности решить их однозначно, Сталин не торопился брать на себя инициативу, а ждал, когда предложения последуют от партнеров. После этого выдвигалась череда вопросов, условий и требований. Так было с проблемой голосования в Совете Безопасности будущей ООН. Когда советские интересы были гарантирова-

ны принципом единогласия и две республики — Украина и Белоруссия — допущены к первоначальному членству в организации, она получила «зеленый свет».

Сталин внимательно готовился к каждой встрече с руководителями США и Великобритании и, несмотря на феноменальную память, снова и снова просматривал записи и документы. Перед заседаниями конференции он, по свидетельству участников, собирал членов делегации, выслушивал их соображения по конкретным проблемам, давая почти каждому определенное задание: изучить такой-то вопрос, то-то выяснить, с тем-то связаться.

Сталин умел использовать потенциал партнеров. Он учел, что президенту США, ввиду его инвалидности, трудно передвигаться, и поэтому предложил встречаться в его резиденции — Ливадийском дворце, превращая Рузвельта во «второго хозяина» Крымской конференции. Продолжая традицию, заложенную в Тегеране, он предложил президенту председательствовать на конференции. И Рузвельт оценил как эти жесты, так и усилия по созданию уютной атмосферы во дворце. На конференции советская делегация, «по мере возможности, предлагала брать за основу большинства решений американские проекты, ограничиваясь непринципиальными дополнениями. В заключительное коммюнике советская делегация вообще не внесла никаких поправок» [Валентин Фалин...].

Сталин производил сильное впечатление на членов делегаций союзников. Впервые встретившийся со Сталиным в Тегеране начальник штаба президента адмирал Уильям Леги писал: «Большинство из нас до встречи с ним считали его бандитским главарем, который пробился на высокий пост в своем правительстве. Это впечатление было ошибочным. Мы сразу же поняли, что имеем дело с весьма умным человеком, который умел хорошо говорить и был намерен получить то, чего он хотел для России. Ни один профессиональный солдат или моряк не мог бы упрекнуть его за это. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, благожелательным и учитывающим точки зрения двух его коллег — пока один из них не выдвигал какое-нибудь предложение, которое, по мнению Сталина, шло вразрез с советскими интересами. Тогда он мог быть бесцеремонно прямым, почти грубым» [Вторая мировая война в воспоминаниях...].

Впечатление, произведенное им в Ялте, характеризуют, например, слова А. Кадогана: «Я должен сказать, я думаю, дядя Джо наиболее впечатляющий из трех человек. Он очень спокойный и сдержанный. В первый день он сидел в течение первых полутора часов или около того, не говоря ни слова — у него не было необходимости делать это. Президент волновался, и премьер-министр шумел, но Джо только наблюдал за всем разговором и скорее забавлялся. Когда он принимал участие в разговоре, он никогда не употреблял лишнего слова, но говорил очень много по сути. Он явно обладает очень хорошим чувством юмора и, пожалуй, живым характером». Это накладывало отпечаток на ход дискуссий, и А. Кадоган удивлялся: «Я никогда не представлял, что русские так терпимы и сговорчивы. В особенности Джо был очень любезен. Он — великий человек и очень впечатляюще выделяется на фоне двух других стареющих государственных деятелей» [Cadogan, p. 706, 708–709].

«Сталин уверенно направлял деятельность Советской делегации, — вспоминал А. Громыко. — Эта уверенность передавалась всем нам, кто работал на конференции, особенно кто находился с ним за столом переговоров» [Громыко, с. 182]. В официальный состав советской делегации, сопровождавшей Сталина, входили 8 человек: нарком иностранных дел В. Молотов, нарком военно-морского флота Н. Кузнецов, заместитель начальника генштаба Красной армии генерал армии А. Антонов, заместители наркома иностранных дел СССР А. Вышинский и И. Майский, начальник штаба ВВС и замкомандующего ВВС Красной армии маршал авиации С. Худяков, послы в Великобритании и США Ф. Гусев и А. Громыко. В Ялте численность советской делегации, по сравнению с Тегераном, возросла втрое и была соизмерима с численностью делегаций союзников: 14 человек в американской делегации и 13 — в британской. При этом каждого из членов делегации сопровождали люди из аппарата соответствующего наркомата или ведомства. Во время проведения конференции в Ялте находился и нарком внутренних дел Лаврентий Берия, но непосредственного участия в работе конференции он не принимал.

Специфика работы советской делегации отражала особенности централизованной иерархической системы. Каждый из ее членов был лишь исполнителем общего замысла «вождя», звеном для передачи необходимых указаний или проектов документов. При этом В. Молотов зачастую выступал более жестко, чем глава советской делегации, производя соответствующее впечатление на союзников и создавая возможности для маневра Сталину.

С точки зрения рассматриваемого круга проблем Ялтинская конференция стала первым опытом проведения многосторонней встречи в верхах со столь значительным количеством иностранных участников и обслуживающего персонала, проходившей на территории Советского Союза. Этот опыт, безусловно, оказал влияние на практику организации и осуществления подобных мероприятий в последующие годы. К слову, в 1986 г., накануне встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева с президентом США Рональдом Рейганом в Рейкьявике, П. Судоплатов направил в КГБ СССР памятную записку, в которой изложил опыт обслуживания Ялтинской конференции. Неизвестно, как отреагировали руководители этого ведомства на предоставленные материалы, но будем помнить замечание французского писателя Анри де Монтерлана о том, что «история: неизменная пьеса, которую играют все новые и новые актеры». Новые лидеры государств собираются на встречи в верхах, им помогают новые поколения дипломатов, новые поколения разведчиков снабжают их необходимой информацией. Поэтому фрагменты сценария «неизменной пьесы» следует знать.

Литература

Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти: пер. с фр. М. 2002.

Боффа Дж. История Советского Союза: В 2-х т.: пер. с итал. М. 1990. Т. 1, 2.

Фалин В. Валентин Фалин: «Ялта-1945 — это упущенный шанс человечества» // Столетие. 06.02.2015. — URL: http://www.stoletie.ru/ww2/valentin_falin_jalta-1945_eto_upushhennyj_shans_chelovechestva_828.htm (дата обращения: 10.02.2020).

- Воспоминания начальника внешней разведки П.М. Фитина // Очерки истории российской внешней разведки. Том 4. — URL: <https://coollib.com/b/338755/read#t25> (дата обращения: 10.02.2020).
- Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра: [Сборник] / сост. Е.Я. Трояновская. М. 1990.
- Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк. М. 1958.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. р-9401 сч. Оп. 2. Д. 93. Л. 136.
- Громыко А.А. Памятное. М. 1988. Кн. 1,2.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М. 1971.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1997.
- Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. М. 2016. Кн. 2.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Вперед на запад (1 января — 30 июня 1944 г.). М.2007. Т. V. Кн. 1.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М. 1989. Т. 1, 2.
- Погью Ф.С. Верховное командование: сокр. пер. с англ. М. 1959.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М. 2004.
- Робертс Дж. Черчилль, Рузвельт и Сталин: роль личностного фактора в успехах и неудачах Великого Альянса // Мир истории. 2015. № 1. — URL: <http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-roberts.htm> (дата обращения: 01.02.2020).
- РГАСПИ. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 754. Л. 25.
- Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев [и др.]. М. 2010.
- Севастьянов П.П. Историческое значение Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. // Ялтинская конференция 1945: уроки истории. М. 1985. С.23–38.
- Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М. 1995.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. В 6 т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 дек. 1943 г.). М. 1984.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов. В 6 т. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). М. 1984.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996.
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль (фрагменты политической биографии). — URL: https://portalus.ru/modules/biographies/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1474108031&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 11.02.2020).
- Успех и испытания: Картаполов рассказал о темпах Висло-Одерской операции. — URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20201221734-3ayUA.html (дата обращения: 11.02.2020).
- Фесенко В. И. Влияние стратегической обстановки на решения Ялтинской конференции // Крымская конференция глав государств антигитлеровской коалиции 4–11 февраля 1945 года (к 70-летию проведения). Сб. материалов круглого стола, состоявшегося 17 февраля 2015 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны. М. С.91–103.

- Франклин Делано Рузвельт. Беседы у камина. М. 2003.
- Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. М. 1991.
- Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М. 1999.
- Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М. 1991.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М. 1958. Т.1, 2.
- Ширер У. Конференция «Терминал» подлинная веха в истории // От «Барбароссы» до «Терминала»: взгляд с Запада / сост. Ю. И. Логинов. М. 1988. С. 422–439.
- Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории: пер. с англ. М. 1992.
- Эхо. 1997. № 44. С. 6.
- Ялтинская конференция 1945: уроки истории: [сб. работ симп. советских историков, посвященного 40-летию Крымской (Ялтинской) конференции. М.1985.
- Berlin I.* Personal Impressions. N.Y. 1981.
- Cadogan A.* The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M. 1938–1945. London. 1971.
- Rayne R.* The Marshall Story. A Biography of General George C. Marshall N.Y. 1951.
- Wittmer F.* The Yalta Betrayal. Data on the Decline and Fall of Franklin Delano Roosevelt. Caldwell, 1953.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-101-106

УДК 94

Сьюзен БАТЛЕР

Рузвельт и Сталин: встреча в Ялте

Аннотация. *Статья посвящена задачам, позициям и роли президента США на Ялтинской конференции трех стран антигитлеровской коалиции в феврале 1945 г. Ф. Рузвельт был своего рода связующим звеном между У. Черчиллем и И. Сталиным, стараясь, как правило, найти точки соприкосновения и сгладить противоречия между советским и британским лидерами. Самое блестящее достижение Ф. Рузвельта в Ялте — то, что он сумел объединить Сталина и Черчилля вокруг идеи создания всемирной организации безопасности до окончательной победы в войне, пока страны-союзницы всё ещё были связаны общими целями и сотрудничеством. В Ялте Рузвельт и Сталин работали как партнёры во имя общего блага двух стран; со смертью Рузвельта 12 апреля 1945 г. это партнёрство закончилось.*

Ключевые слова: *Ф. Рузвельт, Ялтинская конференция, И. Сталин, У. Черчилль, антигитлеровская коалиция, союзничество, создание ООН.*

Во-первых, я хотела бы отдать дань России — стране, разоренной Гитлером, стране, столько выстрадавшей, стране, потерявшей к концу войны 23 млн человек. Во-вторых, я хотела бы отдать дань русским солдатам, благодаря которым убитых немецких военных оказалось в десять раз больше, чем солдат союзников.

Ялтинская конференция была организована в феврале 1945 г. в связи с желанием Рузвельта окончательно сформулировать план по созданию всемирной организации безопасности, способной поддерживать мир в послевоенном мире в течение следующих 50 лет. Ялта стала высшей точкой союзничества трех держав, потому что главный ее участник — Франклин Делано Рузвельт — умер вскоре после нее.

Рузвельт намеренно хотел провести вторую встречу с Иосифом Сталиным и Уинстоном Черчиллем до окончательной победы — пока армии трех стран еще подступали к Берлину, пока у союзников была общая военная цель, пока Россия и Британия зависели от массированных поставок из США по ленд-лизу.

Сталин, не желавший далеко ездить, выбрал местом проведения конференции Ялту, хотя она была разрушена немецкой армией, поскольку в ее просторных дворцах могло

Сведения об авторе: БАТЛЕР Сьюзен (BUTLER Susan) — американский историк, специалист по дипломатической истории Второй мировой войны, автор известных книг о Ф. Рузвельте и И. Сталине.

разместиться бесчисленное число сотрудников, требовавшихся для проведения мероприятия такого рода. Черчилль желчно (и несправедливо) жаловался: «Даже если бы мы 10 лет убили на поиски места для конференции, мы не смогли бы придумать места хуже этого» [Цит. по: Harriman, p. 390].

Начало всемирной организации безопасности было положено предыдущим летом в поместье Думбартон-Окс в Вашингтоне. Приоритетной целью было создание организации, достаточно влиятельной, чтобы удержать Германию от попытки установить мировое господство в третий раз.

Перед проведением конференции Рузвельт удостоверился, что их взгляды со Сталиным совпадают. В конце января 1945 г. он попросил Аверелла Гарримана проинформировать Вячеслава Молотова и посла Ивана Майского о вопросах, которые он намеревался обсудить в Ялте: «...все вопросы, касающиеся будущего Германии, включая ее раздел, и все другие... вопросы, которые остались открытыми после конференции в Думбартон-Оксе. Кроме того, президент хочет поговорить о Польше. Он также хочет обсудить политические и военные аспекты войны на Тихом Океане и в Европе» [Дневник...]. Этот выбор предмета переговоров совпадал с тем, что намеревался обсудить Сталин. «Советское правительство не подготовило никакой повестки и не будет ее предлагать», — ответил В. Молотов.

С другой стороны, Рузвельт намеренно избегал обсуждения повестки конференции с Черчиллем. Во время встречи на Мальте, куда они оба приплыли на корабле прежде, чем вылететь в Саки — ближайший к Ялте аэродром — Рузвельт уворачивался от всех попыток Черчилля поднять этот вопрос даже во время нескольких совместных ужинов. Вполне вероятно, что Рузвельт был более чем обычно раздражен и насторожен по отношению к Черчиллю из-за небрежного замечания британского премьера о Китае, который должен был стать одним из постоянных членов Совета Безопасности и был, по мнению Черчилля, «великой американской иллюзией» [Stettinius...].

Сразу по прибытии в Ливадию Рузвельт отослал Аверелла Гарримана звонить Молотову в Юсуповский дворец для проработки плана встречи со Сталиным. Черчилля и членов его делегации скорее информировали о месте и времени проведения встреч, чем согласовывали с ними эти вопросы.

Позднее будут говорить, что Рузвельт уже тогда чувствовал себя неважно, однако свидетельства современников доказывают ложность этого утверждения. Дочь А. Гарримана журналистка Кетлин Гарриман, которой тогда было около 20 лет, в письме из Ялты сестре рассказывала, что Рузвельт «прост в разговоре, с тонким чувством юмора» и находится «в прекрасной форме» [Цит. по: Harriman, p. 391–392]. Спустя много лет, в 1987 г., когда ее память была уже искажена временем и холодной войной, станут цитировать другие ее слова: «Я пришла в ужас, насколько плохо он выглядел» [Costigliola, p. 324].

В основе отношений Рузвельта и Сталина лежало их общее предположение о том, что Соединенные Штаты предоставят России [СССР] долгосрочный заем. Вопрос состо-

ял не в том, будет ли дан кредит, а в том, на каких условиях он будет предоставлен. Для его рассмотрения госсекретарь США Эдвард Стеттиниус имел на руках данные о советских военных потерях, которые оценивались в 16 млрд долларов — 25% от всего капитала страны, — а также о потерях производственных запасов и личной собственности, которые составляли еще 4 млрд. Стеттиниус заявил Молотову, что готов обсудить этот вопрос в Ялте или позднее — в Москве либо Вашингтоне.

На пленарных заседаниях в Ялте Рузвельт, Сталин и Черчилль прорабатывали детали организации мирового правительства, роль которого заключалась бы в сдерживании государств в пределах их собственных границ. Была назначена дата — 25 апреля, и место — Сан-Франциско, где должны были собраться представители всех стран мира, чтобы наладить этот механизм. Черчилль возражал против назначения конференции по созданию будущей всемирной организации до окончания войны. Его аргументы: «битва будет в самом разгаре...», представители государств будут не в состоянии уделить саммиту должного внимания, некоторые народы все еще будут находиться под германским игом, а представлять их будут правительства в изгнании [Батлер, с. 464].

Но замечания британского премьера были вежливо проигнорированы. Рузвельт, очевидно, чувствовал, что странам антигитлеровской коалиции необходимо сформировать Организацию Объединенных Наций, пока между ними еще сохраняются устойчивые связи. Поэтому он удержал Черчилля от дальнейших возражений, отметив, что предлагает всего лишь созвать учредительную конференцию, а различные варианты рассмотрят министры иностранных дел. Сталин согласился и поддержал Рузвельта, как и все три министра иностранных дел, собравшиеся позже для проработки деталей будущего форума.

Рузвельт был связующим звеном между Черчиллем и Сталиным. Когда случались разногласия, что происходило часто, поскольку обсуждения велись обстоятельно и свободно, Рузвельт как правило старался найти точки соприкосновения и сгладить противоречия.

Участники конференции не смогли договориться о репарациях Германии, и было решено создать комиссию, которая разобралась бы с этим вопросом позднее. Сталин полагал, что общая сумма должна составлять 20 млрд долларов США, половину из которых получит Россия [СССР]. Черчилль возражал против установления конкретной суммы. Компромиссом стало решение передать вопрос на обсуждение создаваемой трехсторонней Межсоюзной комиссии по репарациям, которая должна была работать в Москве. Вместе с тем в директивах для комиссии (в протоколе Ялтинской конференции) говорилось, что она «должна принять во внимание определенную американской и советской сторонами сумму репараций в размере 20 миллиардов долларов, из которых Советский Союз должен получить пятьдесят процентов» [Stettinius, p. 242].

Рузвельт и Сталин решили между собой еще один серьезный вопрос, представив итог Черчиллю в качестве свершившегося факта. Речь шла о детальном соглашении, обговаривавшем в том числе российское вторжение в Манчжурию. Генерал Алексей

Антонов сообщил генералу Джорджу Маршаллу, что через три месяца после капитуляции Германии он завершит переброску советской армии из Германии в Маньчжурию и сможет атаковать охраняющую границу Квантунскую армию. Это помешало бы Квантунской армии напасть на американские войска, высадка которых на японских островах была назначена на 1 ноября. Эта операция имела огромную важность из-за гигантских потерь, которые несли США в Тихом океане в ходе боев со сражавшимися насмерть японцами. На деле Гарриман с Антоновым начали разрабатывать план переброски российской армии и вооружений к маньчжурской границе к октябрю. В обмен на эту грандиозную уступку Рузвельт согласился вернуть Советскому Союзу территории, отнятые у России Японией в войне 1904–1905 гг. Узнав об этом, командующий Атлантическим флотом США адмирал Кинг воскликнул: «Мы только что спасли жизни двум миллионам американцев!» [Meacham, p. 317]. Черчилль был настолько разгневан своим отстранением от обсуждения этой темы, что даже подумывал об отказе от подписания итогового документа. В конце концов он решил, что подпись Британии необходима, чтобы обеспечить ее право потребовать возвращения собственных утраченных территорий: Малайзии, Сингапура и Бирмы.

В Ялте Сталин пошел на важнейшую уступку Рузвельту. Он согласился, что повестка работы Совета Безопасности не будет подлежать праву вето.

Самым трудным для обсуждения вопросом на встрече трех лидеров оказалось будущее Польши. Красная Армия освободила эту страну, и Россия установила там правительство для управления государством. Довоенное польское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне, было настроено антироссийски. Сталин же, переживший два немецких вторжения, хотел видеть в Польше страну, способную противостоять Германии и дружественную по отношению к России. Рузвельт и Черчилль, со своей стороны, не признавали сформированное Россией Люблинское правительство. Проблема заключалась в том, чтобы создать временное правительство для управления Польшей, пока польский народ не будет в состоянии провести независимые выборы. Дело сводилось к тому, чтобы найти общий язык по этой проблеме. Итоговое заявление, подписанное Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, предусматривало реорганизацию действующего в Польше правительства с включением демократических деятелей из самой Польши и из кругов польской эмиграции. Новое правительство обязано было «провести свободные выборы, без каких-либо препятствий, в максимально сжатые сроки, на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании» [Батлер, с. 500].

Затем Сталин согласился с подготовленной Государственным департаментом США Декларацией об освобожденной Европе, подтверждающей «право всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить» [Там же, с. 493].

Сталин и Черчилль с трудом ладили друг с другом даже при посредничестве Рузвельта. «Сталин симпатизировал Рузвельту, — отмечал участник Ялты, тогдашний советский посол в США и будущий министр иностранных дел Андрей Громыко, — чего нельзя было сказать о его отношении к премьер-министру Великобритании» [Громыко, p. 109–110]. Черчилль, продолжал он, «и не пытался скрывать свои чувства, их выдавала

даже его сигара. Когда он был напряжен или взволнован, он выкуривал намного больше сигар, то есть их количество было прямо пропорционально степени его напряжения во время беседы. Это заметили все, и за спиной премьера часто звучали насмешки» [ibid]. Самое блестящее достижение Рузвельта в Ялте — то, что он сумел объединить Сталина и Черчилля вокруг идеи создания всемирной организации безопасности до окончательной победы в войне — пока все страны-союзицы все еще были в одной упряжке. Гениальность этой идеи стала еще более очевидной после смерти Рузвельта за две недели до конференции в Сан-Франциско. Конференция состоялась, и каждая из стран заняла свое место во всемирной организации вопреки позиции Черчилля.

Рузвельта тяготил и вопрос о последствиях разработки атомной бомбы. Он рассматривал различные сценарии. Хорошо понимая, что Черчилль будет против, он заявил британскому премьеру, что, по его мнению, пришло время рассказать о еще не испытанной бомбе Сталину на том основании, что «де Голль, если он узнает об этом, непременно поведет двойную игру с Россией» [Churchill to Eden...].

Таким образом он пытался подготовить Черчилля к тому, что, по его убеждению, должно было произойти. Генри Стимсон, Эдвард Стеттиниус, Ванневар Буш и Джеймс Конант, заведовавшие научными разработками в области ядерного оружия, также как большинство советников Черчилля, в том, что Россия получит собственную бомбу в течение четырех лет (что оспаривалось скептиками, утверждавшими, что на разработку бомбы у России уйдет десятилетие), настаивали, что обмен информацией с Россией — единственный способ избежать гонки вооружений.

Рузвельт и Сталин сотрудничали на равных. Сталин отвечал американскому президенту согласием, поскольку его предложения и политика были для СССР весьма выгодны. Начиная с замечания Рузвельта Сталину в 1939 году о бесполезности заключения союза с Германией, заканчивая его просьбой возобновить работу церковью в России в 1943 году, благодаря чему к борьбе с немецким вторжением присоединилось и духовенство, и соглашением о возвращении России утраченных в Русско-японской войне 1905 г. территорий в обмен на ее помощь в войне с Японией — Рузвельт всегда протягивал Сталину руку.

В Ялте Рузвельт и Сталин работали как партнеры во имя общего блага двух стран. Со смертью Рузвельта 12 апреля 1945 г. это партнерство закончилось.

Литература

Батлер С. Сталин и Рузвельт: великое партнерство. М. 2017.

Громыко А.А. Памятное. М. 1988.

Дневник Молотова В.М. Прием посла США Гарримана 20 января 1945 года // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 7а. П. 57. Дело 2 (Крымская конференция 1945 года), 10–11.

Churchill to Eden, minute, March 25, 1945 // Sherwin M. J. A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y. 1987.

Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton. N.J. 2012.

Gromyko A. Memories: From Stalin to Gorbachev. London. 1989.

Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. New York. 1975.

Meacham J. Franklin and Winston: An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N.Y. 2003.

Stettinius E.R. The Diaries of Edward R. Stettinius Jr., 1943–1946. N.Y. 1975.

Stettinius to Walter Johnson, Feb. 2, 1945, Stettinius Papers.

Перевод с английского Дарьи Карпухиной.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-107-123

УДК 94

Марк Алмонд

Черчилль и дипломатия саммитов: модели военного времени для поддержания послевоенного мира

Аннотация. Участие У. Черчилля в Ялтинской конференции стало самым критикуемым эпизодом его долгой политической карьеры. Однако крупнейший и известнейший государственный деятель Британии XX в. последовательно выступал за «дипломатию саммитов» и до, и после 1945 г., считая встречи высших руководителей государств ключевым инструментом эффективного союзничества и снижения угрозы войны. Вернувшись к власти в 1951 г., Черчилль первым выступил за переход к политике разрядки между Западом и Востоком. Однако в обстановке обострявшейся холодной войны его предложения о новом саммите были отвергнуты как Белым домом, так и Кремлем. Гибкий и реалистичный подход У. Черчилля содержит важные и полезные уроки для сегодняшних государственных лидеров.

Ключевые слова: Вторая мировая война, саммиты, встречи в верхах, «дипломатия саммитов», Ялтинская конференция, У. Черчилль, «большая тройка», разрядка между Востоком и Западом.

«Первый этап состоит в том, чтобы создать дружественную атмосферу и чувства взаимного доверия и уважения. Трудности, выглядящие ныне непреодолимыми, могут стать просто неактуальными».

Уинстон Черчилль, февраль 1950 г.¹

«Конечно, было бы глупо возомнить, что есть хоть какой-то шанс сразу же добиться урегулирования всех острых проблемы, которые есть и на Востоке, и на Западе... посредством личных встреч, какими бы дружественными они ни были».

Уинстон Черчилль, выступление в Палате общин 3 ноября 1953 г.

Сведения об авторе: АЛМОНД Марк (ALMOND Mark) — британский историк, директор Института исследований кризисов в Оксфорде, бывший председатель Британской Хельсинской группы по правам человека, criox.editor@aol.com.

1 [Цит. по Dobson, p. 203]

В 1950 г. Уинстон Черчилль придумал термин «саммит» для описания встреч лидеров Великих держав в кризисные моменты. При этом он вспоминал не только о своих встречах с Франклином Рузвельтом во время войны, начиная с 1941 г. Хотя «особые отношения» между Британией и Соединенными Штатами были новым явлением, автору «Истории англоязычных народов» оно представлялось естественным. Что касается сотрудничества с коммунистами в лице СССР, то на протяжении своей предшествующей политической карьеры он его не предвидел, пока угроза цивилизации со стороны Гитлера не стала его основной заботой. Между тем в размышлениях Черчилля о саммитах именно встречи с Иосифом Сталиным в августе 1942 г., октябре 1944 г., а также знаменитый саммит «большой тройки» в феврале 1945 г. в Ялте фигурируют как архетипичные примеры¹.

На фоне разработки все более разрушительных видов оружия, апогеем которой стали испытания атомной бомбы, личные встречи лидеров без посредников виделись Черчиллю залогом разрядки международной напряженности и снижения риска войны. Тот же научно-технический прогресс, что создавал оружие массового уничтожения, облегчил проведение саммитов благодаря новым скоростным видам транспорта, прежде всего самолетам, позволившим созывать встречи глав правительств в кратчайшие сроки, независимо от расстояний между ними. В феврале 1945 г. и Черчилль, и Рузвельт прибыли в Крым на самолетах.

Черчилль прекрасно сознавал, что мирные конференции с участием глав государств и правительств случались в истории не раз: и Венский конгресс 1814–1815 гг., и Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. собирали вместе руководителей стран и министров иностранных дел, вместе с экспертами и советниками, с целью определения судьбы Европы после великих войн. Однако встречи, посвященные составлению мирных договоров для закрепления результатов военного конфликта, кардинально отличались от черчиллевской идеи саммитов более ситуативного характера. Продвигаемые Черчиллем встречи в верхах задумывались как реакция на событие, один из способов урегулирования кризиса. Их цель — достичь предварительной договоренности и не допустить неконтролируемого всплеска напряженности только из-за того, что лидеры позволили укрепиться недоверию вместо того, чтобы встретиться и обговорить проблемы.

Саммиты военного времени предназначались в первую очередь для решения насущных вопросов и выработки очередного этапа стратегии. Даже в Ялте, когда поражение нацистской Германии виделось уже неизбежным, обсуждение конкретных вопросов происходило со ссылкой на будущую итоговую резолюцию послевоенной мирной конференции (которая, однако, так и не состоялась). Это касалось и соглашения с Советским Союзом о создании ООН, многие из положений Устава и функций которой были

¹ В ходе следующего трехстороннего саммита антигитлеровской коалиции в Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 г.) Черчилля настигла печальная новость о сокрушительном поражении его партии на парламентских выборах, и с 28 июля Британию на Потсдамской конференции представлял новый премьер, лидер лейбористов К. Эттли.

определены позднее. Впоследствии, по мере нарастания конкуренции между Востоком и Западом в годы холодной войны, критики Ялтинских соглашений стали обвинять лидеров западных союзнических держав в «умиротворении» Сталина, напоминая «умиротворение» Гитлера Невиллом Чемберленом.

Как главный критик Мюнхенского соглашения, Черчилль болезненно реагировал на обвинения в том, что в 1945 г. он не был достаточно тверд в «холодном» противостоянии СССР. Однако настойчивость, с которой он выступал за продолжение встреч со Сталиным и его преемниками в руководстве Советского Союза, происходила не из самолюбия. Черчилль последовательно придерживался мнения о важности личных контактов с иностранными лидерами в периоды напряженности, в основе которого лежал длительный опыт.

Еще за три десятилетия до того, как Черчилль в начале 50-х, в самые мрачные годы холодной войны, в очередной раз настаивал на важности дипломатии саммитов, его политический наставник, премьер-министр от Либеральной партии (1916–1922) Дэвид Ллойд Джордж утверждал: «Если хотите решить вопрос, встретьтесь со своим оппонентом и обговорите этот вопрос с ним. Последнее дело — писать ему письмо» [Цит. по: Craig, p. 146]. А до начала Первой мировой войны, в 1908 г., Ллойд Джордж и Черчилль выступали за ведение переговоров о сдерживании гонки вооружений (между Британией и Германией) напрямую с императором Германии и канцлером Бернгардом фон Бюловым, в обход министерства иностранных дел, однако все их предложения были отвергнуты Берлином¹. Первоначальные неудачи были то ли позабыты Черчиллем, то ли расценены им как стимул к возобновлению усилий по продвижению личной дипломатии. Начало Первой мировой войны, по его мнению, продемонстрировало неготовность профессиональных дипломатов к активным действиям и сопряженным с риском инициативам ради остановки губительной спирали, приведшей к войне.

Профессиональные дипломаты были возмущены вторжением в свою сферу «любителя». Сын бывшего постоянного заместителя министра иностранных дел и автор популярного «введения в дипломатию» Гарольд Никольсон, вероятно, намекал на известное хобби Черчилля, образно выразив раздражение опытного дипломата поведением политика, берущего ответственность за переговоры на себя: «Искусство дипломатии, как и искусство живописи, серьезно пострадало от своей пленительности для любителей»².

1 Черчилль встречался с кайзером Вильгельмом II дважды: в 1906 и 1909 гг. Дипломатического результата эти встречи не принесли, однако позволили ему спустя 20 лет осознать, что Гитлер представлял собой политическую и военную угрозу совершенно иного уровня [См.: Roberts, p. 108].

2 В 1915 году Черчилль написал для журнала Strand Magazine эссе «Живопись», где обозначил свой подход к любимому искусству как к своего рода военной операции — не столько способу отвлекаться от беспокоящих его стратегических задач, сколько возможности дать выход подавленной агрессии. [См.: Churchill, 72. Nicolson's Diplomacy цит. по: Melissen, p. 9].

Черчилль, без сомнения, смог бы парировать, что изменчивость событий, особенно в военное время, — как и нанесение красок на холст — требует гибкости и мышления, не ограниченного строгими рамками бюрократической рутины. Вся его карьера была чередой успехов и неудач: одни его интуитивные решения окупались с лихвой, другие не приносили никакой выгоды или даже оказывались разрушительными. Точнее, так выглядел промежуточный итог его карьеры в конце 1930-х годов [См.: Rhodes].

Мюнхенский кризис 1938 г. и крах политики умиротворения изменили репутацию Черчилля в английском общественном мнении всего за полгода. До той поры его предостережения о нацистской угрозе оставались гласом вопиющего в пустыне¹. Причем объектом критики Черчилля были как раз упования Невилла Чемберлена на дипломатию в верхах. По иронии судьбы, именно критика мюнхенского саммита Чемберлена и Гитлера в сентябре 1938 г. обеспечила Черчиллю репутацию бесстрашного защитника справедливости в противовес прагматичной *Realpolitik*, тогда как его собственная роль в Ялте в 1945 г. стала, с нарастанием холодной войны, серьезным пятном на репутации британского лидера.

Стоит разобраться в том, насколько встречи Черчилля со Сталиным наследовали практике саммитов, введенной в 1938 г. Н. Чемберленом, и насколько те и другие саммиты различались.

Чемберлен был первым британским премьер-министром, напрямую вмешавшимся в область кризисной дипломатии через голову министра иностранных дел, профессиональных дипломатов и всего внешнеполитического ведомства. Лорд Галифакс не сопровождал Чемберлена ни в одном из трех его полетов в Германию в 1938 г., несмотря на неопытность самого премьер-министра в вопросах внешней политики. Чемберлен был в восторге, когда от столь «нетрадиционного и смелого» решения, не характерного для степенного премьера с его неизменными крылатыми воротничками (что, по словам язвительных комментаторов, делало его похожим на директора похоронного бюро), у его не менее чопорного министра иностранных дел Галифакса «перехватило дыхание» [См.: Faber, p. 337]. Однако Галифакс сомневался в эффективности личной дипломатии главы правительства, принимая во внимание отсутствие у того полноценной команды советников-экспертов и тот факт, что переговоры предполагалось вести на территории Гитлера и на условиях диктатора. После Мюнхена Галифакс в разговоре с коллегами заметил: «Желательно, чтобы у кабинета министров имелась возможность обдумать множество важных вопросов, поднятых в ходе визита премьер-министра в Мюнхен» [См.: Roberts *The Holy Fox...* p. 168]. Дело в том, что, договариваясь о встречах с Гитлером, Чемберлен действовал за спиной большинства своих высокопоставленных коллег, включая министра иностранных дел, ставя их в известность только после того, как фюрер подтверждал свое согласие на встречу. Однако Чемберлен не знал, что Гитлер в неофициальном порядке сообщил своим сотрудникам: он не

1 В своей речи о «железном занавесе» в Фултоне в 1946 г. Черчилль вспоминал, что за 8 лет до этого его предупреждения были проигнорированы, и заметил, что впредь не стоит отмахиваться от его пророчеств.

станет встречаться ни с кем из представителей Британии, кроме премьер-министра¹ [См. Reynolds, p. 49–50].

Отметим, что после встречи тет-а-тет с немецким диктатором на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен выразил удивление по поводу настороженной реакции на его «беседу с герром Гитлером в прошлую пятницу». В Вестминстере ходили слухи о недовольстве Галифакса. Премьер-министр разыграл недоумение: «Не знаю, почему эта беседа должна давать повод для подозрений, а тем более для критики. Я не заключал никаких пактов. Не брал на себя никаких обязательств. Нет никакой секретной договоренности. Содержание нашей беседы не было враждебным по отношению к какой-либо из стран. Цель беседы, о которой я просил, состояла в том, чтобы постараться еще немного упрочить личный контакт, установленный мной с герром Гитлером, что, по моему мнению, имеет огромную важность в современной дипломатии. [Здесь и далее курсив мой. — М.А.] У нас состоялся дружеский и ни к чему не обязывающий разговор, который я, со своей стороны, вел во многом с целью увидеть, возможны ли точки соприкосновения между демократическим правительством и главой тоталитарного государства. Результат мы можем видеть в опубликованной декларации, не давшей моему достопочтенному другу [Галифаксу] оснований для подозрений» [Prime Minister Chamberlain...]

Триумф Чемберлена и общественное одобрение, которое его действия по нейтрализации угрозы войны встретили в Британии, вскоре были сведены на нет пренебрежительным отношением Гитлера к своему партнеру по Мюнхенскому соглашению. В марте 1939 г. фюрер захватил Прагу, а сразу после этого обрушил свои требования на Польшу, заставив Чемберлена добавить стали своему политическому облику, хотя тот по-прежнему и не помышлял о сотрудничестве с советским «человеком из стали»².

Отказ от сотрудничества со Сталиным против Гитлера соответствовал настроениям и соратников Чемберлена по Консервативной партии, даже несмотря на резкое разочарование в политике умиротворения.

В реакции же Черчилля на Мюнхенское соглашение ключевым моментом было возвращение к требованию о сотрудничестве с Советским Союзом. После того как Бри-

1 Чемберлен даже положился на переводчика Гитлера. Также см. Reynolds, *Summits*, 421–22 о том, что историки также вынуждены полагаться на германских составителей протокола в вопросах о том, что именно было сказано.

2 В конце июня 1940 г., после падения Франции, в риторике Чемберлена уже слышались отзвуки знаменитых речей Черчилля того периода. Выступая по радио и отвергая теперь любые переговоры с Гитлером, он заявил: «Если враг попытается напасть на нашу страну, мы будем сражаться с ним в воздухе и на море, мы будем сражаться на пляжах, используя любое оружие, оказавшееся в наших руках. Возможно, тут или там ему удастся прорваться. Если так, мы будем сражаться на каждой дороге, в каждой деревне, в каждом доме, пока не уничтожим его окончательно». Поскольку Англия «без сомнения, благословлена Всемогущим Господом», настаивал Чемберлен, победа ей обеспечена. Черчилль, со своей стороны, выразил благодарность Чемберлену за его «необычайно вдохновляющее и решительное радиовыступление» [цит. по: Dilks, p. 84–85].

тания убедила Францию бросить на произвол судьбы Чехословакию, потерял смысл и союз последней с СССР. Черчилль надеялся, что Великобритания присоединится к франко-советскому блоку, чтобы противостоять нацистской экспансии.

С марта 1939 г. его стали особенно раздражать препятствия, создаваемые на пути общего антинацистского фронта польской правящей военной кликой, участвовавшей вместе с Гитлером в разделе Чехословакии и аннексировавшей Тешинскую область. После вторжения Гитлера в Польшу британская пропаганда изображала стоявшую у власти польскую военную верхушку отважными демократами — так же как образ «дяди Джо» позже использовался, чтобы замаскировать внутривнутриполитические реалии сталинского СССР. Однако Черчилль с самого начала подчеркивал, что война ведется в защиту человеческой цивилизации против нацистского варварства, а не ради спасения польского режима. Возмущение западных СМИ недавними комментариями президента Путина, касавшимися пакта о ненападении, который довоенная Польша заключила в 1934 г. с Гитлером, и ее участия в разделе Чехословакии в 1938 г., показывает, что остаточный эффект пропаганды военного времени сохраняется и 80 лет спустя.

Признание Черчиллем стратегической необходимости отставить в сторону антибольшевизм ради эффективного противостояния нацизму внесло раскол в ряды его ближайших соратников по античемберленовскому лагерю. Ллойд Джордж был единственным, кто признавал необходимость сотрудничества с Советами, однако и он превратился в сторонника политики умиротворения, когда убедился, что Великобритания и Франция на такое сотрудничество не пойдут, а Гитлер предложит сделку Сталину. Школьный товарищ Черчилля Лео Эмери способствовал преждевременному уходу Чемберлена из власти в мае 1940 г., призвав в Палате общин «выступить от имени Британии» лидера лейбористов вместо главы собственной партии, однако в октябре 1938 г. и он исключал возможность сотрудничества со Сталиным, несмотря на пророческие мысли о следующих агрессивных действиях Гитлера [См. Faber, p. 347]. Черчилля же отличала от большинства его единомышленников — противников политики умиротворения среди тори — способность, будучи «реакционером», не замыкаться в рамках антикоммунистического мышления.

Репутация Черчилля как антикоммуниста с первых дней большевистской революции известна всем, он сам не раз напоминал об этом и общественности, и своим советским собеседникам. Отношение к нему в СССР тоже едва ли можно было назвать благосклонным. К тому же, десятилетие, проведенное Черчиллем на обочине политики после 1929 г., не могло не давать Кремлю повод сомневаться в его реальном влиянии — в том числе в том, что касалось отрицательного отношения к Советскому Союзу.

Когда Сталин спросил о Черчилле у Джорджа Бернарда Шоу и Нэнси Астор во время их знаменитой поездки в Советский Союз в 1931 г., леди Астор заверила его: «О, с ним покончено»¹ [Цит. по: Roberts Churchill: Walking... p. 356]. Впечатление Черчилля от ди-

1 5 октября 1938 года леди Астор прервала выступление Черчилля в Палате общин, в котором он назвал Мюнхенское соглашение «нонсенсом».

пломатической стратегии советского лидера было столь же пренебрежительным. Сразу после сообщений о пакте Молотова-Риббентропа в августе 1939 г. Черчилль отозвался о его дальновидности так же презрительно, как и о Мюнхенском соглашении: «Сталин и его комиссары показали себя в этот момент простофилями, которых обвели вокруг пальца» [См. Roberts, Churchill: Walking... p. 456].

В отличие от других тори, однако, Черчилль не избегал встреч с советским послом в преддверии войны и даже позднее, когда он вернулся в правительство в качестве Первого лорда Адмиралтейства и вновь, как и в 1914–1916 гг., возглавил военно-морское ведомство. Открытость Черчилля в отношении Ивана Майского граничила с неосторожностью, учитывая враждебный настрой его коллег в правительстве к Кремлю, особенно после подписания советско-нацистского пакта.

В октябре 1939 г. Черчилль заявил Майскому, что «очень рад» тому, что республики Прибалтики находятся в сфере влияния СССР, а не Германии [Kotkin, p. 710]. 13 ноября 1939 г. во время обеда с Майским Черчилль заметил: «Я нахожу ваши требования к Финляндии совершенно естественными и нормальными», — упомянув также, что британское общественное мнение будет настроено не столь благосклонно [Kotkin, p. 719]. Правда, успешное сопротивление Финляндии в 1940 г. вдохновило Черчилля на ораторскую оду во славу того, «на что способен свободный человек...». «Множество иллюзий относительно Советской России рассеялись в эти несколько недель жестоких боев близ Полярного круга», — добавил он [Kotkin, p. 740]. Впрочем, согласие финнов с требованиями СССР в марте 1940 г. положило конец планам британского правительства вмешаться в конфликт на стороне Финляндии, высадив британские силы на севере Норвегии для их последующей переброски в Финляндию. Центральную роль в этой операции должен был сыграть находившийся в ведомстве Черчилля флот. Хотя план интервенции против Советской России в 1940 г. оказался не более успешным, чем 20 годами ранее, общественность судила Черчилля за эту неудачу не столь строго, как Чемберлена за катастрофически неверный курс в войне с Германией, и в мае 1940 г. Черчилль стал премьер-министром.

С момента же нападения Гитлера на СССР в июне 1941 г. Черчилль в публичных выступлениях ясно говорил о Германии как о противнике Великобритании, а о России как о ее союзнике, несмотря на свою прежнюю антикоммунистическую риторику. Однако хорошо известны его слова: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы по меньшей мере замолвил слово за дьявола...».

Одной из первоочередных дилемм, стоящих перед правительством Черчилля, была перспектива восстановления довоенных границ Советского Союза после победы над Гитлером. Уже в июле 1940 г. Сталин объявил послу Черчилля Стаффорду Криппсу, что Британии не стоит ожидать после войны возвращения Европы к довоенному статус-кво, поскольку прежний баланс сил ставил Советский Союз в «невыгодное положение» [Kotkin, p. 777]. Сталин намерен был сохранить Прибалтику, Молдавию и часть довоенной Польши, вошедшие в состав СССР в период пакта с Гитлером, что представляло проблему для Черчилля и его коллег, в свое время выступавших против такого развития событий.

Мгновенно поняв, что военные усилия СССР и жертвенная борьба его народов являются ключом к победе над Германией, Черчилль стремился избежать принятия решения по этим вопросам и, тем более, настаивать на принципе, способном расколоть антигитлеровскую коалицию. Он дал резкий отпор попыткам своих соратников в руководстве Консервативной партии, Антони (Энтони) Идена и лорда Кренборна, свести союз со Сталиным к минимальному сотрудничеству военного характера. Черчилль заявил им, что «отныне Россия вступила в войну, ее ни в чем не повинных крестьян уничтожают, а значит мы должны забыть о советской системе и Коминтерне и протянуть руку дружбы людям, попавшим в беду» [См. Roberts, p. 662]. Для Черчилля эта война была противостоянием человечества бесчеловечному врагу, угрожавшему всему миру.

Решение посетить Сталина в августе 1942 г. стало для Черчилля судьбоносным. В военных мемуарах он описал, как в течение долгого перелета из Тегерана в Москву «размышлял» об эволюции своего отношения к «этому угрюмому, зловещему большевистскому государству, которое [он] так настойчиво пытался задуть при его рождении и которое до появления Гитлера считал смертельным врагом цивилизованной свободы» [См. Churchill Memoirs... p. 618–619].

В августе 1942 г.¹ в Москве Черчилль вступил со Сталиным в спор после неоднократных упреков со стороны советского лидера в неспособности союзников открыть второй фронт и недостатке у них воли к сражению с немцами, в отличие от Красной армии. Черчилль вспоминает, как воскликнул: в позиции Сталина «не чувствуется уз товарищества... Когда я говорил это, я был несколько возбужден, и, прежде чем сказанное мною успели перевести, Сталин заметил, что ему нравится тон моего высказывания» [См. Churchill Memoirs... p. 627–628]. Разумеется, Черчилль предчувствовал, каким разочарованием станет его признание в том, что второго фронта в 1942 г. не будет — «это было все равно что везти большой кусок льда на Северный полюс». Однако он «был уверен, что обязан лично сообщить факты и переговорить обо всем лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников» [См. Churchill Memoirs... p. 619].

Несмотря на свое увлечение современными способами передвижения — такими как авиаперелеты, — Черчилль скептически относился к тому, чтобы полагаться в деле выстраивания доверия между союзниками на телекоммуникации. В сентябре 1944 г., выступая в Университете Макгилла в Канаде, Черчилль заметил: «Сколь же неэффективным способом донесения человеческой мысли является корреспонденция, доставляемая телеграфом, при всей возможной скорости и удобстве нашей современной системы связи. Это просто мертвая глухая стена по сравнению с личным (он повторил эти слова) — личным контактом» [Цит. по: Plokhy, p. 21].

Франклин Рузвельт также неоднократно подчеркивал важность личных встреч между лидерами союзных держав. Сознывая силу своего обаяния, американский прези-

1 А точнее 13 августа, в годовщину сражения при Бленхейме (Гохштедтского сражения), которая была для Черчилля семейным праздником.

дент, возможно, переоценивал способность обратить ее во влияние на Сталина. Однако стоит отметить, что советский лидер, без сомнения, также приложил все усилия, чтобы обаять Рузвельта, избегая в общении с ним острых комментариев, которые он иногда адресовал Черчиллю. Элеонора Рузвельт отмечала, что в своей четвертой инаугурационной речи, произнесенной 20 января 1945 г., ее муж упомянул предстоящую встречу со Сталиным: «Мы познали простую истину — как сказал Эмерсон, “единственный способ иметь друга — самому быть другом”» [Цит. по: Plokhy, p. 6, 18]. Целями встреч между лидерами союзных держав были как выстраивание доверия, так и возможность оценить личные качества партнеров по коалиции. Просчет Черчилля и Рузвельта, вероятно, заключался в том, что они были не единственными, кто составлял психограмму сильных и слабых сторон партнеров по переговорам.

Еще одним важнейшим аспектом этих саммитов было заключение сделок. Самая печально известная и спорная из них была заключена в Москве в октябре 1944 г., когда Черчилль набросал свои предложения по разделу сфер британского и советского влияния на Балканах: 90% влияния Великобритании в Греции, обратная ситуация в Германии и так далее. Сталин предложил Черчиллю оставить клочок бумаги себе — в его архивах копии найдено не было. И хотя Черчилль ссылаясь на соглашение о процентах влияния в своей переписке со Сталиным, советский лидер никогда не признавал его силы.

После смерти Сталина Черчилль рассматривал октябрьский саммит 1944 г. в качестве удачного прецедента для возможных будущих встреч с советскими руководителями. 7 мая 1953 г. он писал американскому президенту: «Согласно моему опыту общения с этими людьми во время войны, мы добьемся большего на их территории, если отправимся в гости к советским представителям, и проиграем, попытаюсь обхаживать их у себя. Именно так было, когда мы с Энтони (Иденом) провели ночь в Москве в октябре 1944 г.». «Я убежден, — добавил Черчилль, — что двигать ими будут интересы, а не идеологические догмы» [The Churchill-Eisenhower... p. 50–51].

Черчилль неоднократно выражал восхищение стоившими огромных жертв успехами Красной армии в борьбе с вермахтом. Он осознавал, что 70% потерь немецкой армии были делом рук советских сил. В августе 1942 г. Сталин сказал Черчиллю, что коллективизация была для СССР «страшной борьбой», а война с кулаками длилась четыре года — гораздо дольше, чем продолжалась к тому времени война с немцами. Черчилль ответил тогда, что в будущем судьба кулаков будет забыта, поскольку «родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина». В любом случае, писал Черчилль в мемуарах, «в условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух» [См. Churchill Memoirs... p. 633–634].

Бездушное отношение Сталина к человеческой жизни Черчиллю как представителю власти было знакомо. В 1944 г. он сам фактически обрек на смерть бесчисленное число бенгальских крестьян, перенаправив предназначавшееся им продовольствие и транс-

порт для его доставки на обеспечение войск, сражавшихся с Японией¹. Когда в 1943 г. была опубликована немецкая версия событий в Катыни, Черчилль заявил Гарольду Никольсону: «Чем меньше об этом будет говориться, тем лучше», — и заверил советского посла Майского: «Даже если правота немецких утверждений будет доказана, мое отношение к вам не изменится. Вы отважный народ, а Сталин — выдающийся воин». Приоритетной задачей для британского премьера было «победить общего врага как можно скорее» [См. Roberts, Churchill: Walking with Destiny... p. 775]. Черчилль неоднократно воздавал должное масштабу советских военных усилий и огромной цене войны на Восточном фронте, оплаченной миллионами человеческих жизней. Он даже укорял Эйзенхауэра за его обеспокоенность рисками для англо-американских сил в связи с размещением на Сицилии накануне вторжения союзников двух дополнительных немецких дивизий: «Что бы сказал на это Сталин, когда на его фронте действуют 185 немецких дивизий?» [См. Roberts, Churchill: Walking with Destiny... p. 775].

Во время встречи в Ялте, когда Черчилль представил членов своей делегации, Сталин предложил фельдмаршалу Гарольду Александру, доложившему военную обстановку в Италии, перенаправить британские силы в Югославию и далее, чтобы они смогли встретиться с Красной армией под Веной. Черчилль заметил на это, что «Красная армия может не дать нам времени завершить эту операцию» [См. Preston, p. 115].

Если Черчилль в частном порядке уже начинал задаваться вопросом о том, остановятся ли войска Сталина в своем продвижении на Запад, Сталина преследовал страх сепаратного мира между Западом и Гитлером. Черчилль довольно быстро осознал, что второму пакту Молотова-Риббентропа не бывать, однако отдавал себе отчет в страхах Кремля, в то время как Гитлер надеялся на развал коалиции до безоговорочной капитуляции Германии. Когда было получено предложение Гимmlера о капитуляции перед западными союзниками, но не перед Красной армией, у Трумэна состоялся телефонный разговор с Черчиллем по специальной межатлантической телефонной линии. Британский премьер-министр настаивал на том, что немецкие войска должны сдать одновременно всем трем союзникам. Трумэн ответил: «Все верно. Я думаю точно так же». Американский президент проинформировал Сталина о предложении Гимmlера и об отказе от него Англии и Америки [См. McCullough, p. 379–380].

Пренебрежительное отношение к России было обычным явлением как в окружении Черчилля, так и среди официальных лиц других государств. Черчилль и сам был антикоммунистом до мозга костей, однако понимание, что Сталин ставит практические интересы России выше идеологических задач, привело британского премьера к мысли о возможности заключить с советским лидером сделку. Гитлер был готов скорее увидеть разгром Германии, чем отказаться от своих фанатичных убеждений. Сталин же в конечном итоге пошел на компромисс даже с Богом, ослабив хватку

¹ Западные историки подчеркивают ответственность Сталина за колоссальные человеческие страдания, однако закрывают глаза на готовность Черчилля пожертвовать мирными жителями ради блага империи. Например, Дж. Бест уделяет должное внимание первопроходству Черчилля в вопросах разрядки между Западом и Востоком, однако о голоде в Бенгалии даже не упоминает [Best].

в отношении религии и предоставив церкви законный статус, в котором до войны ей было отказано.

В коммунистической Польше слово «Ялта» было ругательным, а на Западе в период холодной войны использовалось для обозначения новой политики умиротворения. Но какова была альтернатива сценарию, в котором великие державы по своей воле определили границы стран Центральной и Восточной Европы, освобожденных Красной армией от нацистов и их пособников? Единственной альтернативой было — позволить хвосту вилять собакой. Вспомним, что до 1939 г. для восточноевропейских стран (за исключением Чехословакии и Югославии) была характерна сильная русофобия, и местные антикоммунистические силы легко согласились на пособничество Гитлеру (за исключением Польши). Сегодня антироссийская риторика в большинстве стран, именуемых после 1991 г. «новой Европой», отбросила следы антикоммунизма и стала откровенно шовинистической. Однако на исходе войны Черчилль был увлечен идеей примирить непримиримое, добившись одновременно безопасности для послевоенного СССР и восстановления независимости для малых государств¹.

К ужасу Идена, Черчилль заявил, что «скорее согласен с маршалом Сталиным в том, что права малых государств должны быть защищены, однако они не должны иметь права голоса в обсуждении важнейших вопросов» [Цит. по: Preston, p. 126]. Рузвельт играл на укоренившемся недоверии Сталина по отношению к Черчиллю как к империалисту и противнику коммунизма, а советский лидер ловко позволял американскому и британскому лидерам обращаться к нему как к арбитру в собственных спорах. Черчилль осознавал, что Рузвельт пытался добиться расположения Сталина в ущерб Британии. В 1943 г. в Тегеране Рузвельт разместился в здании советского посольства вместе со Сталиным и встречался с советским лидером наедине, без Черчилля, подпитывая подозрения Сталина в отношении намерений британцев отложить высадку союзников в Нормандии и сосредоточить усилия на Балканах. Черчилль лично встречался со Сталиным, чтобы опровергнуть это [См. Churchill Memoirs, p. 763].

В основе заключенного в октябре 1944 г. так называемого соглашения о процентах лежало беспокойство Черчилля в отношении будущего Балкан. Инициатива принадлежала Черчиллю, а Сталин, без сомнения, считал неуместным фиксировать подобное предложение в письменном виде — при этом оригинал документа, похоже, не сохранился.

Эта встреча в октябре 1944 г. проходила без участия Рузвельта, однако дух его витал вокруг Черчилля и Сталина. Именно Черчилль, хотя и был самым старшим по возрасту, гораздо чаще других членов «большой тройки» садился в самолет ради того, чтобы добиться расположения двух своих могущественных союзников. На чье-то замечание,

¹ Поражает спокойное отношение Запада к ностальгии по коллаборационистам в странах Балтии или на Украине, тогда как любой намек на возрождение фашизма в Западной Европе вызывает возмущение и осуждение. При этом пышные мемориалы членам СС, соответствующие музеи в Прибалтике или регулярные торжественные открытия памятников украинским коллаборационистам проходят для западных СМИ незамеченными.

что лидеры трех союзных держав напоминают Святую Троицу, Сталин ответил: «Если это так, то Черчилль, должно быть, Святой Дух, потому что он много летает» [Цит. по: *The Kremlin Letters...* p. 7]. Действительно, Черчилль считал эти трудные и порой опасные перелеты лучшим способом сохранить антигитлеровскую коалицию в целостности и заклеить трещины, способные сыграть на руку общему врагу¹.

Черчилль, кстати, отнесся к соглашению о процентах влияния серьезно. В конце апреля 1945 г. в письме Сталину он выразил разочарование политикой Тито в недавно освобожденной Югославии по отношению к представителям роялистов из Лондона, а также тем, как Тито вместе с Румынией и Болгарией при поддержке находившихся в регионе советских военных отнеслись к британским интересам. «Нам не нравится терпеть от ваших подчиненных в этих странах обращение, столь отличное от того доброго отношения, которое мы в верхах всегда видели с вашей стороны», — сообщил Черчилль Сталину [Цит. по: *Plokhy*, p. 380].

Разочарование, вызванное возникшей сразу после войны напряженностью, не заставило Черчилля отказаться от стремления к контактам и решению проблем по модели, действовавшей в годы войны. Даже в своей фултонской речи 1946 г. Черчилль намекал на возможность преодолеть раскол между Востоком и Западом посредством саммита. Как напомнил он слушателям, в числе которых был и президент Трумэн, «британцы заключили договор о сотрудничестве и взаимопомощи с Советской Россией сроком на 20 лет, и я вполне согласен с господином Бевином, министром иностранных дел Великобритании, что срок действия этого договора может быть продлен до 50 лет — мы, по крайней мере, готовы на это. Нашей единственной целью в таких договорах являются взаимопомощь и сотрудничество». Он даже предложил идею создания военно-воздушных сил ООН с привлечением всех членов Совета Безопасности, разумеется, включая и Советский Союз [*The Sineews...*]. В Фултоне Черчилль подчеркнул: «Я лично восхищаюсь героическим русским народом и с большим уважением отношусь к моему товарищу по военному времени маршалу Сталину. В Британии — как, я не сомневаюсь, и у вас в Америке тоже — с глубокой симпатией и искренним расположением относятся ко всем народам всех Россий. Невзирая на многочисленные разногласия с русскими и возникающие в связи с этим проблемы всяческого рода, мы намерены и в дальнейшем укреплять с ними дружеские отношения. Нам понятно желание русских обезопасить свои западные границы и тем самым устранить возможность новой германской агрессии. Мы рады тому, что Россия заняла принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира. Мы рады видеть ее флаг на широких просторах морей. А главное, мы рады, что связи между русским народом и нашими двумя родственными народами по обе стороны Атлантики приобретают все более регулярный и прочный характер»².

1 О регулярных подъемах температуры и малых инсультах, которые случались у Черчилля в этих длительных перелетах на примитивных переоборудованных бомбардировщиках см. работу Дж. Беста [*Best*, p. 191].

2 Вряд ли Сталин приветствовал высказанную Черчиллем идею расширения связей между Востоком и Западом вплоть до уровня контактов между обычными людьми, учитывая, что советская культура все больше склонялась к навязанному ей самоизоляции и ждановщине.

Конечно, Черчилль испытывал отвращение к коммунизму, и заглавие его речи о «железном занавесе» не вводило в заблуждение, однако при всей яростной критике репрессивной политики Сталина и его последователей в отношении Восточной Европы Черчилль разбавлял подозрения, основанные на прямых контактах с советскими лидерами, призывами не исключать возобновления сотрудничества. Стоит помнить слова Черчилля, которыми он фактически отверг классическую логику державной политики: «Общаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришел к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную. Поэтому мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил». Вместо этого он призвал западных союзников к «искренней приверженности принципам, заложенным в Уставе Организации Объединенных Наций».

Приверженец политики умиротворения, занимавший тогда пост британского посла в Вашингтоне, лорд Галифакс приветствовал осуждение советской политики Черчиллем, назвав его речь «сильнейшей встряской для американских представлений после окончания войны», однако не был согласен с призывом Черчилля к переговорам Англии и США со Сталиным [См. Larres, p. 109].

В свою очередь, Черчилль настоятельно рекомендовал западным лидерам использовать американскую монополию на обладание ядерным оружием как преимущество в переговорах с Кремлем. Даже после того, как Советский Союз в 1949 г. испытал собственную атомную бомбу, Черчилль утверждал, что первенство США дает им возможность вести переговоры со Сталиным с позиции силы, пока опасность взаимного уничтожения еще остается делом будущего. Ни Г. Трумэн, ни К. Эттли не были согласны с Черчиллем [См. Larres, p. 128].

Победа Лейбористской партии на всеобщих выборах в июле 1945 г. сделала позицию Британии по отношению к Советскому Союзу более непримиримой. Черчилль и даже Иден выстраивали отношения с СССР, руководствуясь принципами прагматизма. Лейбористские лидеры, такие как новый министр иностранных дел Эрнест Бевин, долгие годы упражнялись в политическом армрестлинге с коммунистами — в профсоюзном движении и местной политике. В Сталине с Молотовым они видели международный аналог своих, британских оппонентов-коммунистов. Поэтому лейбористы легче приняли поворот в сторону холодной войны и охотно поддерживали все более жесткую линию Вашингтона в отношении СССР, на смягчение которой надеялся Черчилль, чередуя предложения о переговорах с призывами к военной готовности.

Готовность Черчилля попытаться наладить диалог со Сталиным в условиях нарастающей холодной войны пришлось не по душе его бывшему заместителю Клементу Эттли, несмотря на эффективную совместную работу двух политиков в военный период. Эттли поддержал позицию США, заключавшуюся в решительном отказе от переговоров со Сталиным. Только после своего ухода от власти и смерти советского лидера, в марте 1954 г., Эттли предложил начать переговоры с СССР ради снижения риска атомной войны [См. Larres, p. 122]. Перемена в позиции, вероятно, объяснялась освобождением Эттли, после его отхода от государственных дел, от влияния верхушки Форин офиса.

Теперь эти несменяемые чиновники занялись ведением бюрократической партизанской войны с преемником Эттли — Уинстоном Черчиллем.

Возвращение Черчилля на Даунинг-стрит в 1951 г. произошло на фоне нарастания напряженности, вызванного войной в Корее и потрясением от создания Советским Союзом атомной бомбы. Тем не менее Черчилль не отказался от идеи встречи со Сталиным. Администрация Трумэна же решительно отказывалась от любого варианта саммита с участием советского руководства. В январе 1953 г., за две недели до вступления в должность новоизбранного президента США Д. Эйзенхауэра, Черчилль встретился с ним в Нью-Йорке. Когда Черчилль предложил Эйзенхауэру начать президентский срок с переговоров со Сталиным, тот отреагировал вежливо, но в своем дневнике с сарказмом писал, что Черчилль «желал вновь пережить те дни Второй мировой войны, [когда] он с упоением ощущал себя восседающим, рядом с нашим президентом, на вершине своего рода Олимпа... и вершащим оттуда мировые дела» [Цит. по: Doran, p. 5].

Черчилль первым выступил за переход к политике разрядки между Западом и Востоком, однако его предложения о встрече между президентом Эйзенхауэром и тройкой советских лидеров первых послесталинских лет были отвергнуты как американскими союзниками, так и Кремлем, где не доверяли Черчиллю, видя в нем империалиста и родоначальника холодной войны [Larres, p. xvi]. Посольство США в Лондоне предупредило Госдепартамент о «настойчивом желании» Черчилля встретиться с новым советским руководством. Черчилль взял на вооружение слова Маленкова о «мирном сосуществовании», произнесенные им на похоронах Сталина. Американцы предполагали, что преемники Сталина продолжат его курс, и игнорировали любые признаки перемен в советской политике, включая амнистию политических заключенных и отказ от требования Сталина к британскому и американскому посольствам переместить свои штаб-квартиры из центра Москвы на окраины столицы [Larres, p. 191–192].

11 мая 1953 г. Черчилль заявил в своем выступлении в Палате общин: «Думаю, было бы ошибкой считать, что ни один вопрос не может быть улажен с Советской Россией, если или пока не улажены все вопросы... Я убежден, что конференция на высшем уровне между ведущими державами должна состояться без промедления». При этом премьер-министр указал на главные, по его мнению, препятствия к успеху саммита: «Такая конференция не должна быть перегружена тяжеловесной или непреклонной повесткой, а результатом ее не должны стать путаница и дебри технических деталей, рьяно оспариваемых пулом экспертов и чиновников...». Черчилль признавал невозможность достижения «твердых договоренностей», однако, поскольку угроза ядерной войны рисовала как народам, так и их лидерам перспективу уничтожения, считал, что «в худшем случае участники могли бы установить более близкие личные контакты», а «в лучшем случае мы бы могли дать мирную жизнь целому поколению» [Цит. по: Best, p. 294–295].

Оппозицию внутри британского правительства возглавлял высший чин Форин офиса Уильям Стрэнг. На его отношение к советской системе наложили отпечаток годы службы в британском посольстве в Москве во времена коллективизации и процесса над сотрудниками компании Metropolitan-Vickers. Взгляды Стрэнга на дипломатические

контакты с СССР определялись главным образом его враждебностью к советской идеологии. Подобно своим советским коллегам, он переписал историю собственной карьеры и вспоминал о своем якобы полном неприятии Мюнхенского соглашения, называя его теперь «катастрофой» и приписывая все печально известные фразы из составленного им публичного заявления 1938 г. редакторской руке Чемберлена [См. Reynolds, p. 88]. Годом позже Стрэнг прославился необычным для карьерного бюрократа МИД образом, проявив примечательную медлительность в вопросе переговоров с СССР летом 1939 г. Срыв этих переговоров, отвечавший ожиданиям Чемберлена¹, не помешал продвижению Стрэнга по службе: в 1953 г. он стал постоянным заместителем министра, то есть занял высший чиновный пост в дипломатическом ведомстве. Сохраняя непоколебимый скептицизм в отношении целесообразности переговоров с коммунистическими лидерами, Стрэнг играл теперь на нежелании министра Идена оказаться «на посылках» у Черчилля.

Имевшийся у Стрэнга опыт прямого общения с советским руководством обеспечил ему авторитет среди противников плана Черчилля возобновить встречи в верхах после его возвращения к власти в 1951 г., [Larres, p. 194]. Так, Стрэнг вспоминал, что «из всех диктаторов Сталин в личном общении более всех был похож на нормального человека. Когда мы видели его на конференции... его голос звучал негромко и ровно, поведение было спокойным, речь — некатегоричной. Он проявлял слегка игривое чувство юмора, его высказывания были емкими по форме, примирительными по тону, но непреклонными по содержанию. Он был как скала, и от этого его положение казалось более прочным, чем у его соперников-диктаторов» [Цит. по: Kotkin, p. 648]. Возможно, Стрэнг был прав, считая Сталина гораздо более трудным партнером по переговорам, чем Гитлер. Однако его нежелание возобновить переговоры с СССР не способствовало снижению риска превращения холодной войны в «горячую».

Высшая бюрократия британского МИД хорошо умела играть на соперничестве своих выборных политических руководителей. Иден был возмущен вмешательством Черчилля в международные дела, находившиеся в его ведении, и фактически часто ожесточенно вел свою собственную холодную войну против инициатив премьер-министра. При этом Идену не оставалось ничего другого, кроме как равняться на неуступчивых американцев, к которым в прочих случаях он склонен был испытывать недоверие из-за их антиколониальных позиций — что и привело его к краху в 1956 г., когда он бросил вызов Эйзенхауэру и Даллесу, начав операцию в Суэцком канале, завершившуюся капитуляцией перед Вашингтоном.

Вернувшись из Америки в 1954 г., Черчилль столкнулся с бунтом ряда членов своего кабинета. Они протестовали против телеграммы, в которой премьер-министр изложил принципиальное согласие на встречу с советским руководством и которая была отправлена в Москву без консультаций с кем-либо, кроме Идена. На практике желание

1 Еще 2 июля 1939 г. Чемберлен писал сестре: «Я настолько скептически отношусь к ценности российской помощи, что не думаю, что наше положение существенно ухудшится, если придется обходиться без нее» [См. Kotkin, p. 648].

Черчилля встретиться с Г.М. Маленковым за пределами СССР — где-нибудь в Европе — привело к тому, что советское руководство, глубоко погрузившееся во внутреннюю борьбу за власть с перспективой отстранения Маленкова, замяло предложение о саммите [Graaf].

Спустя 75 лет после Ялтинской конференции на Западе вновь продвигаются стереотипы времен холодной войны, представлявшие ялтинские договоренности новым Мюнхенским сговором. Более тонкий — и временами сугубо реалистичный — подход Черчилля, признававшего необходимость сотрудничества с Советским Союзом, в том числе после победы над нацистской Осью зла, по большей части оказался забыт.

Грешные западные лидеры иногда оказывались более достойными наследия Черчилля, чем нравственно безупречные, но политически негибкие. Почти через 40 лет после Ялты, как и в наши дни, президенты США следовали практике Чемберлена по отстранению собственных госсекретарей и ведению переговоров с лидерами открыто враждебных режимов лицом к лицу. Так, госсекретарю Ричарда Никсона Уильяму Роджерсу было позволено сопровождать американскую делегацию в Китай, но не разрешено участвовать в переговорах президента с Мао — в отличие от советника по национальной безопасности Генри Киссинджера, чьи тайные (скрывааемые от Роджерса) переговоры и проложили путь к проведению беспрецедентного американско-китайского саммита 1972 г. А 9 марта 2018 г., спустя всего несколько часов после того, как госсекретарь Рекс Тиллерсон заявил, что говорить о саммите между президентом Трампом и лидером КНДР Ким Чен Ыном преждевременно, США объявили об уже запланированной встрече! [См.: Smith-Spark, McKirdy]. Перефразируя слова Чжоу Эньлая о Французской революции, судить о значении этих американско-восточноазиатских саммитов еще слишком рано, однако сомневаться в их важности не приходится. Кто усомнится в том, что согласие с черчиллевским принципом «лучше разговаривать, чем воевать» — как он призывал в своей речи 26 июня 1954 г. в Белом доме — было более мудрым решением? Сегодня Черчилль определенно не побоялся бы взаимодействовать с конкурентами западных стран — он счел бы это долгом государственного деятеля.

Литература

- Berridge G.R.* Diplomacy: Theory and Practice fifth edition. Basingstoke. 2015.
- Best G.* Churchill: A Study in Greatness. new edition. London. 2002.
- The Churchill-Eisenhower Correspondence / Ed. Peter Boyle. 1953–1955.
- Churchill W.* Memoirs of the Second World War. N.Y. 1987
- Craig G.A.* The Professional Diplomat and His Problems, 1919–1939 // World Politics. 1952. Vol. 4. №. 2. P. 146.
- Dilks D.* The Twilight War and the Fall of France: Chamberlain and Churchill in 1940 // TRHS 5th series 28. 1978. Pp. 84–85.
- Dobson A.* Churchill's Cold War. The Search for a Summit Meeting // Diplomatic History. 2005. Vol. 29. Issue 1. P. 203.
- Faber D.* Speaking for England: Leo, Julian and John Amery — The Tragedy of a Political Family. London. 2005.

- Goldstein E.* Neville Chamberlain, the British official mind and the Munich Crisis // *Diplomacy & Statecraft*. 10:2–3. 1999. Pp. 276–292.
- Graaf P.* Diaries reveal cabinet revolt against Churchill // *Reuters*. 01.11.2007. — URL: reuters.com/article/idUSIndia-30265120071101 (date of access: 30/04/2020).
- Kotkin S.* *Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941*. London. 2017.
- The Kremlin Letters: Stalin's Wartime Correspondence with Churchill and Roosevelt* / Ed/ Reynolds D., Pechatnov V. New Haven. 2018.
- Larres K.* *Churchill's Cold War: The Politics of Personal Diplomacy* second edition. New Haven. 2002.
- McCullough D.* *Truman*. N.Y. 1992.
- Melissen J.* Summit Diplomacy Coming of Age. Discussion Papers in Diplomacy. Clingendael. May, 2003. — URL: peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/Clingendael_20030500_cli_paper_dip_issue86.pdf (date of access: 30/04/2020).
- Plokhy S.M.* *Yalta, the Price of Peace*. London. 2010.
- Preston D.* *Eight Days at Yalta: How Churchill, Roosevelt and Stalin Shaped the Post-War World*. N.York. 2020.
- Prime Minister Chamberlain, House of Commons, October 5, 1938 // *The British Parliamentary Debate on the Munich Agreement*. — URL: mtholyoke.edu/acad/intrel/munich.htm (date of access: 30/04/2020).
- Resis A.* The Churchill-Stalin Secret 'Percentages' Agreement on the Balkans, Moscow, October, 1944 // *American Historical Review*. 83:2. 1978. Pp. 368–87.
- Reynolds D.* *Summits. Six Summits that Shaped the Twentieth Century*. N.Y. 2007.
- Rhodes J. R.* *Churchill: A Study in Failure, 1900–1939*. Harmondsworth. 1973.
- Roberts A.* *Churchill: Walking with Destiny*. N.Y. 2018.
- Roberts A.* *The Holy Fox: The Life of Lord Halifax* new edition. London. 2019.
- The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech')* // *International Churchill Society*. — URL: winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/ (date of access: 30/04/2020).
- Smith-Spark L., McKirdy E.* Tillerson changes tune after Trump accepts meeting with North Korea's Kim // *CNN*. 09.03.2018. — URL: edition.cnn.com/2018/03/09/politics/trump-kim-jong-un-north-korea-tillerson-intl/index.html (date of access: 30/04/2020).
- William Rogers: obituary // *The Daily Telegraph*. 08.01.2001ю — URL: telegraph.co.uk/news/obituaries/1313706/William-Rogers.html (date of access: 30/04/2020).
- Young J.* Churchill's Bid for Peace with Moscow, 1954 // *History*. 73:239. 1988. Pp. 425–448.

Перевод с английского Дарьи Карпухиной.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-124-127

УДК 32; 93; 94

ЖАК ОГАР

75 лет спустя: что стало с принципами Ялты?

Аннотация. Одна из главных целей встречи «большой тройки» в Ялте заключалась в том, чтобы гарантировать долгосрочную стабильность послевоенного мирового порядка. Подводя итоги, нельзя не признать: мир на протяжении 75 лет не раз становился ареной конфликтов, но его удавалось защитить от наихудшей катастрофы — третьей мировой войны. И хотя «ялтинский порядок» небезосновательно критиковали за своего рода «раздел мира» между СССР и англосаксонскими державами, он был более уважителен к национальным государствам, их идентичности и независимости, нежели новый глобалистский порядок, идущий ему на смену. Сегодня необходимо вернуться к духу Ялты, к ее определенным ключевым принципам, с тем чтобы была принята концепция многополярного мира — на основе реализма и уважения суверенитета, идентичностей, национальных государств.

Ключевые слова: встреча в Ялте, наследие Ялты, принципы Ялты, мировой порядок, конфликты, глобалистский порядок, суверенитет, идентичность, национальные государства.

В каком состоянии находится наследие Ялты сегодня? Другими словами: что осталось от принципов, на основе которых И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль намеревались восстановить мир во всем мире после краха нацизма? Какие выводы можем сделать мы, живущие в современном, столь нестабильном и незащищенном мире?

Цель встречи трех сильных мира сего заключалась не только в разработке мер, способных ускорить окончание войны, жертвами которой стали более 60 млн человек, и не только в начертании контуров будущей Европы, сколь бы остро ни стоял тогда этот вопрос. Свою главную задачу они видели в том, чтобы в долгосрочной перспективе гарантировать стабильность нового мирового порядка, который предстояло установить после общей победы над нацистской Германией.

Так возникла идея Организации Объединенных Наций и были созданы международные структуры, призванные гарантировать мир. Подводя сегодня итоги, надо признать: на протяжении 75 лет и до настоящего момента мир удавалось защитить от страшной

Сведения об авторе: ОГАР Жак (HOGARD Jacques) — французский политический аналитик, полковник вооруженных сил Франции в отставке, президент группы ЕРЕЕ — компании по консалтингу в сфере стратегической разведки и внешнеэкономической деятельности (Париж), jacques.hogard@epee.fr.

катастрофы — Третьей мировой войны, вероятно, атомной войны. При этом возникали и продолжают возникать конфликты — барьеры на пути, по которому нам необходимо продолжать идти со всей возможной осторожностью, бдительностью и смирением.

За эти 75 лет тяжелые испытания и страдания выпали на долю практически всех частей света: Африки, Ближнего Востока, Азии, Центральной и Южной Америки и даже Европы, где под бомбежками западных держав (США, Германии) и, можно сказать, при соучастии Европейского союза в 1992–1999 гг. в драматических условиях распалась Югославия. Все это происходило без оглядки на международное право, радостно попранное странами, до сих пор выступающими в его защиту и считающими себя его главными гарантами.

Я лично, будучи офицером Французского Иностранного легиона, а затем французских сил специального назначения, участвовал во многих кризисных ситуациях в Африке, а позднее и на Балканах [*Hogard Les larmes... Hogard L'Europe...*]. Я стал свидетелем бессилия ООН, оказавшейся неспособной предотвращать конфликты, восстанавливать или поддерживать мир, как это было в Руанде¹ в 1994 г. или в Сомали в 1992–1993 гг. И это лишь единичные вопиющие примеры в ряду множества других. Можно вспомнить о других жестоких конфликтах в Юго-Восточной Азии, на южноамериканском континенте, в Африке. Взять хотя бы кошмарные события в Бельгийском Конго [Paunet], начавшиеся в 1960-е годы и продолжившиеся позднее... И в этом, и в других случаях Организация Объединенных Наций, увы, оказывалась бессильна.

Говоря о более близких нам примерах, стоит вспомнить об агрессии сил НАТО против Сербии, предпринятой в 1999 г. без санкции ООН — так же, как и вторжение в Ирак в 2003 г. Иногда в ход шли более изощренные и хитроумные методы, как в Ливии, когда мы воспользовались разрешением ООН на создание бесполетной зоны в гуманитарных целях, чтобы «избежать кровавой бани», обещанной ливийским лидером протестующим в Бенгази. В конечном счете в 2011 г. мы устранили его крайне жестоким образом и тем самым спровоцировали настоящий хаос, продолжающийся по сей день не только в Ливии, но и во всем регионе Сахель, который находится в состоянии перманентной нестабильности по вине западных держав (США, Великобритании и Франции). Следствием этого стали и процессы тотального распада, охватившие в настоящее время страны «сахельской пятерки» (Чад, Нигер, Мали, Буркина-Фасо и Мавритания).

Когда мы видим, что некоторые резолюции ООН не соблюдаются даже голосовавшими за них членами Совета Безопасности, это наводит на серьезные размышления. Возьмем, к примеру, резолюцию № 1244 по Косово. Эта резолюция обеспечивает основу для урегулирования конфликта в Косово и вокруг него, разрешая

¹ Речь идет о ужасающем геноциде этнического меньшинства тутси (апрель-июнь 1994), начавшемся в Руанде после убийства 6 апреля 1994 г. Руандийским патриотическим фронтом (повстанческой организацией тутси) принадлежащих к народности хуту президентов Руанды и Бурунди, после четырех лет гражданской и международной войны в этой центральноафриканской стране.

присутствие там международного гражданского и военного контингента, которое обеспечило бы деятельность международной переходной администрации и безопасность, в целях наблюдения за возвращением беженцев и выводом вооруженных сил из Косово. Но в резолюции также говорится, что Косово является неотъемлемой частью Союзной Республики Югославии, наследницей которой является Республика Сербия!

Как обстоят дела с ее применением сейчас, выполняются ли ее предписания? Вместо восстановления суверенитета сербского государства, неотъемлемой частью которого является этот край, западные страны в 2008 г. дали свое благословение на его так называемую независимость, нарушив основополагающий принцип международного права и создав таким образом серьезнейший прецедент. Это вопиюще несправедливое решение привело к этническим чисткам сербов в крае, который был колыбелью их истории, культуры и духовной жизни.

Как справедливо писал бывший посол Франции в России Жан де Глиниасты в своей опубликованной в 2017 г. книге «Дипломатия под угрозой “ценностей”», «Запад присвоил себе, в политическом и военном отношении, роль международного заступника гонимых народов и жертв конфликтов, защитника универсальных прав и империалиста — покровителя демократии» [Gliniasty, с. 39].

Новый глобалистский порядок, идущий рука об руку с прогрессирующим разрушением идентичности европейских наций, отказом от их цивилизационных ценностей, забвением или даже отрицанием их греческих и римских корней, преобразенных христианской верой, постепенно заменяет собой более гармоничный и более уважительный к национальным государствам, их идентичности и независимости порядку, установить который стремились участники Ялтинской конференции. Даже если тот порядок небезосновательно критиковали за своего рода «раздел мира» между Советским Союзом и англосаксонскими державами!

Когда некоторые государства в обход Совета Безопасности присваивают себе право вводить жесткие санкции, несущие не только серьезнейшие социально-экономические, но и дипломатические, политические — а завтра, возможно, и военные — последствия, против других суверенных государств с отличными интересами и политикой, это повод для серьезного беспокойства.

Разумеется, я имею в виду санкции со стороны Соединенных Штатов Америки — но также и со стороны Европейского союза, самого настоящего прислужника США (!) — с целью оказать давление на Россию в контексте украинского кризиса, спровоцированного, однако, американским вмешательством во внутренние дела Украины. Разумеется, я также имею в виду санкции Соединенных Штатов Америки против Ирана, великой азиатской страны, не намеренной подчиняться американскому диктату, и другие действия вплоть до убийства на иракской земле высокопоставленного иранского государственного деятеля, генерала Сулеймани [Férey] совершенное без каких-либо полномочий, помимо выданных самим себе.

О беспорядках в мире, причиной которых, по большей части, стал постепенный но явный отход от принципов Ялты, можно говорить долго. США продолжают рассматривать мир с империалистических позиций, руководствуясь исключительно собственной выгодой. Они желают видеть мир однополярным, а сами играть в нем роль неоспоримого всемирного полицейского. «Экстерриториальный принцип применения американского права» [Eraud] — прекрасный пример этого империалистического подхода, нарушающего все нормы международного законодательства.

Сохранить мир и стабильность — ценнейшие, но хрупкие достояния, — удастся лишь при условии, если мы отбросим наивные представления и будем исходить из реалистичного и прагматичного понимания планетарных процессов. Совершенно необходимо вернуться к определенным ключевым принципам Ялты, по меньшей мере, к духу Ялты, с тем чтобы всеми была принята концепция многополярного мира — на основе уважения к суверенитету, идентичностям, национальным государствам.

Литература

- Eraud D.* Extraterritorialité : quand le droit devient un instrument de puissance // La Tribune. 03.11.2016.
- Férey A.* L'assassinat du général iranien Qassem Suleimani enterre un peu plus le droit international // Libération. 07.01.2020.
- Gliniasty J. de.* La diplomatie au péril des «valeurs» : Pourquoi nous avons eu tout faux avec Trump, Poutine et d'autres...». Paris. 2017.
- Hogard J.* L'Europe est morte à Pristina, guerre au Kosovo, printemps-été 1999. Paris. 2014.
- Hogard J.* Les larmes de l'honneur, 60 jours dans la tourmente du Rwanda, été 1994. Paris. 2016.
- Paunet M.* Les Nations Unies ont-elles failli dans leur mission au Congo? // Le Monde Diplomatique. Octobre. 1967.

Перевод с английского Дарьи Карпухиной.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-128-132
УДК 327; 341; 94

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВ

Крымская конференция и Нюрнбергский процесс: уроки истории

АЛЕКСАНДРОВ Алексей Иванович — профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного университета, член Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, член президиума Ассоциации юристов России, доктор юридических наук.

Аннотация. В число вопросов послевоенного мироустройства, обсуждавшихся на Крымской конференции в феврале 1945 г., входила оценка преступлений против человечности, совершенным фашистским режимом. Наряду с идеей полноценного судебного процесса, которую отстаивало советское руководство, в Ялте рассматривались и другие варианты — от «усеченного» судопроизводства до внесудебной казни гитлеровской верхушки, предлагавшейся У. Черчиллем, но отвергнутой И. Сталиным и Ф. Рузвельтом. Ялтинскую встречу трех мировых лидеров можно с полным основанием считать прологом будущего Нюрнбергского процесса над военными преступниками фашистской Германии и самой идеологией фашизма, который прошел с соблюдением самых высоких мировых стандартов юриспруденции.

Ключевые слова: Крымская конференция, Нюрнбергский процесс, военные преступления, преступления против мира и человечности, фашистская Германия, Международный военный трибунал.

В февральские дни 75 лет назад состоялась Крымская конференция лидеров СССР, США и Великобритании, в ходе которой Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль обсуждали важнейшие вопросы послевоенного мироустройства. Нужно было продумать механизм, позволявший предотвращать развязывание агрессивных войн в будущем, и дать принципиальную оценку преступлениям против человечности, совершенным фашистским режимом. Ялтинскую встречу мировых лидеров можно с полным основанием считать прологом будущего Суда народов над главными военными преступниками фашистской Германии и самой идеологией фашизма, вошедшего в Историю как Нюрнбергский процесс.

Между тем судебный процесс над руководством нацистской Германии мог и не состояться, поскольку имелись существенные трудности: от отсутствия международно-правовой базы до нежелания отдельных западных политиков предавать гласности некоторые неудобные темы, связанные, например, с укреплением Германии в довоенный период или бомбардировкой союзниками города Дрездена. Поэтому наряду с идеей

полноценного судебного процесса, которую отстаивало руководство Советского Союза, обсуждались в Ялте и другие варианты: от «усеченного» судопроизводства, в ходе которого подсудимые будут лишены права голоса, до предлагавшейся У. Черчиллем еще с 1942 г. казни фашистской верхушки вообще без суда.

Кстати, идея внесудебной расправы над побежденным врагом имела тогда в мире немало сторонников. Характерным можно считать высказывание британского лорда-канцлера Джона Саймона: «Я глубоко убежден, что проведение судебного процесса, признание виновности и вынесение судебного приговора весьма неуместно для таких известных главарей, как Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс и Риббентроп. Помимо значительных трудностей, связанных с учреждением суда, формулировкой обвинения и сбором доказательств, вопрос определения их судьбы является политическим, а не юридическим. Нельзя возлагать на судей, какими бы знаменитыми или компетентными они ни были, окончательное решение по делу, имеющему большое общественно-политическое значение» [Цит. по: Тарабрин].

Александр Звягинцев, опираясь на результаты социологического опроса 1945 г., привел следующие любопытные данные: «67% граждан США выступали за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Англичане также горели жадой мести и, по замечанию одного из политиков, были в состоянии обсуждать лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок» [Звягинцев Нюрнбергский...].

Однако в ходе Крымской конференции И. Сталин и Ф. Рузвельт не поддержали предложенный У. Черчиллем вариант, сочтя предпочтительным судебный процесс. Руководство СССР, по справедливой оценке А.Г. Звягинцева, «оказалось гораздо дальновиднее и мудрее многих западных политиков, выступив за юридическую процедуру наказания военных преступников. Когда Черчилль пытался навязать Сталину свое мнение, тот твердо возразил: «Что бы ни произошло, на это должно быть... соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!» [Звягинцев Нюрнбергский...].

Сергей Филатов, ссылаясь на недавнюю публикацию британской «Гардиан», объясняет позицию У. Черчилля тем, что вся предвоенная политика ведущих западных стран была направлена на усиление нацистской Германии и подталкивание ее к нападению на Советский Союз. Отказывая в судебной процедуре, Великобритания стремилась избежать расследования причин, приведших к войне. Правительство Великобритании последним в мае 1945 г. согласилось на проведение суда, выдвинув требование об ограничениях на свободу слова подсудимых. Оно, как отмечено в английском меморандуме от 9 ноября 1945 г., опасалось «обвинений против политики Великобритании вне зависимости от того, по какому разделу Обвинительного акта они возникают» [Филатов].

Тем не менее, 8 августа 1945 г. в Лондоне было заключено Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и на-

казании главных военных преступников. Для реализации этой миссии был учрежден Международный военный трибунал.

Процесс проходил во Дворце юстиции в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Всем подсудимым было предъявлено обвинение в преступлениях против мира, законов и обычаев войны и против человечности.

Открывая судебное заседание, председатель Международного военного трибунала англичанин лорд-судья Джефри Лоренс сделал важное заявление: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре... Четыре подписавшие Соглашение Стороны возбудили судебное преследование, и теперь на всех, кто участвует в процессе, лежит обязанность позаботиться о том, чтобы он ни в каком отношении не уклонялся от тех принципов и традиций, которые придают правосудию авторитет и поднимают его на то место, которое оно должно занимать в делах всех цивилизованных государств. Этот процесс является публичным процессом в самом широком смысле этого слова, и я должен поэтому напомнить всем присутствующим в зале суда, что Трибунал будет настаивать на полном соблюдении установленного порядка и будет принимать строжайшие меры для обеспечения этого» [Цит. по: Руденко, с. 35–36].

Как вспоминал Роман Андреевич Руденко, в начале процесса все подсудимые не признавали себя виновными в предъявленных обвинениях, однако доказательствами, представленными Трибуналу главными обвинителями, были достоверно установлены их чудовищные преступления против мира и человечности. Трибунал признал преступными созданные нацистами организации (СС, гестапо, СД и руководящий состав нацистской партии) и приговорил 12 подсудимых (в том числе Геринга, Риббентропа, Кейтеля) к смертной казни через повешение, трех — к пожизненному лишению свободы, четырех — к лишению свободы на сроки от 10 до 20 лет. Подсудимые Ялмар Шахт, Ганс Фриче и Франц фон Папен были Трибуналом оправданы при особом мнении члена Трибунала от СССР, считавшего, что имеющимися в деле бесспорными доказательствами вина этих подсудимых в предъявленном им обвинении полностью установлена [См. Руденко, с. 36].

Такой результат свидетельствует о том, что Нюрнбергский процесс не был простой формальностью, призванной уместить в рамки приличия расправу над руководителями фашистского режима. Показательна позиция Роберта Джексона, ставшего Главным обвинителем на Нюрнбергском процессе от США: «Если мы просто хотим расстреливать немцев и избираем это своей политикой — то пусть уж так и будет. Но тогда не прячьте это злодеяние под видом вершения правосудия. Если вы заранее решили в любом случае казнить человека, то тогда и в суде над ним нет никакой необходимости. Однако всем нам следует знать, что мировое сообщество не испытывает почтения к тем судам, которые изначально являются лишь инструментом вынесения обвинительного приговора» [Цит. по Звягинцев Прокурор...]. В результате процесс в Нюрнберге шел с соблюдением самых высоких мировых стандартов юриспруденции. Права подсуди-

мых были соблюдены. По данным А.Г. Звягинцева, примерно за месяц до начала разбирательства они получили обвинительное заключение и могли готовиться к защите. Им были назначены защитники из числа немецких юристов, которым платили по тем временам хорошие деньги, кроме того, они могли выбрать адвокатов самостоятельно. Всего в процессе участвовало 27 адвокатов (причем многие из них были в прошлом членами нацистской партии), которым помогали 54 ассистента-юриста и 67 секретарей. Подсудимые имели возможность знакомиться со всеми документами, которые представлялись на процессе с переводом на немецкий язык. Все они понимали, что говорится на процессе: был организован синхронный перевод на четыре языка — английский, французский, русский и немецкий. Подсудимые могли представлять свидетелей, причем количество свидетелей со стороны защиты было в два раза больше, чем со стороны обвинения. В целом на защиту было потрачено в три раза больше времени, чем на обвинение. Состоялось 403 открытых судебных заседания. Было допрошено в общей сложности 360 свидетелей и рассмотрено порядка 200 000 письменных показаний. В зал суда было выдано 60 тыс. пропусков, в том числе часть из них получили немцы.

Печать, радио, кино дали возможность миллионам людей во всем мире следить за ходом процесса [Звягинцев Нюрнбергский...].

Ключевую роль в установлении подлинной картины тягчайших преступлений сыграли грамотные действия советской стороны, представленные ею уличающие материалы. Доказывая вину подсудимых, советская сторона применяла блестящие тактические ходы: например, на Нюрнбергский процесс в качестве свидетеля обвинения был доставлен фельдмаршал Паулюс, давший подробные показания против своих прежних соратников. Окончательно же, по данным исследователей, переломил ход процесса видеоматериал, также представленный обвинением СССР, — жуткий фильм о фашистских концлагерях (Майданеке, Заксенхаузене, Освенциме), снятый фронтовыми кинооператорами Советской армии [Московкин].

Важнейшее значение, еще более существенное, чем признание виновными конкретных преступников, имеет следующий изложенный в приговоре трибунала вывод: «Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных» [Приговор...].

Уроки Нюрнберга нельзя забывать, чтобы ужасная трагедия XX века не повторилась в наши дни, когда у мировых лидеров есть уже не только обычные вооружения, но и новейшее сверхмощное оружие. «Время — суровый судья, — напоминает А.Г. Звягинцев, — Оно абсолютно. Не будучи детерминированным поступками людей, оно не прощает неуважительного отношения к вердиктам, которые уже однажды вынесло, — будь то конкретный человек или целые народы и государства» [Звягинцев Нюрнбергский...].

Настораживает, что в современном мире есть лидеры, которые, не стесняясь, берут на себя исключительную роль устроителей нового миропорядка, давая при этом понять, что их страна готова военными методами защищать свои интересы, включая стабильность поставок энергоресурсов, далеко от своих границ. По их заявлениям, представляемая ими страна должна играть ведущую роль в мире и «вооруженные силы всегда будут основой этого лидерства» [Какой покой...].

Удивительно, как быстро забываются уроки истории, исчезают воспоминания о том, что безудержное стремление к мировому господству — это опасный путь: и для мира, и для самого агрессора.

Литература

- Звягинцев А.Г. Нюрнбергский эпилог. 70 лет назад Суд народов поставил точку в оценке нацистских преступлений Второй мировой войны // Российская газета. 01.11.2016. — URL: <https://rg.ru/2016/11/01/prigovor-nacistskim-prestupnikam-vynesli-70-let-nazad.html> (дата обращения: 15.02.2020).
- Звягинцев А.Г. Прокурор Руденко. Исполняется 100 лет со дня рождения Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе // Российская газета. 27.07.2007 г. — URL: <https://rg.ru/2007/07/27/rudenko.html> (дата обращения: 15.02.2020).
- Какой покой несет миру Обама. США берут на себя исключительную роль нации устроителя нового миропорядка // Российская газета. 18.06.2014. — URL: <https://rg.ru/2014/06/18/obama.html> (дата обращения: 15.02.2020).
- Московкина А. Нюрнбергский процесс: следствие, обвинение, приговор // Право.ру. 26.04.2013. — <https://pravo.ru/process/view/466/> (дата обращения: 19.02.2020).
- Приговор Международного военного трибунала // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. — URL: https://genproc.gov.ru/veterans/documents/history_docs/?ELEMENT_ID=693345 (дата обращения: 19.02.2020).
- Руденко Р.А. Судебные речи и выступления. М. 1987.
- Тарабрин Б. «Подводные камни» при организации Нюрнбергского трибунала // Международная жизнь. 16.02.2016. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14700> (дата обращения: 15.02.2020).
- Филатов С. Почему англичане боялись Нюрнбергского процесса // ИноСМИ. 04.05.2018. — URL: <http://inosmip.ru/news/31199-pochemu-anglichane-boyalis-nyurnbergskogo-processa.html> (дата обращения: 15.02.2020).

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-133-146

УДК 94

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ

«Большая сделка» Ялтинской конференции и ее осуществление на местах: случай Югославии. Приграничное повстанчество 1945–1948 гг.

Аннотация. «Большая сделка» Ялты стала дипломатической формой признания на высшем уровне силовых возможностей Красной армии, но на местном уровне до соблюдения договоренностей было далеко. Подъем антикоммунистического повстанчества в послевоенной Югославии опирался идеологически (а в приграничных районах и материально) на поддержку англо-американцев. Кроме сербских четников, в последние месяцы войны и первые послевоенные годы в Югославии действовали и другие повстанческие группы, включая словенские части Матъяжевой армии, хорватских крижаров, албанских баллистов. После разрыва Югославии с СССР в 1948 г. Иосип Броз Тито перестал восприниматься Западом как угроза и численность повстанцев стала резко сокращаться. Единичные случаи «просоветского повстанчества» также имели место, но не получили реальной поддержки из СССР и сошли на нет, подарив Югославии четыре десятилетия мира.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, Югославия, повстанчество, партизанская тактика, противоповстанческие операции, межнациональные отношения на Балканах.

В текстах договоренностей, достигнутых на Ялтинской конференции, Югославия упоминалась достаточно скупно. В целом окончательные решения Крымской конференции 4–11 февраля 1945 г. были зафиксированы в итоговом Протоколе работы конференции. По Балканскому вопросу был выделен ряд тем: параграф VIII касался Югославии и рекомендовал Иосипу Броз Тито и доктору Ивану Шубашичу привести в действие соглашение Тито — Шубашич, создать новое правительство, расширить Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) и готовиться к созыву Учредительного собрания. В параграфе IX рассматривались итало-югославская и австро-югославская границы, впрочем, несмотря на ноты британской делегации, общее решение этих вопросов не было выработано. Параграф X затрагивал югославско-болгарские взаимоотношения. СССР настаивал на желательности югославско-болгарского договора о союзе. Британцы были категорически против такого союза, так как Болгария все еще находилась под режимом перемирия, несмотря на то, что ее войска

Сведения об авторе: ТИМОФЕЕВ Алексей Юрьевич (Сербия) — профессор, ведущий научный сотрудник Института новейшей истории (Белград, Сербия), доктор исторических наук, al.timofev@gmail.com

уже активно с октября 1944 г. участвовали в борьбе против немцев. Таким образом, практические проблемы разграничения Балкан были зафиксированы достаточно ясно [Тимофеев Ялтинская...с. 115–135].

Несомненно, что «Большая сделка» Ялты стала дипломатической формой признания на высшем уровне силовых возможностей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), проявленной в противостоянии с германским вермахтом. В голосе советского руководства на конференции звучал мощный гул советских танков, неумолимо продвигавшихся на Запад. Вынужденные признать раздел Европы на сферы влияния англо-американские союзники формально согласились на взаимоуважение и приверженность договорам. Однако на местном уровне до таких договоренностей было далеко. Несмотря на условные соглашения о разделе зон влияния, в тот период Балканы стали частью более широкого пояса нестабильности. Зона напряженной ситуации на грани гражданской войны распространялась в то время не только на территории Прибалтики, Западной Украины и Польши, но и на территории Юго-Восточной Европы — на Югославию, Румынию, Албанию и приграничные с Турцией районы Болгарии. При этом в Греции, где оккупационными войсками были англичане и знаки противостояния были противоположными, гражданская война полыхала с еще большей силой. В Италии, Франции и Испании коммунистические полуподпольные военизированные организации также пытались, без особых, правда, успехов, защитить свое место под солнцем. Балканы к этому времени были уже *de facto* «поделены» между СССР (Болгария, Румыния, Югославия и Албания) и англо-американскими союзниками (Греция и Турция). Войска и основные усилия англо-американцев на Балканах были сконцентрированы в Греции, кроме того, они оказывали военную помощь Турции, где имелись западные военные миссии и военные инструкторы. Советские войска были размещены в Румынии и Болгарии, а в Албании и Югославии уровень советского военного присутствия также ограничивался военными миссиями, военной помощью и инструкторами. При этом в Румынии и Болгарии (как и в ряде других стран Европы, участвовавших во Второй мировой войне на стороне проигравших) действовали Союзные контрольные комиссии (СКК). Если СССР устанавливал железной рукой свой порядок в Румынии, Болгарии и Венгрии, не очень оглядываясь на союзников, последние, в свою очередь, делали то же самое в Италии и Греции. Стоит уточнить, что первыми конфронтацию начали англо-американцы, еще в 1943 г. приступив к вытеснению из новых правительств представителей политической оппозиции (коммунистов в Италии), выдвигая претензии к соседним странам по территориальным вопросам (проанглийское правительство в Греции) и добиваясь маргинализации роли союзников, не имевших военной мощи на территории оккупированной страны (положение советской базы АГОН в Бари и т.д.).

В этом смысле важным местом будущего противостояния стала Югославия. Претензии коммунистической Югославии на австрийскую Каринтию и на итальянский Триест вызывали отрицательные эмоции у англо-американцев. Югославские коммунисты следовали в фарватере советско-американских отношений, опиравшихся на общую выгоду в борьбе с немецким нацизмом, но не исключавших твердого отстаивания собственных целей в борьбе с противником. Известно несколько случаев межсоюзнических воздушных боев и обстрелов советских войск авиацией союзников. Наиболее

известный произошел 7 ноября 1944 г. на территории Югославии [Рубцов, с. 10–15]. Американскому воздушному удару подверглись передвижавшиеся походным маршем части 6-го гвардейского стрелкового корпуса 3-го Украинского фронта в районе Чамурлия в тогдашнем пригороде Ниша. В результате налета американских самолетов на советскую автоколонну были убиты командир корпуса генерал-лейтенант Г.П. Котов, два офицера и трое рядовых. Также было сожжено 20 автомашин с имуществом. Для отражения нападения американских ВВС была поднята советская авиация. Открывшая огонь советская зенитная артиллерия сбила 1 самолет ВВС США и 1 самолет ВВС РККА, причем советский летчик погиб. Кроме того, американские пилоты сбили в завязавшемся бою еще 2 самолета ВВС РККА, один из летчиков погиб [ЦА МО РФ. Ф. 866 иап. Оп. 223502. Д. 3]. Еще один инцидент имел место 18 марта 1945 г. над расположением советских войск на восточном берегу реки Одер, севернее города Кюстрин. Там произошел настоящий воздушный бой между советскими и американскими самолетами, в ходе которого было сбито шесть советских самолетов, двое советских летчиков погибли, а один получил тяжелое ранение [ЦА МО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 292]. Однако пиком этой напряженности на южном фронте можно назвать приказ командующего фронтом от 2 апреля 1945 г. [ЦА МО РФ. Ф. 37 ОА. Оперативный отдел (далее ОО). Д. 16], обращенный к командующим армиями и командирам отдельных корпусов, начальнику тыла фронта, начальнику войск по охране тыла фронта. «За последнее время, — говорилось в нем, — участились случаи посадки иностранных, в том числе американских самолетов на территории, занятой нашими войсками. Вредное благодушие, ненужная доверчивость и потеря бдительности со стороны личного состава частей Красной армии и в первую очередь ВВС способствует использованию этих посадок враждебными элементами, переброску на нашу территорию террористов, диверсантов и агентов. В связи с вышеизложенным и в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования 016050 от 30.3.45. приказываю:

1. Все экипажи севших без разрешения на территории, занятой нашими войсками, исправных или неисправных иностранных самолетов, в том числе американских и английских, интернировать и содержать под арестом впредь до получения указаний о дальнейшем их направлении.
2. Иностранные самолеты, в том числе американские и английские, севшие на территории, занятой нашими войсками, считать трофейными. Исправные и поддающиеся полевому ремонту направлять в 17 ВА. Не подлежащие восстановлению самолеты сдавать в трофейные органы как металл или разбирать на запчасти.
3. Обо всех случаях интернирования иностранных экипажей немедленно шифром доносить».

Ситуация на Балканах оставалась накаленной, и в 1946 г. американские власти де факто не признавали суверенитета властей Югославии над воздушным пространством на западе страны и неоднократно нарушали его, не обращая внимания на югославские протесты. В начале августа 1946 г. югославское военное руководство получило приказ применить силу для прекращения нарушений суверенитета. Для этого 3 августа 254 истребительный полк, летавший на советских самолетах Як-3, был специально перебросен в Люблян. Югославские истребители начали преследование американского транспортного самолета «дакота», предупреждая о нарушении воздушного простран-

ства Югославии. Пилоты югославских истребителей получили команду открыть огонь, в результате чего один из моторов нарушителя был подожжен. Американскому летчику удалось принудительно посадить самолет в 12 км от города Краня, самолет получил невосстановимые повреждения, один член экипажа и один капитан турецкой армии на борту самолета были ранены. Три члена команды и четыре пассажира (два венгерских подданных, один капитан турецкой армии и один гражданин США) были задержаны без права доступа к американскому консулу или военному атташе. Возмущенные власти США не отступили, и десять дней спустя (19 августа) еще одна американская «дакота» нарушила воздушное пространство Югославии и была сбита 19 августа 1946 г. в районе острова Блед, причем спаслись на парашютах всего два члена экипажа. Всего в инциденте погибло пять человек, три из которых были американскими гражданами. Югославии пришлось выплатить компенсацию семьям погибших, а американские газеты зашумели о начале Третьей мировой войны [Dimitrijević, p. 105–127].

В этих условиях особое звучание получило развитие антикоммунистического повстанчества в послевоенной Югославии, которое опиралось идеологически (а в приграничных районах и материально) на поддержку англо-американцев, партнеров СССР по Ялтинской конференции 1945 г.

К весне 1945 г. в Югославии, когда часть военнослужащих квислингских и антикоммунистических повстанческих формирований погибли в бою, были арестованы, казнены или бежали за границу, по всей стране рассеялось немало представителей «потерпевших поражение сил». По данным титовской военной контрразведки, из Югославии после 1945 г. бежало около 300 000 «усташей, четников и прочих предателей», а осталось «около 12 000 пособников оккупантов, которые ушли в горы». По первой послевоенной переписи 1948 г., в Югославии проживало 15,77 млн человек. Таким образом, число политических эмигрантов составило около 2% от оставшегося в стране населения. Сравнения ради скажем, что в СССР соотношение численности эмигрантов к первой послевоенной переписи населения было меньше и составило лишь около 1,5%! [Razvoj... с. 34] Почти каждый народ в Югославии внес свой вклад в формирование разношерстной толпы врагов нового государства. Власти, следуя советской модели, использовали термин «банда» для обозначения всех своих поверженных противников — четников Дражи Михайловича, усташей, словенских домобранов и словенских четников (объединенных под именем словенских «белогвардейцев»), албанских сепаратистов, националистов и мятежников (которых скопом именовали «балистами»), а также малочисленных, но весьма активных членов Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). Немногим лучше было отношение к довоенным буржуазным партиям и движениям. Если они не присоединились к Народному фронту, их ждала лишь маргинализация и во многих случаях репрессивные меры. Новые власти с подозрением относились и к религиозным сообществам, особенно к католической церкви из-за ее откровенных связей с Независимым государством Хорватия, сплоченности и закрытости.

Многонациональный характер югославского государства имел следствием не только пестроту повстанцев, но и изначальное преимущество, которым располага-

ли власти. Каждое из повстанческих движений действовало самостоятельно, без сотрудничества или координации с остальными, за исключением редких случаев. Новые югославские власти имели все то, чего не имели остатки потерпевших поражение сил, ушедших в подполье, а именно: четко сформулированную идеологию и стратегию, организованность и разветвленную структуру, органы безопасности и пропаганды.

Единственной централизованной югославской организацией по борьбе с коммунистами в Югославии в эмиграции, не чуравшейся вооруженной борьбой, стал Национальный комитет Королевства Югославия (НККЮ) и действовавший при нем Главный разведывательный центр (ГРЦ), расположенный в Зальцбурге. Помощь этим организациям югославских эмигрантов оказывали британская и американская разведка. Штаб-квартира Центрального НККЮ находилась в Лондоне. Представительство Центрального комитета НККЮ имелось и в Италии. В Австрии НККЮ, с разрешения союзников, начал действовать с сентября 1945 г. Его главной задачей стало оказание помощи югославским эмигрантам, оставшимся в Австрии [Premk, s. 107]. Король Петр II возглавлял находившийся в Лондоне ЦНККЮ, в состав которого входили политики, лидером которых был Слободан Йованович. Римским ЦНККЮ руководили Живко Топалович из Земледельческой партии, Адам Прибичевич из Самостоятельной демократической партии, Юрай Крневич из Хорватской крестьянской партии и Миха Крек из Словенской народной партии. Зальцбургский НККЮ имел в своем состав девятых членов, старшим из которых был белградский адвокат Стеван Тривунац — член Главного комитета Радикальной партии.

Послевоенная повстанческая деятельность четников описана в отечественной историографии. Четники или Югославская армия в отечестве (ЮАвО) под командованием генерала Дражи Михайловича представляли собой в первые послевоенные дни наиболее многочисленное югославское антикоммунистическое движение, так как его деятельность охватывала наиболее обширную территорию, а его лидер, в отличие от прочих политических вождей подпольных движений, не покинул страны [Тимофеев Четники...с.287–288]. Драголюб «Дража» Михайлович был окопным офицером Первой мировой войны, блестящим генштабистом межвоенной Югославии, который не покинул страну в 1941 г. На завершающем этапе гражданской войны четники понесли тяжелые потери в ходе боев с Югославской армией (ЮА, как с марта 1945 г. стала называться партизанская Народно-освободительная армия Югославии) в восточной Боснии и Герцеговине в мае 1945 г. Тогда была практически уничтожена большая часть сил под командованием Дражи Михайловича, которые так и не смогли оправиться от этого поражения и восстановить общую организационную структуру. Самого Дражу Михайловича арестовали и убили после короткого и достаточно формального судебного процесса в 1946 г. После этого организованное сербское движение сопротивления пошло на спад, хотя последние группы четников вылавливали до середины 50-х годов.

Кроме сербских четников в последние месяцы войны и первые послевоенные годы в Югославии действовали и другие повстанческие группы.

В Словении объединение антикоммунистических сил состоялось еще в ходе войны, в январе 1945 г., когда различные формирования созданного немцами Словенского домобранства, словенской части Югославской армии в Отечестве, а также выжидавшие конца войны офицеры запаса образовали Словенскую народную армию — СНА (*Slovenska narodna vojska*). Она стала выполнять функцию вооруженных сил Словенского народного комитета, который в начале мая попытался провозгласить народное государство Словению как автономную единицу в составе федеративного Королевства Югославия [Premk, s. 69]. В этом качестве СНА вместе с прочими преимущественно сербскими квислингскими формированиями — Сербским добровольческим корпусом Димитрия Летича, четниками из Далмации и Лики под командованием Момчило Джуича и Добросава Йевджевича — дали непродолжительный отпор наступающей Югославской армии [Тимофеев Сербские... с. 280–286]. Поражение, отступление в Австрию и Италию, сдача в плен англо-американцам и попытка нового прорыва большой группой в Югославию, где большую ее часть физически ликвидировали, — все это еще больше обострило их антикоммунистические настроения.

Летом 1945 г. при поддержке разведслужб союзников был создан Главный разведывательный центр (ГРЦ), во главе которого с декабря 1945 г. и до лета 1949 г. находился бывший подполковник югославской королевской армии Андрей Глушич. Главный разведывательный центр при НККЮ основан в лагере для беженцев Санкт-Йохан в Понгау (Австрия). В первое время деятельность ГРЦ сосредоточилась на организации разведывательной сети среди югославских эмигрантов, которые забрасывались бы в страну с целью установления связи с лидером четников Дражей Михаиловичем. Разведслужба действовала на австрийско-югославской границе и формально находилась в составе Словенской армии Королевской югославской армии (Словеначка армија Краљевске југословенске војске). До упразднения ГРЦ в 1949 г. его филиалы, называвшиеся Разведывательными центрами (РЦ), действовали в Клагенфурте (РЦ 101 и РЦ 507), в Липнице и Триесте (РЦ 305) и в Горице (РЦ 505). Свои донесения ГРЦ отправлял органу американской военной разведки — Корпусу контрразведки (CIC, Counter Intelligence Corps). Наряду с американским CIC-ом, разведывательный центр оказывал помощь и органам британской военной разведки в лице Отделов полевой безопасности (FSS, Field Security Section) [Premk, s. 108].

Разведчики ГРЦ занимались подготовкой и вербовкой словенцев в Граце, Клагенфурте и Триесте: из их агентов создавались террористические группы, которые организовывали подполье на территории Словении. Эти группы носили собирательное пропагандистское название Матьяжева армия, названную в честь мифологического короля Матьяжа, который, должен был пробудиться ото сна и освободить словенский народ от притеснителей [Ibid, s. 180]. От лица Матьяжевой армии активно велась пропаганда. Прежде всего посредством печатного органа — газеты «Голос Матьяжа — вестник словенского антикоммунистического движения» («Matjažev glas — glasilo slovenskega protikomunističnega gibanja») [Ibid, s. 260]. Во время пребывания на территории Словении члены Армии распространяли пропагандистские материалы ЦНККЮ. Регулярное радиовещание ЦНККЮ осуществлялось из Австрии, где действовало несколько пропагандистских станций-однодневок: радиостанции «Равна Гора», «Триглав», «Радио Любля-

на», «Свобода или смерть», «Единая Словения», «Свободная крестьянская Хорватия», «Радио Сава». Хотя программа Матъяжевой армии и была югославистской, она осталась исключительно словенским явлением, о котором в остальной Югославии не слышали. Это, по-видимому, объяснялось как типичной для словенцев во все годы существования Югославии национальной закрытостью, так и слабым успехом пропаганды Матъяжевой армии. Членов Матъяжевой армии характеризовал последовательный антикоммунизм. Их деятельность была направлена против носителей и символов новой системы, однако со временем она свелась к банальному грабежу. В отличие от четников и крижаров (крестоносцев) база словенских антикоммунистов располагалась за границей. С территории соседней Австрии они периодически проникали в Югославию, вызывая тем самым многочисленные приграничные инциденты. Вскоре после укрепления режима Тито в Югославии и падения шансов на возрождение некоммунистической Югославии среди словенских повстанцев также возобладали идеи национализма, с полным разочарованием в «югославянстве» как знамени коммунистов [Report from Slovene Christian...]. Это отражало общие настроения словенцев [Political and Economic...].

Забрасываемых из Австрии членов Матъяжевой армии и оставшихся непосредственно по окончании боевых действий в Словении многочисленных представителей словенских антикоммунистических и квислингских формирований титовцы скопом называли «белогвардейцами» или «БГ». Эти группы главным образом рассчитывали на конфликт между СССР и англо-американцами, который приведет к интервенции и свержению коммунизма в Югославии.

Намного большим размахом отличались хорватские повстанческие группы. Если оценивать антикоммунистические движения в соответствии с общими параметрами — численностью, территориальной распространенностью, уровнем организации, политико-пропагандистской деятельности, а также степенью поддержки населения, — то в послевоенной Югославии наибольшим успехом и влиянием пользовались именно хорватские крижары (крестоносцы). За этим названием стояли бывшие представители вооруженных сил НДХ и ее политических структур, в первую очередь усташи. Действовали они в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Кроме названия «крижары», использовались и другие прозвища — «шкрипари», «ямари» и «камишари», которые происходили от диалектных названий укрытий, скрывавших повстанцев. Суть их политической программы отражал лозунг «Все ради Христа — против коммунистов».

В отличие от властей НДХ, которые привлекли на свою сторону мусульманское население БиГ, политико-пропагандистское влияние крижаров на мусульман оставалось ничтожным [Об этом подробнее см.: Radelić, s. 99–115]. Как и прочие противники коммунистического режима, они больше всего надеялись на помощь со стороны западных союзников. В 1946 г. властям, как и в случае с четниками, удалось обезглавить организацию крижаров. Однако крижары, прежде всего благодаря поддержке католического клира, смогли не только продолжить свою деятельность, но и добиться значительного пропагандистского влияния на хорватское население. Крижары пользовались всеми преимуществами, которые им предоставляла инфраструктура церкви, формировавшаяся на протяжении столетий.

В отличие от четников, крижары активно нападали не только на войска Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), но и на тыловые части Красной армии и отдельных советских граждан в форме и без нее. Например, в донесении ООН в Хорватии от 7 апреля 1945 г. упоминается о деятельности большой группы бандитов в районе Крижница и Загреба, насчитывавшей около 100 человек и носившей название «Легион хорватских мстителей», которая занималась мобилизацией, нападала на партийные и местные органы. В то же время эта группа «организовывала засады и нападала на красноармейские транспорты, убивала солдат и курьеров» [Zbornik dokumenata... s. 123–124].

Принципиально отличалось от крижаров положение как четнических групп, которые, как правило, действовали изолированно, не имея связи друг с другом и не обмениваясь информацией, так и словенских повстанцев, которые полностью зависели от логистической поддержки из-за границы. В Хорватии церковь обеспечивала крижаров почти всем, начиная с удовлетворения основных потребностей (предоставления убежища, еды, одежды...) и заканчивая передачей донесений, тиражированием и распространением пропагандистских материалов, воздействием на паству посредством воскресных проповедей. Поддержка крижаров, лояльность к НДХ, участие в преступлениях в отношении сербов, евреев и цыган, а также прозелитизм и равнодушие к геноциду, совершавшемуся в НДХ, — все перечисленное привело к тому, что значительная часть представителей католической церкви хорватского происхождения подверглась репрессиям со стороны новых властей [Живојиновић]. Поведение католического клира трактовалось новыми властями как подозрительное и враждебное, граничившее с государственной изменой. Помощь, оказываемая крижарам, была лишь одним из преступлений, за которые католических священников, монахов и монахинь привлекали к суду [Ibid, s. 162]. Под ударом оказалась вся иерархия Римско-католической церкви — от сельского ксендза до самого архиепископа. Хотя арест и суд над Алоизием Степинацем состоялись в рамках более широкой кампании, цель которой состояла в том, чтобы нанести удар по католической церкви и ослабить ее связи с Ватиканом, обвинительное заключение в важной своей части инкриминировало архиепископу оказание помощи усташско-крижарской группе Шалич-Лисак, а также поддержание связей с Анте Мошковым — начальником личной охраны Анте Павелича (Поглавников тјелесни здруг) [Ibid, s. 203–204]. Степинаца осудили за его враждебность в отношении новых югославских властей, но обвинялся он в основном за связи с усташским режимом во время войны [Ibid, s. 195].

Усташские вожди, которым удалось избежать плена, вскоре собрались в Австрии и Италии, где в 1946 г. под прямым фактическим руководством Анте Павелича начал действовать так называемый Хорватский народный комитет (ХНК), который представлял собой переименованное усташское движение. ХНК, возглавляемый высокопоставленным усташским чиновником Божидаром Кавраном, стал играть роль как представителя усташской политической эмиграции, так и организатора антикоммунистического сопротивления в населенных хорватами областях Югославии [Radelić, s. 45].

Как и словенская антикоммунистическая эмиграция, ХНК сотрудничал с англо-американскими спецслужбами. Уровень и конкретные задачи этой кооперации малоизвест-

ны. Американская разведка в 1946 г. считала крижаров «перспективнее» словенской Матяжевой армии, оценивая их как самое «полезное» направление антикоммунистического подполья в Югославии [Anti-Communist...].

После того как в 1948 г. разразился конфликт Югославии и Информбюро, стало ясно, что Запад более не станет поддерживать кого-либо, кто преследует цель разрушение югославского государства. Наоборот, он будет оказывать помощь властям титовской Югославии, чтобы попытаться с их помощью дестабилизировать идею и практику коммунизма [Radelić, s. 51]. И все же хорватские экстремисты и после этого, и после разгрома на территории Югославии продолжили действовать за границей. Начались террористические нападения на югославские дипломатические, культурные и экономические представительства за рубежом, а также проникновения в страну вооруженных групп и одиночек с целью осуществления диверсионно-террористических актов. Параллельно шла неформальная охота боевиков югославской разведки на лидеров усташей и молодого поколения политической эмиграции за рубежом. Этот процесс продлился практически до самого конца существования СФРЮ [Bulatović, s. 70–16; Vukušić, s. 201–389; Hockenos, s.42–89].

Албанское население Югославии в большинстве своем проживало на территориях, которые вошли в состав Сербии и Черногории после освободительных войн сербского народа против Османской империи в 1878 и 1912 гг. Албанцы косовского вилайета (нынешняя северо-западная Македония и автономный край Косово и Метохия) со времен Первой призрачной лиги, основанной в 1878 г., выступали против любого усиления сербского влияния на этих территориях. Весь период 1878–1912 гг. на этой территории, где чересполосицей проживали сербы и албанцы, был ареной жестокого давления фанатичного мусульманского населения на православных, державшихся из последних сил за земли своих предков. При этом албанцы восставали и против турецкой власти, не желая платить налоги и подчиняться никаким требованиям и ограничениям [Тимофеев Крест... с. 42–89]. В результате Балканских войн территория Македонии, Косово и Метохии вошла в состав Сербии, что вызвало массовое восстание албанцев в 1913 г., подстрекаемых, как и ранее, Австрией. В период между двумя войнами городская и равнинная часть этих территорий была усмирена, но в приграничных и горных районах среди албанского населения имели место частые случаи бандитизма, который, несомненно, имел политические корни. Албанские повстанцы, так называемые «качаки», с большей или меньшей долей сознательности ориентировались на проект государственного объединения всех балканских земель, населенных албанцами [Тасић, s. 230]. В годы Второй мировой войны итальянская, а потом и немецкая оккупация принесли объединение в рамках этого шовинистического проекта большинства районов Косово, западной Македонии и Албании.

В послевоенные годы в тех районах Югославии, где проживало албанское национальное меньшинство, — в Косово и Метохии, в западной Македонии и, в меньшей степени, в Черногории, — действовали албанские антикоммунистические группировки, которым югославская власть присвоила общее название — балисты. Изначально так именовали себя члены албанской организации Бали Комбетар (Bali Komb tar — На-

циональный фронт), активность которой приходилась на годы Второй мировой войны. Эта организация появилась в 1942 г. в северной Албании и быстро распространила свою деятельность на территорию Косово и Метохии. Вопреки заявлениям об ориентации на западных союзников, она не чуралась и коллаборационизма. Помощь ей оказывали Италия, а затем и Германия. Носители коммунистической идеологии — народно-освободительные движения (НОД) Албании и Югославии — выступали в роли главных противников Бали Комбетар. Кроме того, планы югославских коммунистов по возрождению Югославии служили основным препятствием для достижения цели балистов — создания Великой Албании. Сотрудничая с итальянцами, а затем и немцами, балисты предоставляли в их распоряжение людские ресурсы для комплектования вспомогательных формирований, сражавшихся с коммунистами Албании и Югославии. В самом Косово и Метохии с 1943 г. действовала и Вторая призренская лига — организация с великоалбанской программой, связывавшая дальнейшую судьбу албанского народа со стратегическими планами Берлина. Для немцев сторонники лиги служили ресурсом для пополнения собственных вспомогательных частей и соединений, к которым относились албанское добровольческое территориальное ополчение «вулнетари», добровольческое военно-полицейское формирование «косовский полк» и 21-я дивизия СС «Скендербег» [Zaugg,]. Многочисленные военнослужащие этих частей остались в Косово и Метохии после отступления Вермахта [Борозан, s. 360–369]. Хотя балистами называли всех албанских мятежников, находившихся на территории КиМ и западной Македонии, члены и сторонники Второй призренской лиги, по сравнению с Бали Комбетар, представляли собой в Югославии более многочисленное и влиятельное повстанческое движение. В Македонии осенью 1944 г. в боях участвовало от 10 000 до 20 000 балистов, которые предпочли остаться на знакомой для них территории, а не отступить вместе с немцами. Их активность сильнее всего ощущалась в западной Македонии, которая во время Второй мировой войны входила в состав созданной итальянцами Великой Албании. К балистам после войны причислили и албанских наемников из болгарских формирований по борьбе с партизанами — так называемых контрчетников. При этом все перечисленные албанские повстанцы в первую очередь были не антикоммунистами, а противниками усиления сербской, югославской и вообще любой славянской власти и, таким образом, наследниками качаков — основоположников албанской повстанческой традиции, уходящей корнями в эпоху османского правления. Их всех объединяла великоалбанская программа [Батковски].

В первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) доминировали ориентировавшиеся на западные страны вооруженные группы и политические группировки, состоящие из сторонников Бали Комбетара, Легалитета (монархическое движение сторонников свергнутого албанского короля Ахмеда Зогу [Albanian Resistance...]), к которым примкнули сторонники Второй призренской лиги и близкой к ней Бали Комбетара, бывшие вулнетары и контрчетники. Присутствие вооруженных групп на местах сопровождалось созданием подполья в населенных пунктах, ответственного за поддержку тех, кто боролся с государством с оружием в руках. Так, в КиМ и западной Македонии действовала Национально-демократическая шиптарская организация (НДШО). Антигосударственная подрывная деятельность ставила целью осуществление переворота в Албании и Югославии, результатом которого стало бы отторжение населенных албанцами обла-

стей и их объединение в Великой Албании. В связи с этим большие надежды возлагались на западных союзников, которые, как ожидалось, должны были вот-вот вступить в вооруженный конфликт с СССР [Батковски, с. 93–109].

В ходе завершающего этапа Второй мировой войны на балканском фронте албанское повстанческое движение резко усилилось с осени 1944 г. Наступление Красной армии в Румынии, Болгарии и Сербии привело к неизбежному отводу из Греции немецкой Группы армий «Е». Пути отступления вели через Албанию, Македонию, Косово и Метохию. Албанские союзники немцев, особенно в Косово и Метохии, стояли перед выбором — уйти со своими покровителями или остаться. Многие выбрали последнее. Около 30 000 албанцев, по немецким источникам, обеспечивали беспрепятственное отступление вермахта, решительно сражаясь с наступающими силами НОАЮ и 2-й болгарской армии Отечественного фронта [Борозан, с. 358].

После освобождения Косово и Метохии в ноябре 1944 г. перед руководством НОД и НОАЮ встали новые проблемы, которые оказались не по силам партийным и армейским представителям на местах [Joksimović]. Многочисленные оставшиеся бойцы различных албанских вооруженных формирований не собирались прекращать сражаться за объединение албанских земель, вопреки государственным границам. Как и в 1918–1919 гг., когда на просторах КиМ устанавливалась власть Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, в 1944 г. тоже приходилось преодолевать албанскую ирреденту. При этом для поддержки военных усилий следовало максимально использовать местные экономические и людские ресурсы [Тасић]. Количество албанских мятежников увеличивалось день ото дня. Несмотря на плохую координацию, они во исполнение манифеста ЦК Второй призренской лиги от 18 октября подняли в начале декабря 1944 г. восстание «в защиту единства албанских земель». Так называемый Дреницкий мятеж начался 2/3 декабря с нападения на город Урошевац, власть в котором перешла в руки повстанцев. Лишь несколько дней спустя застигнутым врасплох частям НОАЮ удалось вернуть контроль над городом. В то же время окрестности оставались в руках повстанцев, которые оттуда совершали нападения на соседние населенные пункты. Таким образом, в конце декабря 1944 г. армейские части НОАЮ положили конец первой фазе мятежа.

Вторая фаза началась в начале января 1945 г., когда представители Оперативного штаба в КиМ начали переговоры с албанскими старейшинами о мобилизации албанского населения, способного к несению военной службы. Согласно достигнутой договоренности, в распоряжение НОАЮ поступало 5000 албанских новобранцев, которым армейское руководство решилось выдать оружие. Мобилизованных предполагалось отправить на Сремский фронт. Однако 23 января они отказались повиноваться и после безуспешных переговоров переместились в Дреницу, где объединились с местными повстанцами. Уже 25 января 1945 г. повстанцы начали активные наступательные действия. Отсутствие оперативных частей НОАЮ позволило мятежникам, которых насчитывалось около 12 000, распределить свои силы по дреницким селам. Вместо того чтобы подавить восстание, Оперативный штаб допустил заминку, которая только увеличила размах восстания. Верховному командованию пришлось принять ряд мер, направлен-

ных на урегулирование ситуации: переброшенные армейские части НОАЮ сражались с албанскими повстанцами вплоть до конца февраля. В ходе военной операции в КиМ югославская армия понесла серьезные потери. Из 39000 задействованных бойцов НОАЮ и Корпуса народной обороны Югославии (КНОЮ) из строя выбыло 3266: около 650 убитыми, около 1360 ранеными и 1256 пропавшими без вести. Потери противника остались неизвестными, однако предполагается, что они были намного больше, в том числе и среди гражданского населения. Уцелевшие повстанцы перешли к диверсионной деятельности и обычному бандитизму [Dr̄ljević, s. 589–590].

В дальнейшем (1948–1950) поведение албанских повстанцев оказалось под влиянием радикальных изменений характера отношений Югославии и прочих стран «народной демократии», наступивших после Резолюции Информбюро (ИБ), в которой Иосиф Сталин осудил Иосипа Броз Тито. Уже в годы Второй мировой войны югославские коммунистические партизаны в отдельных случаях возражали против возвращения Косова и Метохии в состав Югославии. В новых условиях албанские мятежники в Косово и Метохии и западной Македонии получили нового союзника в лице лидера Албании Энвера Ходжи. Разумеется, сохранилась великоалбанская идеология повстанческого движения, которая теперь подчинилась пропаганде коммунистической Албании при осуществлении вооруженных, пропагандистских или разведывательных мер, направленных против Югославии. Перед вооруженными группами, забрасывавшимися из коммунистической Албании, стояла задача распространения пропагандистских материалов сепаратистского характера, нападения на представителей власти и установления контактов с местным албанским населением [Батковски, s. 83–88].

Подобный вид албанской антисербской деятельности, адаптировавшийся к переменчивым международным условиям, представлял собой устойчивое явление опоры местного сепаратистского движения на иностранный фактор (от Австро-Венгрии в начале XX века до пропаганды НАТО в конце века). Горные районы приграничья с Албанией остались зоной нестабильности вплоть до кровавого распада югославского государства в 90-е гг.

Наряду с вышеперечисленными националистическими повстанческими группами на территории Югославии находилось еще несколько более мелких групп, которые гораздо реже напоминали о себе. В их числе — члены ВМРО, которые, в основном, действовали в восточной Македонии. Впрочем, они являлись рудиментом давно прошедшей эпохи и не могли серьезно повлиять на ситуацию с безопасностью. Несмотря на это, сначала Отделение по защите народа (ОЗНА), а затем и УДБ (Управление госбезопасности, аналог советского КГБ) с КНОЮ и Народной милицией приложили серьезные усилия к уничтожению этих групп.

Оперативники УДБ выделяли и группу Младомусульман, которая, по их словам, во время войны добивалась создания автономной, независимой от НДХ Боснии под покровительством Германии, а после войны, в 1945–1947 гг., тоже предпринимала какие-то попытки создания организации на местах. В связи с этим было арестовано 800 (!) че-

ловек. В Мостаре конфисковали архив организации и различные листовки [АС, ф. БИА, III/35, Бандитизм. S. 14]. Некий Шукрия Аянович, лидер группы повстанцев мусульман из Восточной Боснии, был убит органами югославской государственной безопасности в первой половине 1948 г. [Yugoslav Chetnik...]

Упоминания и данные об этих группах фрагментарны, так как они не имели большого значения. Поэтому в доступных автору данного исследования фондах союзного и сербского республиканского управления УДБ, архивах центральных органов военной контрразведки, где хранятся документы КНОЮ, нет объемных материалов, посвященных этим группам.

В первые послевоенные годы в роли главных внутренних врагов югославского коммунистического режима выступали сербские четники и повстанческие группы меньшинств. После разрыва титовской Югославии с СССР в 1948 г. режим Й. Тито перестал восприниматься Западом как угроза и перешел в разряд стран, которые нужно поддерживать. По молчаливому согласию была открыта словенско-австрийская граница, куда стали активно уходить группы националистов всех мастей. Американская разведка и ее подручные перестали забрасывать подрывные группы на территорию Югославии. Численность повстанцев стала резко сокращаться. Среди малочисленных противников курса на разрыв с СССР преобладали сербы как из самой Сербии, так и из Хорватии, Боснии и Черногории, к которым присоединились отдельные представители других югославянских народов [Заточеници... s. 7–49]. Открытых противников этой новой югославской политики было сравнительно немного в силу крайней жестокости титовского режима [Yugoslav Troop... Rumors of Tito...], количество жертв которого в процентном соотношении значительно превышало число жертв политических репрессий в то же время в СССР²⁸². Впрочем, не только в районах, населенных сербами, но и по всей Югославии проявлялись различные меры недовольства в поддержку Москвы (от листовок до саботажа) [Заточеници...].

Граждан Югославии, которые поддержали Резолюцию Информбюро 1948 г. и с большим уважением относились к Сталину, чем к Тито, в Югославии называли «информбюровцы» (сокращенно — ИБ-овцы). Их появление стало результатом кризиса отношений Белграда с первым социалистическим государством. В резолюции ИБ критиковались Тито и его ближайшее окружение, переставшие подчиняться Москве. Неудачные попытки инициировать критикой смену титовского руководства привели к расколу социалистического лагеря, а Тито после недолгих попыток продемонстрировать фиктивную верность коммунистической идеологии поспешил в объятия Вашингтона. Титовская Югославия в 1950–1954 гг. на всех парах двигалась в НАТО, получала западную военную помощь и даже подписала военно-экономический Балканский пакт с представителями НАТО в юго-восточной Европе — с Грецией и Турцией. Таким образом, именно на территории Западных Балкан впервые произошло резкое изменение договоренности о разделе сфер влияния между СССР и США. Изменение характера повстанчества в Югославии стало ярким индикатором этих изменений.

Литература

- Рубцов Ю.В. Удар американской авиации по советским войскам: Инцидент в день 27-й годовщины революции // Военно-исторический журнал. 1996. № 6.
- Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб. 2007.
- Тимофеев А.Ю. Сербские союзники Гитлера. М. 2011.
- Тимофеев А.Ю. Четники. Королевская армия. М. 2012.
- Тимофеев А.Ю. Ялтинская конференция и Балканы в 1945 г.: опыт вооруженной поддержки дипломатических соглашений // Ялта 45: уроки истории. Система международных отношений в XX–XXI вв. и ее будущее: сб. материалов научной конференции, Ялта, 21–22 февраля 2018 г. Ялта. 2018.
- Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 37 ОА.
- Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 866 иап.
- Архив Србије. (АС) ф. БИА.
- Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. Скопје. 1994.
- Борозан Ђ. Велика Албанија. Поријекло, идеје, пракса. Београд. 1995.
- Bulatović Lj., Spasić B. Smrt je njihov zanat. Dokumenti ustaškog terora. Beograd. 1993.
- Dimitrijević B. JNA od Staljina do Atlantskog pakta. Armija u spoljnoj politici Titove Jugoslavije 1945–1958. Beograd. 2006.
- Drljević S. Kontrarevolucija na Kosovu i Metohiji i zavođenje Vojne uprave februara 1945. // Zbornik radova sa naučnog skupa Za pobjedu i slobodu — knjiga 9. Završne operacije za oslobodjenje Jugoslavije, Učesnici govore, 23. i 24. april, 1985. Beograd. 1986.
- Живојиновић Д. Ватикан, католичка црква и југословенска власт. Београд. 1994.
- Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије. Београд. 2016.
- Hockenos P. Homeland Calling: Exile Patriotism & the Balkan Wars. NY. 2003.
- Joksimović S. Oslobođenje Kosova (oktobar-novembar 1944. godine) // Vojnoistorijski glasnik 1.1975.
- Premk M. Matjaževa vojska 1945–1950. Ljubljana. 2005.
- Radelić Z. Križari. Gerila u Hrvatskoj 1945–1950. Zagreb. 2002.
- Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945–1985. Savezni sekretarijat za narodnu odbranu I. Beograd. 1990.
- Тасић Д. Рат после рата, Војска Краљевине СХС на Косову и Метохији и у Македонији 1918–1920. Београд. 2008.
- Vukušić B. Tajni rat UDBE protiv hrvatskog iseljeničtva. Zagreb. 2001.
- Zaugg F.A. Albanische Muslime in der Waffen-SS. Von „Großalbanien“ zur Division „Skanderbeg“. Paderborn. 2016.
- Zbornik dokumenata o obaveštajnoj službi i službi bezbednosti u NOR. Knj. 18. Beograd & Državni sekretarijat za unutrašnje poslove FNRJ. 1961.

Authors

Aleksey ALEKSANDROV — Professor; Head of Department of Criminal Procedure, St Petersburg University; member of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Building; member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia; Doctor of Juridical Science.

Mark ALMOND — British historian, director of the Crisis Research Institute, Oxford; ex-Chair of the British Helsinki Human Rights Group.

Susan BUTLER — American historian, expert on the diplomatic history of the World War II; author of renowned books on Roosevelt and Stalin.

Jacques HOGARD — French political analyst; Chairman of the Strategic Consultancy Company EPEE in Paris; Former Senior Officer in the French Army.

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Full Professor; Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Anton KRUTIKOV — Historian, Research and Information Project “Western Russia” (Minsk, Belarus); bialyorzel1000@gmail.com.

Vladimir PECHATNOV — Professor of the Department of History and Politics of Europe and America, MGIMO University; Doctor of History; Honored Scientist of the Russian Federation.

Alexey TIMOFEEV — Professor; Leading researcher, Institute for Contemporary History (Belgrade, Serbia); Doctor of History; al.timofev@gmail.com.

Vladimir VASILIEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Sergey YURCHENKO — Professor; Prorector on International Activities and Information Policy, Crimean Federal University; Doctor of Political Science.

Abstracts and Keywords

Aleksey ALEKSANDROV

CRIMEAN CONFERENCE AND NUREMBERG TRIALS: LESSONS FROM HISTORY

Abstract. *The issues of the post-war world order discussed at the Crimean Conference in February 1945 included the qualification of crimes against humanity committed by the Nazi regime. Along with the idea of full trial, which was defended by the Soviets, other options were considered in Yalta — from “truncated” legal proceedings to extrajudicial execution of high-ranking Nazi officials, proposed by W. Churchill, but rejected by both I. Stalin and F. Roosevelt. The Yalta meeting of three world leaders can be rightfully considered a kind of prologue to the Nuremberg trials on Nazi war criminals (and Nazi ideology itself), which proceeded in accordance with the highest world standards of jurisprudence.*

Keywords: *Crimean Conference, Nuremberg Trials, war crimes, crimes against peace and humanity, Nazi Germany, International Military Tribunal.*

Mark ALMOND

CHURCHILL AND SUMMIT DIPLOMACY: WARTIME MODELS FOR KEEPING POST-WAR PEACE

Abstract. *Winston Churchill’s participation in the Yalta Conference became one of the most controversial episodes in his long career. However, the most prominent British statesman of the 20th century consistently argued before and after 1945 for summit diplomacy as a key tool for effective alliances and defusing the risk of war. After returning to power in 1951, Churchill had become the first proponent of détente, but as the Cold War intensified found his suggestions for a new summit rejected by both the White House and the Kremlin. There are lessons for today’s political leaders from Churchill’s subtle and realistic approach.*

Keywords: *World War II, summits, summit diplomacy, Yalta Conference, W. Churchill, Big Three, détente.*

Susan BUTLER**ROOSEVELT AND STALIN AT YALTA**

Abstract. *The article focuses on Franklin Roosevelt's aims and positions at the Yalta Conference of the Allied powers in February 1945. The American president was kind of the glue that kept W. Churchill and I. Stalin connected. When there were differences of opinion, Roosevelt typically worked by trying to find common ground and plaster over the differences. The most brilliant thing Roosevelt did at Yalta was to make Stalin and Churchill join in creating a world security organization before the war was won—while the allied nations were still in harness. At Yalta Roosevelt and Stalin worked together as partners for the mutual benefit of their nations. When Roosevelt died April 12 that partnership ended.*

Keywords: *F. Roosevelt, FDR, Yalta Conference, I. Stalin, W. Churchill, Allies of World War II, alliance, creation of the UN.*

Jacques HOGARD**75 YEARS LATER, WHAT HAS BECOME OF THE PRINCIPLES OF YALTA?**

Abstract. *One of the main goals of the Big Three meeting in Yalta was to guarantee the stability of a new postwar world order in a lasting way. In taking stock today, we can honestly recognize that for 75 years the world has been protected from the worst disaster of a third world war, even if it has been the scene of numerous conflicts. The "Yalta order" was, not without reason, criticized for a kind of "dividing of the world" among the USSR and the Anglo-Saxon Powers. Nevertheless, it was more respectful of nations, of their identity, of their independence than the new globalist order that has gradually replaced it. Today it is necessary to return to some essential principles of Yalta, at least to go back to the Yalta's spirit, so that the vision of a multipolar world is imposed on all, while respecting sovereignties, identities, and nations.*

Keywords: *Yalta Conference, legacy of Yalta, principles of Yalta, world order, conflicts, globalist order, sovereignty, identity, nations.*

Vladimir PECHATNOV**YALTA DECISIONS: WAS THERE AN ALTERNATIVE FOR THE WEST?**

Abstract. *The concluding results of the anti-Hitler coalition meeting in Yalta have long been criticized in the United States by the antagonists of Franklin Roosevelt's policy. In recent decades, they have raised renewed criticism in Central and Eastern Europe and across the West. Though, the decisions of Yalta Conference were fully determined by the balance of power and the real military situation on the war theatre by spring 1945. Each of the Allies pursued their own interests, but they appeared able to achieve a mutually acceptable compromise of these interests for the sake of final victory over common enemy. The Yalta Conference manifested the last upsurge of the Allied cooperation and in no way it served a prologue to the Cold War as it is now being asserted.*

Keywords: *Yalta Conference, World War II, post-war settlement, F. Roosevelt, I. Stalin, W. Churchill, Allies of World War II, Anti-Hitler coalition, balance of forces, Declaration of Liberated Europe, secret protocol on the Far East.*

Vladimir KONDRATEV**PROSPECTS FOR NEOLIBERALISM**

Abstract. *In recent years, the future of neoliberal capitalism is being questioned across Western countries. The dominant neoliberal model, which prioritizes indirect methods of regulation, a modest role for the State, maximum freedom of trade and investment, has drawn criticism from both the left and the right. Many emerging markets, for their part, have been abandoning neoliberalism. Varied experiences across the globe allow us to foresee further developments and future economic policymaking in a post-neoliberal world.*

Keywords: *neoliberalism, economic policies, economic policymaking, economic regulation, role of State, globalization, inequality of opportunities.*

Anton KRUTIKOV**"LET US LIVE IN PEACE". THE UKRAINIAN CONSTITUENT ASSEMBLY 1917–1918**

Abstract. *In the era of revolutionary turmoil in 1917, the Ukrainian Constituent Assembly turned out to be one of many attempts to resolve the national question in accordance with the ideals of revolutionary democracy so popular in post-February Russia. Contrary to the hopes of their organizers, the elections to the Constituent Assembly did not lead to parliamentary discussion and political compromise, giving way to other, more radical methods of struggle. The history of this institution illustrated the defeat of Russian liberal messianism, which proved its inconsistency under the conditions of the Russian Revolution and Civil War.*

Keywords: *Russian Revolution, Russia, Ukraine, Constituent Assembly, Central Rada, Provisional government, Civil War.*

Alexey TIMOFEEV**THE “GRAND BARGAIN” OF THE YALTA CONFERENCE AND ITS IMPLEMENTATION ON THE GROUND: THE CASE OF YUGOSLAVIA. BORDER INSURGENCY 1945–1948**

Abstract. *At the highest level, Yalta’s “grand bargain” became a diplomatic form of recognition of the Red Army’s combat capabilities, but at the local level, the agreement was far from being observed. The rise of the anti-communist insurgency in post-war Yugoslavia relied, ideologically, and in border areas also financially, on the Anglo-American support. Besides the Serbian Chetniks, other rebel groups actively operated in Yugoslavia in the final months of the war and the first post-war years, including Slovenian units of the “Matthias’s Army”, Croatian Crusaders, Albanian ballists. Josip Broz Tito was no more considered a threat after his split with the USSR in 1948 and the number of rebels started to diminish rapidly. Some “pro-Soviet” rebellions which occasionally occurred did not receive real support and faded away thus giving Yugoslavia four decades of peace.*

Keywords: *Yalta Conference, Yugoslavia, insurgency, guerrilla tactics, counterinsurgency operations, interethnic relations in the Balkans.*

Vladimir VASILIEV**AT THE TURN OF A NEW AXIAL AGE: THE CRISIS OF 2020 AND MACRO CYCLES IN AMERICAN HISTORY**

Abstract. *The perception of American history within a paradigm of alternating cycles of conservative and liberal waves is being proved as valid for political prognoses, as it has been widely accepted in academic research since A. Schlesinger Jr.’s book “The Cycles of American History”. Accordingly, there are now identified eight political cycles 30–33 years long each. Though towards the end of the XX century American analysts introduced and started promoting a concept of 80 year-long macro cycles. Within this pattern the US since their emergence have experienced three macro cycles entering at present into the fourth. The transition has been marked by severe crises and turmoil in American society with implications comparable to those of the War for Independence (1775–1783), Civil War (1861–1865) and American involvement in World War II.*

Keywords: *political cycles, cycles in American history, historical macro cycles, A. Schlesinger Jr, Strauss–Howe generational theory, crisis of 2020, S. Bannon, new axial age.*

Petr YAKOVLEV**EFFECT OF COVID-19: SPAIN FACES THE CHALLENGE OF CORONA CRISIS**

Abstract. *The article dwells on the complex and ambivalent developments in political, social and economic life of Spain, where the detrimental effects of the Covid-19 pandemic produced a full fledged crisis crucially challenging the “Progressive Coalition” government as the major existential factor of the Spanish state. The new Spanish leadership, formed by left and center-left forces in early 2020, started with initiating a political reset designed to boost economic growth and to raise living standards of people. However, the coronavirus has ruined these plans sharply aggravating the socio-economic situation. Exiting the new crisis and overcoming its dramatic consequences has become the foremost task for the Spanish left government.*

Keywords: *Spain, general (parliamentary) elections, “progressive coalition”, political reset, economic and social problems, COVID-19 pandemic, way out of the corona crisis.*

Sergey YURCHENKO**THE SOVIET DELEGATION AT THE 1945 YALTA CONFERENCE: COMPONENTS OF SUCCESS**

Abstract. *The article analyzes the external and internal conditions that enabled the Soviet delegation’s successful work at the Yalta Conference in 1945. The military balance on the war fronts was of decisive importance, and above all the successes of the Soviet troops, which significantly strengthened the position of the USSR within the anti-Hitler coalition. Factors of personal understanding among I. Stalin, F. Roosevelt and W. Churchill, acting on a solid foundation of geopolitics, and their working together played a major role. Intensive informational and analytical work, in preparation for a postwar settlement, greatly contributed to the Soviet delegation’s success. Other elements included, for instance, Stalin’s strengths as a negotiator, as well as a number of infrastructural advantages and opportunities which the host country always possesses during negotiations, and which were effectively used during the Crimean conference.*

Keywords: *Yalta Conference, Crimean Conference, Soviet delegation, negotiations, The Big Three, I. Stalin, W. Churchill, F. Roosevelt.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2020

№2 (22)

(апрель — июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2020

№2 (22)

(April — June)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки *Ирина Гортинская*

Дизайн-макет *Ирина Гортинская*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ирина Гортинская*

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87